ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

2014
N 3 (29)

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established by Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ **EDITORIAL BOARD**

Председатель **Chairman**

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate professor, honoured worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Главный редактор **Chief Editor**

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Ответственный редактор **Executive Editor**

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии: **Members of the editorial board:**

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus (Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э.,
кандидат юридических наук, профессор,
Институт управления Университета правоохранительной службы Монголии

BOKHCHULUUNY B.-E.,
Candidate of Legal Sciences, professor,
University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)

ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., кандидат юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Гамбургский университет	SIEGMUNT O.A., PhD, Hamburg University (Federal Republic Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральская государственная юридическая академия	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law Academy
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛИПОВАЦ К., PhD, Криминалистическая полицейская академия Республики Сербия	LIPOVAC K., PhD, Academy of Criminalistic and Police Studies (Republic of Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Republic of Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Институт международных исследований
Карлова университета

POJMAN P.,
PhD,
Charles University
(Czech Republic)

ПФАЙФФЕР Х.,
Криминологический исследовательский центр
Управления криминальной полиции
Нижней Саксонии
Федеративной Республики Германия

PFEIFFER H.,
Criminological research center
of the criminal police agency of Lower Saxony
(Federal Republic Germany)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий

Included in the list of the Russian reviewed scientific journals

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

http://www.naukatipk.ru; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.
Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык М.И. Лысковой.
Подписано в печать 18.09.2014. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 22,2. Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 1000 экз. Заказ N 80. Цена свободная.
© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАЛЬКО А.В., БОГАТЫРЕВ Н.В. Реформирование института нотариата в контексте усиления охранительного воздействия права **7**

ТЯБИНА Ю.А. Юридические факты на стадии исполнения приговора **17**

СЕРОВА О.А. Межотраслевое взаимодействие институтов конфискации и реквизиции имущества: уголовно-правовой и цивилистический аспекты **22**

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

БУРДЖУЕВ Р.Ф., СЕВРЮГИН В.Е. Коллизии административной ответственности за незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства **28**

Раздел 3. Уголовный закон

БУГЕРА Н.Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России **35**

ТЫДЫКОВА Н.В. Заражение потерпевшего венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией как квалифицирующий признак: критика уголовного закона **41**

Раздел 4. Криминологическая наука

МЕЛТОНЯН Р.М. Освобождение от уголовной ответственности: криминологическая обоснованность закона **47**

Раздел 5. Пенитенциарная система

ГРИШКО А.Я. Эффективность постпенитенциарной адаптации и административный надзор: анализ основных взаимосвязей **54**

ЕПИФАНОВ С.С. Технические средства в противодействии пенитенциарной преступности: требования к системе **58**

CONTENTS

Section 1. Methodology of law enforcement activities

MAL'KO A.V., BOGATYREV N.V. Reforming the Notary Institute in the context of strengthening the protective impact of law **7**

TYABINA Yu.A. Legal facts at the stage of executing a sentence **17**

SEROVA O.A. Interdisciplinary interaction of the institutions of the requisition and confiscation of property: criminal and civil law aspects **22**

Section 2. Human rights protection

BURDZHUEV R.F., SEVRYUGIN V.E. Conflicts of administrative liability for illegal employment of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation **28**

Section 3. Criminal Law

BUGERA N.N. The relationship between the concepts "involvement" and "inducement" in Russian Criminal Law **35**

TYDYKOVA N.V. Infecting the victim with a sexually transmitted disease or HIV as aggravating circumstance: criticism of criminal law **41**

Section 4. Criminology

MELTONYAN R.M. Exemption from criminal liability: criminological validity of law **47**

Section 5. Penitentiary system

GRISHKO A.Ya. The efficiency of the post-penitentiary adaptation and the administrative supervision: analysis of the interrelation **54**

EPIFANOV S.S. Technical means to counter prison crime: requirements for the system **58**

БАДАМШИН И.Д., ШАХМАЕВ М.М. Определение критериев исправления осужденных при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания **66**

BADAMSHIN I.D., SHAKHMAEV M.M. Defining the criteria of the correction of convicts released on parole

Раздел 6. Правоохранительная политика

Section 6. Law enforcement policy

АЛЕКСАНДРОВА И.А. Ориентиры новой уголовной политики противодействия преступности в сфере экономики (в условиях антироссийских санкций) **73**

ALEXANDROVA I.A. New directions of criminal policy on combating economic crime (under the conditions of anti-Russian sanctions)

РОЗЕНКО С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности **80**

ROZENKO S.V. Rehabilitation of Nazism: new grounds of criminal liability

ЯРОСЛАВЦЕВ С.Ф. Понятие эколого-правовой политики в сфере автотранспортных отношений (природоохранный аспект) **86**

YAROSLAVTSEV S.F. The concept of environmental and legal policy in the sphere of motor transport relations (environmental aspect)

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

Section 7. Criminal procedural review

ДЕРИШЕВ Ю.В., ЗЕМЛЯНИЦИН Е.И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении **95**

DERISHEV Yu.V., ZEMLYANITSIN E.I. Procedural status of the person against whom a preliminary verification of reporting a crime is conducted

ЗАВОДНОВА С.В. Обязанности властных субъектов уголовного судопроизводства, направленные на обеспечение прав его участников **101**

ZAVODNOVA S.V. The duties of government entities in criminal proceedings, aimed at ensuring the rights of its participants

СТЕЛЬМАХ В.Ю. Правовая природа, участники и процессуальный порядок проверки показаний на месте **111**

STELMACH V.Yu. The legal nature, participants and procedural order of verification of testimony on-site

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

Section 8. Improving law enforcement practice

АЛЕКСЕЕВ В.В., ПЕСТРУИЛОВА Н.Н. Возможен ли оперативный эксперимент без провокации преступления? **121**

ALEKSEEV V.V., PESTRUILOVA N.N. Is it possible to conduct the experiment in crime detection without provocation of crime?

ТОЛДИЕВ А.Б. Какой должна быть современная дежурная часть органов внутренних дел? **127**

TOLDIEV A.B. Modern emergency dispatch center of the internal affairs bodies – what should it be?

ШМИДТ А.А. Логические ошибки законодательства об оружии: взгляд правоприменителя **133**

SCHMIDT A.A. Logical errors of gun legislation: view of law enforcer

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ШУВАЛОВ Н.В., МАРТЫНОВ А.Н. Фальсификация и инсценировка с использованием юридического лица при мошенничестве в сфере кредитования **138**

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

ХРАБЕТОВА Я. Смертная казнь в XXI веке: результаты изучения общественного мнения в Республике Чехия **147**

ЖУКОКОВА Н.К. Сравнительно-правовая характеристика отбора судей в Российской Федерации и в Республике Казахстан **156**

КАНУННИКОВА Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму **163**

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ЯКОВЛЕВА И.В. Дефекты законодательного регулирования и практика формирования судейского корпуса **169**

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

БИМБИНОВ А.А. Субъективная сторона полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста **173**

КАЗНАЧЕЙ И.В. Уведомление участников уголовного судопроизводства с помощью современных средств технической коммуникации **182**

БОБКОВ Я.И. Правовой статус защищаемого лица в современном российском уголовном судопроизводстве **187**

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

SHUVALOV N.V., MARTYNOV A.N. Falsification and dramatization using a legal entity when committing fraud in lending **138**

Section 10. Comparative studies and foreign experience

HRABETOVA Ya. The death penalty in the XXI century: the results of public opinion research in the Czech Republic **147**

ZHUKOKOVA N.K. Comparative legal characteristic of selection of judges in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan **156**

KANUNNIKOVA N.G. Foreign experience of combating international extremism and terrorism **163**

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

YAKOVLEVA I.V. The defects of legislative regulation and the practice of the judiciary formation **169**

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

BIMBINOV A.A. The mental element of sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen **173**

KAZNACHEY I.V. Notification of participants in criminal proceedings through modern technical means of communication **182**

BOBKOV Ya.I. The legal status of the protected person in the contemporary Russian criminal proceedings **187**

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
igp@sgap.ru
Саратовский филиал Института
государства и права
Российской академии наук,
410028, г. Саратов,
Чернышевского, 135

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honoured Worker of Science
of the Russian Federation,
igp@sgap.ru
Saratov Branch of the Institute
of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Chernyshevskogo St. 135, Saratov,
410028, Russian Federation

БОГАТЫРЕВ Н.В.,
nic777-89@mail.ru
Кафедра теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия,
410056, г. Саратов, Вольская, 1

BOGATYREV N.V.,
nic777-89@mail.ru
Chair of Theory of State and Law;
Saratov State Law Academy,
Vol'skaya St. 1, Saratov,
410056, Russian Federation

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА В КОНТЕКСТЕ УСИЛЕНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Реферат. Показано значение института нотариата в формировании и реализации правоохранительной политики. Предлагаются и обосновываются направления реформирования института нотариата. Подчеркивается необходимость принятия федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» с уточнением статуса нотариата, его функций (регулирующих, контрольных, фискальных). Нуждаются в закреплении существо нотариальной деятельности, четкие формулировки цели и задач нотариального удостоверения, механизмы взаимодействия нотариусов с другими юрисдикционными органами. Предлагается установление единой внебюджетной системы нотариата, ликвидация созданной в переходный период развития экономики двойной (государственной и внебюджетной) модели нотариата. Аргументируется необходимость активизации охранительного потенциала нотариата и расширения полномочий нотариуса (нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью до их государственной регистрации; возможность реализации нотариусом функций налогового агента; расширение практики внесения денежных средств на депозит нотариуса при нотариальном удостоверении сделки с недвижимостью). Обосновывается установление единой тарифной политики, показано значительное несоответствие между взиманием государственной пошлины (государственные нотариусы) и денежным вознаграждением в виде нотариального тарифа (частные нотариусы). Доказывается, что только единая нотариальная тарифная политика может отвечать балансу интересов граждан, заинтересованных в юридической безопасности заключаемых сделок. Подчеркивается необходимость активизации работы по информационному взаимодействию нотариата с субъектами правоохранительной деятельности и иными органами (Росреестр, МВД России, Следственный комитет России). Аргументируется с приведением зарубежного опыта и данных статистики необходимость обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью (государственная регистрация не может быть альтернативой нотариальному действию).

Ключевые слова: нотариат, нотариальное удостоверение, реформирование, нотариальная политика, правоохранительная политика.

REFORMING THE NOTARY INSTITUTE IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING THE PROTECTIVE IMPACT OF LAW

Abstract. The importance of the Notary Institute in the formation and implementation of law enforcement policy is shown in the article. The ways of reforming the Notary Institute are proposed. The need for the Federal Law "On Notary and Notarial Activity in the RF" to specify the status of notaries, their functions is emphasized. The essence of notarial activity, clear wordings of the notarization' purposes and objectives, mechanisms of notaries' interaction with other authorities need to be fixed. The authors propose to establish a single non-budgetary notary system and to eliminate the double (state

and non-budgetary) model, created during the transition period of the economic development. The need for strengthening the protective capacity of notaries and expansion of their powers (notarization of real estate transactions before their state registration, the possibility of implementing the tax agent functions by a notary, expansion of the practice of contribution of funds on notary deposit when notarizing real estate transactions) is argued. Establishment of a common tariff policy is justified. A significant discrepancy between the state tax collection (public notaries) and monetary reward in the form of a notarial tariff (private notaries) is shown. It is proved that only a single notarial tariff policy can meet the interests of citizens interested in the legal security of transactions. The need to intensify the information interaction of notaries with the subjects of law enforcement activities and other authorities is stressed. Basing on the statistic data and foreign experience, the authors emphasize the need for mandatory notarization of real estate transactions.

Keywords: notary, notarization, reform, notary policy, law enforcement policy.

Бесспорным фундаментом построения сильного правового государства следует рассматривать такие условия, при которых возможно гарантировать соблюдение и охрану официально признанных правовых ценностей. Имеющаяся потребность граждан в непрерывной охране их прав и законных интересов определяет общий алгоритм действий для всех правоохранительных органов, мобилизует последние на более действенное выполнение охранительной функции права. Достичь цели такой деятельности можно только при постоянном внимании правоохранительных структур, являющихся частью правоохранительной системы. Данные структуры, для того чтобы более эффективно осуществлять охранительную функцию, должны так или иначе участвовать в формировании и осуществлении соответствующей правоохранительной политики.

Правоохранительная политика представляет собой научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по повышению эффективности охранительной функции права, по совершенствованию правоохраны, по выстраиванию полноценной правоохранительной системы в целях наиболее полного обеспечения и защиты прав и свобод граждан, охраны интересов гражданского общества и государства [1, с. 6]. Целью правоохранительной политики следует считать повышение «иммунитета» права от всевозможных правонарушений, действенное осуществление его охранительной функции, результативную работу правоохранительной системы [2, с. 310].

В качестве субъекта, объединяющего в себе возможность охраны как публичных, так и частных интересов, следует рассматривать нотариат. Так, в проекте Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации нотариат совершенно обоснованно указан в качестве одного из субъектов формирования и реализации правоохранительной политики [3, с. 15].

Массовая приватизация, охватившая Российскую Федерацию в конце XX века, способствовала становлению и дальнейшему совершенствованию института частной собственности. Это действие потребовало от государства значительных и кардинальных изменений, в том числе в подходах к выработке новых методов организации правового сопровождения форм социально-экономической активности ее субъектов. Данное политическое решение, безусловно, следует рассматривать в качестве вынужденной меры нахождения точек соприкосновения между частными и публичными интересами.

Состояние России, вступающей в эпоху рыночных отношений, оценивалось на уровне экономически слабо подготовленного государства. Одной из предпосылок для выравнивания сложившейся ситуации, по нашему мнению, следует считать не только отсутствие должного правового регулирования в сфере гражданского оборота, но и включение проверенного временем одного из инструментариев государства, каким является нотариат. Одновременно следует признать, что зарождение, а в последующем не менее активное развитие и совершенствование рыночных отношений с необходимостью демонстрировали потребность общества и готовность нашего государства к реформированию самого института отечественного нотариата.

Российскому государству был необходим не столько сам соответствующий нормативный правовой акт, способный урегулировать и обеспечить охрану прав и законных интересов граждан и юридических лиц, сколько эффективный механизм,

который смог бы обеспечить правопорядок не только в области рыночных отношений, но и в сфере недвижимости, наследственных правоотношений, действенной защиты физических и юридических лиц.

Реформирование нотариата как такового не должно стать самоцелью, а должно быть направлено на использование его потенциала, обеспечивающего снижение возможных юридических рисков и предупреждение нарушений прав и законных интересов как в настоящем, так и в отдаленном будущем. В эпоху, когда экономики всех стран тесным образом связаны между собой, а рыночные отношения имеют трансграничный характер, особенно актуально звучит вопрос об обеспечении благополучного инвестиционного климата экономик этих государств. Он может формироваться только в тех условиях, при которых участники экономической деятельности наилучшим образом обеспечены гарантиями правовой охраны.

Реформирование отечественного нотариата необходимо производить по следующим направлениям:

1. Принятие федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». В последнее время современный российский нотариат как правовой институт стал довольно часто подвергаться массовой критике со стороны и научного сообщества, и самих нотариусов. Для этого есть свои причины. Разработка концепции развития Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), а также вносимые изменения в ГК РФ требуют давно назревшего реформирования отдельных правовых институтов, одним из которых является нотариат.

Несомненно то, что наряду с достоинствами этого правового института, отметившего небольшой по историческим меркам, 20-летний юбилей, имеется и ряд существенных недостатков. Речь идет прежде всего о тех правовых положениях, регулирующих нотариальные отношения, многие из которых давно морально устарели, стали крайне неэффективными.

Фактическое отсутствие надлежащего регулирования в современный период в сфере нотариальной деятельности объясняется тем, что сами «Основы законодательства о нотариате» от 11 февраля 1993 г.* (далее — Основы) не содержат таких основных понятий и терминов, как «нотариат», «нотариальная деятельность», «нотариальный акт» и т.д. Такая неопределенность, к сожалению, не соответствует месту и роли российского нотариата. Обращают на себя внимание не совсем четкие функции нотариата как правового института, отсутствие возрастающей роли государственных органов в реализации регулирующих, контрольных, фискальных функций.

Более чем за 20-летнее существование Основ изменения и дополнения в них вносились 22-мя федеральными законами, содержание порядка 48-ми статей было подвергнуто правкам. По сравнению с первоначальной редакцией закона Основы были дополнены 3-мя новыми главами, 13-ю новыми статьями.

В действующем законодательстве место нотариата определено недостаточно четко. Не определяется и существо нотариальной деятельности. Цели и задачи нотариального удостоверения ограничиваются довольно обтекаемыми формулировками, зачастую вводя правоприменителя в заблуждение. Отсутствуют четкие механизмы взаимодействия нотариуса с другими юрисдикционными органами.

Проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности» предлагает качественно иной подход и уровень правового регламентирования института нотариата.

2. Установление единой внебюджетной системы нотариата. Исторически нотариат претерпевал неоднократные преобразования. Организационно-правовое реформирование отечественного нотариата следовало экономическим и политическим изменениям, происходящим в нашем государстве. До 1917 г. данный правовой институт являлся частным, в период с 1917 по 1993 гг. российский нотариат был государственным. Начало 90-х годов прошлого столетия ознаменовалось периодом возрождения частного нотариата. В последующем приходилось констатировать тот факт, что бюджетная (государственная) форма нотариата, существовавшие методы его работы больше не отвечали новым

* Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. N 10. Ст. 357.

экономическим требованиям гражданского оборота и реалиям того времени в целом. Система государственного нотариата практически без боя уступила свои ключевые позиции внебюджетному, организованному по принципам латинской модели нотариата.

Основы, по сути, оформили сосуществование в стране двух систем нотариата – государственной и внебюджетной. Они и сейчас остаются юридически параллельно функционирующими, но, как показывает практика, не равными по своему потенциалу. Правовое положение государственных нотариусов характеризуется полным отсутствием таких важных элементов осуществления нотариальной деятельности, как: независимость, личная ответственность, страхование риска профессиональной ответственности, корпоративная солидарность и т.д. Надо сказать, что это явление в России выступает беспрецедентным для многих континентальных правовых систем по сравнению с действующей моделью развития латинского нотариата. Для всех очевидно, что Основы устарели как по своей форме, так и по содержанию. Более того, двойная (смешанная) структура российского нотариата, существовавшая в переходный период, совершенно очевидно не должна рассматриваться в качестве стратегии развития этого института на сегодняшнем этапе развития государства.

3. Переориентация на более активную модель нотариата и расширение полномочий нотариуса. Анализируя опыт соседних государств, считаем весьма интересным рассмотреть те правовые положения, которые определили роль нотариата Украины в механизме осуществления охранительной функции права. Речь идет не только о статье 657 ГК Украины, в соответствии с которой договор купли-продажи земельного участка, единого имущественного комплекса, жилого дома (квартиры) сначала в письменной форме удостоверяется и только потом подлежит государственной регистрации, но и о нормах налогового законодательства. Так, нотариус, осуществляя классические для себя функции, вправе реализовывать функции налогового агента. Украинский нотариус после удостоверения договора вправе предложить сторонам услуги по денежному расчету. Наделяя такими дополнительными полномочиями нотариуса, украинское законодательство существенно облегчает не только выстраивание экономически взаимовыгодных и партнерских отношений между сторонами по сделке, но и реализует публичный интерес. Ведь нотариус вправе произвести исчисление, удержание денежных средств из соответствующего дохода лица, осуществить их перевод в счет уплаты налога в соответствующий бюджет от имени и за счет средств налогоплательщика (ст. 18 Налогового кодекса Украины).

Полагаем, что в случае наделения подобными полномочиями отечественного нотариуса этот правовой институт приобретет наиболее ясное очертание с точки зрения его роли в осуществлении охранительной функции российского права. На практике это позволило бы, с одной стороны, существенно увеличить уровень взимания налогов, что обеспечило бы соразмерное увеличение объема казны, а с другой стороны, данная новелла способствовала бы росту финансовых поступлений, что обеспечило бы перераспределение финансовых потоков с целью реализации наиболее важных государственных задач и сокращение дефицита бюджета в целом.

Вышеуказанное нововведение по реформированию отечественного нотариата тесным образом связано и с другими, уже имеющимися, но, увы, редко применяющимися на практике нотариальными действиями. К примеру, такое нотариальное действие, как внесение денежных средств на депозит нотариуса при нотариальном удостоверении сделки с недвижимостью и ограничение пользования наличными денежными средствами, должно выступить одним из факторов для указания сторонами истинной цены по сделке. Следует напомнить, что не так давно Министерство финансов России с целью снижения объема теневого сектора экономики внесло на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания России законопроект, предусматривающий введение ограничений по наличному расчету [4].

4. Установление единой тарифной политики. На сегодняшний день законодательство построено таким образом, что государственные нотариусы за оказанные услуги взимают государственную пошлину, а частнопрактикующие получают денежное вознаграждение в виде нотариального тарифа. Как

нам видится, государство, учитывая принцип самофинансирования частнопрактикующих нотариусов, позволило им в силу ст. 23 Основ дополнительно к нотариальному тарифу взыскивать также денежные средства за оказание услуг правового и технического характера (далее — УПТХ). В то же время государственными нотариусами данные услуги оказываются бесплатно. Следует напомнить, что раньше государственный нотариус при взыскании государственной пошлины также включал в нее плату как за само совершение нотариального действия, так и за услуги правовой и технической работы (ст. 22 Основ (в ред. от 29 июня 2004 г.), Закон РФ от 9 декабря 1991 г. N 2005-1 «О государственной пошлине»*).

Практика же взимания оплаты у частнопрактикующего нотариуса выглядела иначе. Частный нотариус в зависимости от обязательности нотариального удостоверения того или иного факта мог взыскать плату по тарифу, который соответствовал размеру государственной пошлины, либо мог определить тариф, в который уже была включена оплата вознаграждения за услуги правовой и технической работы, хотя и по соглашению с лицом, обратившимся к нотариусу.

На нотариальную практику по взиманию государственной пошлины и нотариального тарифа повлияла глава 25.3 «Государственная пошлина» Налогового кодекса РФ, вступившая в силу 1 января 2005 г. Она устанавливала четкие размеры государственной пошлины, а упоминание о технической и правовой работе содержали только нормы ст. 23 Основ. Высокий уровень инфляции, так свойственный для России (2005 г. — 10,9 %; 2006 г. — 9 %; 2007 г. — 11,9 %; 2008 г. — 13,3 %; 2009-2010 гг. — 8,8 %), только в последнее время существенно изменяется (2011 г. — 6,1 %; 2012 г. — 6,3 %; 2013 г. — 6,4 %; 2014 г. — ожидается 3,2 %). Уровень реальных доходов частнопрактикующих нотариусов существенно снизился (более чем на 50 %) с учетом того, что сами нотариальные тарифы не менялись с 2005 года.

На практике самоокупаемость нотариальной деятельности и принцип самофинансирования был поставлен под удар. В нынешних Основах отсутствует тарифная политика за составление нотариального акта и за техническую работу, в то время как установление размера тарифов должно отвечать балансу интересов граждан, заинтересованных в юридической безопасности заключаемых сделок. Реализация государством тарифной политики должна обеспечивать принцип самофинансирования отечественного внебюджетного нотариата. Данное положение является ключевым, так как нотариальный тариф должен экономически способствовать реализации тех функций и задач, которые были возложены законодателем на нотариат.

Во внебюджетном нотариате уже около 8 лет не осуществлялись мероприятия, направленные на изменение размеров нотариального тарифа. В свою очередь, такое положение дел спровоцировало появление негативных последствий в виде завышения сумм, взимаемых за совершение нотариального действия со стороны частнопрактикующих нотариусов. Это выступило своего рода компенсацией за отсутствие у них права на совершение нотариальных действий, за которые предусмотрены более высокие тарифные ставки. Следует также отметить, что в действующем нотариальном законодательстве почти отсутствуют механизмы реагирования на подобные действия нотариусов. Отсюда и массовый поток жалоб со стороны недовольных граждан и организаций.

В то же время государство ограничивается лишь комментарием того, что за выполнение нотариальных действий, оказание услуг правового и технического характера взимается плата с учетом себестоимости затрат на составление данных документов**.

Свою точку зрения на проблему установления единой тарифной политики высказала и Федеральная нотариальная палата (далее — ФНП). Ее позиция была прагматичной и основывалась на том, что установление единых размеров нотариальных тарифов за оказание услуг правового и технического характера для всех регионов России невозможно в силу отсутствия на сегодняшний день экономически выверенных и обоснованных расчетов себестои-

* Рос. газ. 1996. 13 янв.

** Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Министерства финансов РФ от 12 февр. 2008 г. N 03-05-06-03/01 «Об уплате государственной пошлины и нотариального тарифа за совершение нотариусами нотариальных действий».

мости этих услуг. Кроме этого, она полагает, что само взимание платы в тех размерах, которые были установлены региональными нотариальными палатами, не противоречит действующему законодательству*.

Следует отметить, что высказанная точка зрения ФНП и данные ей разъяснения не смогли внести необходимой ясности в понимание и выработку единой тарифной политики. Более того, в итоге в одних субъектах Российской Федерации (Санкт-Петербург, республики Башкортостан, Карелия, Коми, Тыва, а также Воронежская и Тюменская области) на уровне подзаконных актов было делегировано право передачи нотариальным палатам некоторых полномочий по установлению тарифов УПТХ. Эти нотариальные палаты ежегодно устанавливают размер рекомендуемых тарифов по взиманию платы за УПТХ. В других регионах России (Томская область, Республика Ингушетия, Приморский край) нотариальная практика взимания УПТХ складывается исключительно исходя из норм ст. 23 Основ.

Установление политики единообразия по взиманию тарифа и УПТХ поддержала Федеральная антимонопольная служба. Установление на территории России их единых размеров обеспечит равенство граждан и юридических лиц перед законом, уникальность нотариата, посредством которого государство реализует свои правоохранительные функции.

Отсутствие надлежащей тарифной политики, которая должна исходить прежде всего от исполнительных органов государственной власти, привело к тому, что как региональные нотариальные палаты, так и частнопрактикующие нотариусы изыскивают разные экономические схемы по преодолению сложившихся трудностей. Мы полагаем, что было бы верно вынести принятие Положения о тарифе на уровень Правительства РФ, которое устанавливало бы единые размеры нотариального тарифа на всей территории России путем вынесения соответствующего Постановления.

В связи с этим весьма показателен уже имеющийся опыт Республики Беларусь, где задачи по реформированию института нотариата были сформулированы в Указе Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. N 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь» с учетом предложений, внесенных в его проект со стороны нотариального сообщества. Так, к 1 января 2014 года нотариат, совершив большой шаг вперед по своему реформированию, полностью перешел на внебюджетную модель осуществления своей деятельности. Ставка нотариального тарифа определяется Постановлением Правительства Республики Беларусь. Причем данный документ регулирует также и размер оказываемых нотариусом услуг правового и технического характера, что существенно облегчает реализацию задач и целей, возложенных на нотариат, а также вносит прозрачность в его деятельность.

5. Продолжение работы по информационному взаимодействию с органами государственной власти и иными субъектами, осуществляющими охранительную деятельность. В силу подписанного 20 марта 2014 г. Соглашения о сотрудничестве между Росреестром и ФНП предусматривается информационный обмен по тем направлениям, которые связаны с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним, осуществляемой на основании документов, удостоверенных в нотариальном порядке, а также получением необходимых сведений нотариусами. Следует отметить, что ранее действовало аналогичное соглашение о сотрудничестве, заключенное 30 декабря 2009 г. Новое Соглашение отдает приоритет электронному взаимодействию при осуществлении информационного обмена. Это позволит оптимизировать прием документов, предотвратить представление недостоверных (поддельных) документов. Регистраторы получили доступ к сервису и реквизитам нотариальных документов, а с 1 декабря 2014 г. получат доступ к сервису ФНП по проверке подлинности документов или указанных в них сведений, удостоверенных нотариусами. Также предполагается, что в ближайшем будущем ФНП будет включена в пилотный проект по тестированию перехода Росреестра на электронную регистрацию прав.

Обращает на себя внимание то, что принятые в связи с реформированием правоохранительной системы законодатель-

* Письмо Федеральной нотариальной палаты от 10 февр. 2010 г. N 204/05-08.

ные акты «О полиции»*, «О Следственном комитете Российской Федерации»**, к сожалению, не в полном объеме согласуются с действующими Основами. Они также не в полной мере находят свое отражение в имеющихся проектах федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». Так, обращают на себя внимание вопросы принятия мер к охране наследственного имущества. Нотариус одним из последних, если не самым последним, узнает о необходимости принятия обеспечительных мер к охране наследственного имущества. Нет четкого представления и практики взаимодействия между нотариусом, на участке которого возникает обозначенная потребность, и получением информации от участкового уполномоченного полиции, в обязанности которого входит информирование компетентных органов о необходимости проведения такой работы. Подобная несогласованность способна нарушить принцип универсального перехода имущества от наследодателя к наследникам, так как оно должно быть передано в том виде и состоянии, в котором принадлежало собственнику на дату смерти. Имеются определенные процессуальные сложности при организации и проведении правовой экспертизы в отношении оружия, предметов антиквариата, авторских прав, патента, имущества, находящегося за границей, которое входит в состав наследственной массы.

6. Необходимость обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью. В настоящее время имеются реальные предпосылки, которые в ближайший период позволят законодателю возвратить нормы Гражданского кодекса, предусматривающие нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью. Длительность принятия окончательного решения со стороны законодателя породила ряд расхождений по поводу этой необходимости. Некоторые авторы выступают за сужение количества сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению. Другие придерживаются диаметрально противоположной точки зрения, старательно приводя доводы за расширение перечня таких сделок [5]. К данным сделкам прежде всего необходимо отнести сделки, цель заключения которых — реализовать семейный интерес в рамках гражданских правоотношений. Кстати говоря, некоторые из них — завещание, брачный договор — уже находятся в орбите нотариальной деятельности. Кроме того, к таким сделкам следует относить и сделки, направленные на обеспечение представительства и посредничества, сделки, по которым лицо приобретает недвижимое имущество в собственность, а также сделки, по которым может быть затронута реализация интересов недееспособных и не полностью дееспособных лиц [6, с. 5-6]. В связи с этим нужно сказать и о том, что развитие гражданского законодательства России должно отвечать требованиям и закономерностям развития имущественных отношений.

Существует также и группа исследователей, придерживающихся мнения о том, что нотариальной формой необходимо обеспечить те сделки, которые выражают имущественный интерес длительного характера или влияют на другие значимые интересы для сторон сделки [7, с. 73].

Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. N 1008 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»*** явился основанием для проведения научной дискуссии, направленной в адрес Концепции совершенствования общих положений ГК РФ. В рамках обсуждения данного документа должен быть проведен сравнительный анализ эффективности нотариального удостоверения сделок с недвижимостью и их аналогом в простой письменной форме, с последующей государственной регистрацией. Необходимо различать специфические задачи и функции, присущие нотариусам и государственным регистраторам. Задача нотариата — обеспечить качество основания возникновения, изменения, прекращения права. Задача государственных регистрационных органов — обеспечить их публичность и достоверность. Как мы видим, задачи этих двух институтов взаимосвязаны и естественны в механизме осуществления охранительных процедур.

Более того, нельзя противопоставлять нотариальную форму и государственную регистрацию права на недвижимость. Нота-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.

** О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 403-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 дек.

*** Рос. газ. 2008. 23 июля.

риус и регистрационные органы выполняют свойственные им функции, то есть они не дублируют, а функционально дополняют друг друга. Их нельзя путать, а тем более полагать о возможной замене нотариата как старого, отжившего элемента правоохраны на регистрационные органы. Во Франции, Италии, Испании и ряде других государств Западной Европы, где установлена континентальная система права, нотариус при удостоверении сделки с недвижимостью играет одну из важнейших ролей. Он обеспечивает ее законность и сопровождает ее вплоть до исполнения. Регистрирующие же органы призваны гарантировать открытость и действие для третьих лиц, достоверность и полноту публичного реестра прав.

Следует обратиться к статистике, которая указывает на уровень безопасности гражданского оборота. Необходимо отметить, что в тех государствах, где установлена классическая европейская модель латинского нотариата, на практике оспаривается не более одной сделки на 1 000 сделок. В странах, где такая модель не установлена, оспариваемость сделок в 40 раз выше [8, с. 18]. На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что латинская модель нотариата — это прежде всего выбор в пользу обеспечения бесспорности сделок, подлежащих нотариальному удостоверению. Но, учитывая российскую правовую действительность, теория и практика имеют расхождения.

Так, в 1995 году Россия была принята в Международный Союз Латинского нотариата (МСЛН), при том что число нотариально удостоверенных сделок с недвижимостью год от году снижалось. В силу этого предыдущую точку зрения нельзя рассматривать в качестве категорически доказанной и верной, так как юридически в России существует нотариат латинского типа, но нормы, предусматривающие обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью, отменены. Следовательно, граждане и организации не идут на дополнительные, ни к чему не обязывающие финансовые затраты на услуги нотариального удостоверения сделки с недвижимостью. Они предпочитают надеяться на русское «авось». Причем это происходит по большей части благодаря стереотипу о статусе нотариуса как «чиновника с печатью», укоренившемуся еще с советских времен.

Сама нотариальная практика не раз доказывала, что нотариальная форма сделок — это не административный барьер, а напротив, стимул для экономического развития и обеспечения правового равновесия и стабильности. Нотариально удостоверенная сделка обозначает, что нотариус лично провел проверку условий действительности сделки на предмет ее соответствия действующему законодательству и намерениям сторон. Другими словами, удостоверению сделки с недвижимостью предшествуют такие стадии, как: изложение сторонами своего намерения о заключении сделки (волеизъявление); выявление воли на установление конкретного правового статуса с целью удовлетворения материально-правового интереса; проверка нотариусом соответствия воли стороны ее волеизъявлению, то есть степень свободы ее волеобразования; разъяснение нотариусом смысла и значения самой сделки, ее правовых последствий (исполняя свою обязанность по разъяснению норм гражданского права, нотариус обеспечивает защиту интересов и прав обратившихся к нему лиц от возможных их нарушений в будущем); проверка сделки на предмет ее соответствия законодательству; согласование воли и волеизъявления сторон в присутствии нотариуса. В последующем происходит техническая процедура по составлению документа, затем его прочтение и подписание сторонами, фиксация заключения и удостоверения сделки в реестре нотариуса.

По нашему мнению, введение обязательной нотариальной формы для сделок с недвижимостью повышает эффективность реализации охранительной функции права. Ведь именно нотариус, и никто другой может проследить свободу волеобразования стороны по сделке, дать правовую оценку совместным действиям сторон, обезопасить их от возникновения правового спора. Нотариус обязан самостоятельно составить проект документа, анализируя его содержание, оценить его с точки зрения соответствия законодательству, правильно применить удостоверительную надпись. При этом следует напомнить, что частнопрактикующие нотариусы (а их в стране 7 711 против 21 государственного) осуществляют свою деятельность на основе принципа самофинансирования и полной материальной ответственности.

Что может противопоставить нотариусу сегодняшний регистратор? Ровным счетом ничего, так как он не обязан и не вправе по своему усмотрению проверять законность сделки. Кроме того, он также лишен возможности наблюдать тех лиц, которые заключают эту сделку, его правовая экспертиза сводится к формальной проверке представленных документов, то есть он не занимается проверкой юридической чистоты сделок. Это не его задача, чем часто пользуются мошенники. Отмена обязательного участия нотариуса в процессе оформления сделок с недвижимостью привела исключительно к негативным последствиям. Негативным с точки зрения вреда, причиненного обществу, а также отсутствия гарантий со стороны государства, которые не были установлены после вытеснения нотариата из данной области гражданского оборота. Многочисленные судебные споры, увеличение преступных действий в отношении собственности граждан, неурегулирование действий посредников, в отношении которых не установлена профессиональная ответственность в виде возмещения вреда, их деятельность не подлежит обязательному страхованию; нотариальные тарифы гораздо ниже в отличие от тарифов риэлторов, а ведь нотариус способен предоставить куда большие правовые гарантии.

Следует напомнить, что в соответствии с нормами ранее действовавшего ГК РСФСР сделки с недвижимостью с целью обеспечения всецелой комплексной безопасности, прежде всего, имущественных интересов участников правоотношений проходили двойную систему защиты: нотариальную и защиту регистрирующего органа. Действующие нормы ГК РФ исключили нотариальную систему защиты, преимущества которой были и остаются налицо. Вместо нотариусов пришли коммерческие фирмы, главная цель которых заключается не в защите интересов граждан и организаций, а в получении наибольшего дохода при наименьших затратах. На практике так и получается, что ценой государственного бездействия, длящегося еще с конца прошлого века, конкретные граждане и организации ощущают отсутствие правовых гарантий в защищенности своих прав.

Полагаем, что в случае введения нотариальной формы удостоверения сделок с недвижимостью в законодательстве необходимо прописать норму, которая бы четко разграничила ответственность нотариуса и регистратора.

Обязательная нотариальная форма положительно себя зарекомендовала и в ряде иностранных государств. К примеру, в Гражданском кодексе Республики Армения с 1998 года существуют нормы, обязывающие производить нотариальное удостоверение договора доверительного управления недвижимостью (ст. 959), установления добровольного сервитута (ст. 211), продажи недвижимости (ст. 562), договора дарения недвижимого имущества (ст. 595), договора аренды недвижимости (ст. 610), финансовой аренды недвижимости (ст. 678), договора безвозмездного пользования недвижимым имуществом (ст. 686).

Эффективность такого рода удостоверения сделок с недвижимостью зарекомендовала себя благодаря положительно сложившейся судебной и нотариальной практике в данном регионе. Таким образом, нотариальную форму следует рассматривать в качестве действенного способа по охране прав граждан и законных интересов. Министерство юстиции России поддерживает идею по возвращению обязательной нотариальной формы по сделкам с недвижимостью [9]. По словам заместителя министра юстиции России Е.А. Борисенко, развитие института нотариата должно обеспечивать стабильность гражданского оборота и защиту права собственности. Тот период развития экономики, когда инвестиционные вложения определяют если не все, то многое, особенно привлекателен для инвесторов в случае их правовой защищенности.

Свое мнение высказал и президент Московской городской нотариальной палаты К.А. Корсика: именно нотариат выступает квалифицированной и беспристрастной структурой, обеспечивающей полное соблюдение законности в сфере сделок с недвижимостью [10].

В последнее время в юридической науке появился целый ряд публикаций, посвященных нарушениям частных интересов при совершении сделок с недвижимостью в простой письменной форме [11; 12; 13; 14]. Государство, преследуя реализацию публичного интереса по взиманию налога (фискальной функции), обеспечивает прозрачность этой самой сделки. Вместе с

тем возврат обязательной нотариальной формы для сделок с недвижимостью позволит должным образом обеспечить реализацию прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Все эти направления, на наш взгляд, следует осуществлять постепенно, так как институт нотариата не приемлет резких, скороспелых решений.

Список литературы

1. Малько А.В. Правоохранительная политика в современной России: необходимость формирования и приоритеты // Правоохранительная политика в России: проблемы теории и практики: монография. Тамбов, 2010. С. 5-20.

2. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

3. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012. 34 с.

4. Ничего наличного // Рос. газ. 2013. 11 июня.

5. Щенникова Л.В., Староверов А.В. Теория формы сделки и практическое гражданское законодательство // Законодательство. 2006. N 11. С. 8-13.

6. Щенникова Л.В. Нотариальная форма сделки в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Нотариальный вестник. 2012. N 3. С. 3-6.

7. Егоров Ю.П. Конститутивная форма сделок // Закон и право. 2004. N 9. С. 72-75.

8. Куликов В. Пойдут на сделку // Рос. газ. 2012. 28 нояб.

9. Борисенко Е.А. Усилия Минюста России по выработке концепции реформирования рынка юридических услуг потрачены не впустую // Закон. 2013. N 9. С. 12-19.

10. Куликов В. Господин оформитель // Рос. газ. 2014. 1 апр.

11. Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. N 5. С. 4-30; N 6. С. 5-29.

12. Шалаева Н.Е. Нотариальное удостоверение сделки: проект новелл ГК РФ // Нотариус. 2012. N 4. С. 2-4.

13. Мельников В.С. Форма сделки // Юридический мир. 2012. N 4. С. 20-22.

14. Чикобава Е.М. Правовые современные проблемы совершения сделок по купле-продаже недвижимого имущества. Недействующие государственные гарантии // Нотариус. 2011. N 4. С. 12-14.

References

1. Mal'ko A.V. *Pravookhranitel'naya politika v sovremennoy Rossii: neobkhodimost' formirovaniya i prioritety* [Law enforcement policy in modern Russia: the need to create and priorities]. *Pravookhranitel'naya politika v Rossii: problemy teorii i praktiki* [Law Enforcement Policy in Russia: problems of theory and practice]. Tambov, 2010. Pp. 5-20.

2. Mal'ko A.V. *Teoriya pravovoy politiki* [The theory of legal policy]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 328 p.

3. *Kontseptsiya pravookhranitel'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii (proekt)* [The concept of law enforcement policy in the Russian Federation (project)]. Saratov, 2012. 34 p.

4. *Nichego nalichnogo* [Nothing cash]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2013, 11 June.

5. Shchennikova L.V., Staroverov A.V. *Teoriya formy sdelki i prakticheskoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo* [Theory and practical form of the transaction civil law]. *Zakonodatel'stvo* – Legislation, 2006, no. 11, pp. 8-13.

6. Shchennikova L.V. *Notarial'naya forma sdelki v proekte izmeneniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Notarization of the transaction in the amendment of the Civil Code of the Russian Federation]. *Notarial'nyy vestnik* – Notarial Herald, 2012, no. 3, pp. 3-6.

7. Egorov Yu.P. *Konstitutivnaya forma sdelok* [Constitutive form of transactions]. *Zakon i pravo* – Law and Legislation, 2004, no. 9, pp. 72-75.

8. Kulikov V. *Poydut na sdelku* [Go to the transaction]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2012, 28 November.

9. Borisenko E.A. *Usiliya Minyusta Rossii po vyrabotke kontseptsii reformirovaniya rynka yuridicheskikh uslug potracheny ne vpustuyu* [Efforts of the Ministry of Justice of Russia on the development of the concept of reforming the legal services market well spent]. *Zakon* – Law, 2013, no. 9, pp. 12-19.

10. Kulikov V. *Gospodin oformitel'* [Mister registrar]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper, 2014, 1 April.

11. Bevzenko R.S. *Gosudarstvennaya registratsiya prav na nedvizhimoe imushchestvo: problemy i puti resheniya* [The state registration of rights to immovable property: problems and solutions]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Herald civil law, 2011, no. 5, pp. 4-30; no. 6, pp. 5-29.

12. Shalaeva N.E. *Notarial'noe udostoverenie sdelki: proekt novell GK RF* [Notarization of the transaction: the draft novels of the Civil Code RF]. *Notarius* – Notary, 2012, no. 4, pp. 2-4.

13. Mel'nikov V.S. *Forma sdelki* [Legal form of the transaction]. *Yuridicheskiy mir* – Legal World, 2012, no. 4, pp. 20-22.

14. Chikobava E.M. *Pravovye sovremennye problemy sovershenia sdelok po kuple-prodazhe nedvizhimogo imushchestva. Nedeystvuyushchie gosudarstvennye garantii* [Legal contemporary problems of transactions for the purchase and sale of real estate. Inactive state guarantees]. *Notarius* – Notary, 2011, no. 4, pp. 12-14.

ТЯБИНА Ю.А.,
juliat97@yahoo.com
Факультет подготовки
научно-педагогических кадров;
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
390036, Рязань, Сенная, 1

TYABINA Yu.A.,
juliat97@yahoo.com
Faculty of the Teaching Staff Training;
Academy of Law and Management
of the Federal Penal Service
of the Russian Federation,
Sennaya St. 1, Ryazan, 390036,
Russian Federation

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Реферат. Дается предварительный анализ теории юридического факта, показана специфика процессуальных юридических фактов. Анализируется процессуальный порядок вступления приговора в силу. Констатируется, что исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовного процесса, осуществляемая через уголовно-процессуальные отношения и заключающаяся в обращении приговора к исполнению и производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Подчеркивается специфика этой стадии: тесное переплетение уголовно-процессуальных отношений с материальными уголовными отношениями и уголовно-исполнительными правоотношениями. Автор доказывает, что необходимость определенного юридического факта для возникновения и развития правоотношения с особенной четкостью и наглядностью подчеркивает неразрывную связь реального поведения и правовой формы, невозможность в реальной жизни отделить одно от другого. Аргументируется, что с юридического факта начинается жизнь правовой нормы, реализуемой в правоотношении, проверяется ее реальность, действенность. Обосновывается, что предпосылками уголовно-процессуальных правоотношений выступают многочисленные и разнородные юридические факты. В статье рассматривается каждая группа юридических фактов, характерная для определенного этапа стадии исполнения приговора. Показано, что определяющее значение в фактическом составе процессуальных правоотношений приобретают те, которые формируются в материальных правоотношениях. Резюмируется, что уголовно-материальные, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения выступают многогранной формой реализации одного и того же юридического факта – факта вступления приговора в законную силу. Юридические факты, на основе которых возникают правоотношения при производстве и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, служат предпосылками возобновления некоторых судебных процедур при фактическом разрешении уголовного дела, а в некоторых случаях и после отбытия осужденным наказания.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, правоотношения, юридический факт, предпосылки, суд, осужденный, администрация исправительного учреждения.

LEGAL FACTS AT THE STAGE OF EXECUTING A SENTENCE

Abstract. A preliminary analysis of the theory of legal fact is provided in the article. The specificity of procedural legal facts and the procedure of sentence's coming into force are analyzed. It is stated that executing a sentence is an independent stage of the criminal process, carried out through criminal procedure relations and comprising the considering and resolving issues related to the execution of a sentence. The specificity of this stage is emphasized: close connection of criminal procedure relations with substantive criminal relations and criminal executive ones. The author argues that the need for a certain legal fact for the emergence and development of the legal relationship emphasizes both the connection between the behavior and legal rule and impossibility to separate them in real life. The author states that legal fact is the starting point of the existence of legal rule implemented in legal relations and checking its effectiveness. It is proved that the prerequisites for criminal procedural relations are numerous and diverse legal facts. Each group of legal facts specific to a certain point of the sentence execution stage is described in the article. It is shown that the most important procedural legal relations are those formed in the substantive relations. The author comes to the conclusion that criminal substantive, criminal procedural and criminal executive relations are a form of implementation of the same legal fact of sentence's coming into force. Being the basis for the legal relations' emergence, legal facts can serve as prerequisites for the resumption of some cases.

Keywords: stage of executing a sentence, legal relations, legal fact, prerequisites, court, convicted, prison administration.

Исследование оснований возникновения уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора предоставляет возможность составить более полное представление об этом процессуальном институте.

Как известно, предпосылками возникновения правоотношений, в том числе и уголовно-процессуальных, являются нормы права, правосубъектность и юридический факт. Более подробно, на наш взгляд, следует остановиться на анализе юридических фактов.

Понятие «юридический факт», как и понятие «правоотношение», было введено в правовую науку Ф. Савиньи. В работе «Система современного римского права» он пишет: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами» [1, с. 5].

В российской дореволюционной общей теории права понятие юридического факта сложилось в русле формально-догматической юриспруденции, именно поэтому юридический факт изначально рассматривался как нечто данное, исходный пункт начала правового отношения. Так, известный русский теоретик права Ф.В. Тарановский дал следующее определение: «Юридический факт — это всякое обстоятельство, предусматриваемое гипотезой юридической нормы и влекущее за собою, как следствие, возникновение, равно изменение и прекращение юридического отношения» [2, с. 161]. В.Н. Карташов определяет юридический факт как «конкретные обстоятельства реальной действительности, с появлением или отсутствием которых юридические предписания (нормы и принципы права, индивидуально-конкретные акты и т.п.) связывают определенные юридические последствия, в том числе возникновение, изменение и прекращение правовых отношений между персонально определенными субъектами права» [3, с. 473]. С.С. Алексеев также понимает под юридическим фактом конкретное жизненное обстоятельство, с которым юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий (правоотношений) [4, с. 163].

Под юридическими фактами в теории и на практике понимают определенные обстоятельства (действия и события), вызывающие наступление правовых последствий, связанных с возникновением либо прекращением правоотношений. В процессе реализации правоотношения факты предопределяют его состояние (содержание, субъектов и т.д.).

Процессуальные юридические факты выступают в качестве связующих звеньев между процессуальными нормами права и процессуальными правами и обязанностями субъектов. Норма права создает юридическую возможность возникновения, изменения и прекращения правового отношения. Она указывает на те условия и обстоятельства, при наличии которых правовые связи приходят в движение. Наряду со свойствами, присущими всем процессуальным юридическим фактам, существуют особые признаки, характеризующие процессуальные юридические факты в сфере уголовного судопроизводства. К таким признакам можно отнести следующее:

— процессуальные юридические факты неотделимы от установленной уголовно-процессуальным законодательством уголовно-процессуальной формы;

— процессуальные юридические факты обладают двойственностью своего содержания, поскольку в него включены вместе с собственно процессуальными фактами и факты материально-правового содержания;

— все процессуальные юридические факты определяются нормами УПК РФ [5, с. 21].

Нормы, регламентирующие стадию исполнения приговора, содержат указания на юридические факты, необходимые для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора. Законодатель провел некую дифференциацию стадии приговора на отдельные этапы: вступление приговора в законную силу, обращение его к исполнению и производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Для возникновения правоотношений на каждом из указанных этапов характерны определенные виды юридических фактов.

Очевидно, что основным юридическим фактом для возникновения всех правоотношений на исследуемой стадии уголовного судопроизводства служит вступление приговора в законную силу.

Статья 390 УПК РФ предусматривает специальный порядок вступления обвинительного приговора в законную силу, что представляет собой форму правовой гарантии права осужденных на его обжалование. Приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока на его обжалование в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами. Приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу с момента его провозглашения.

После вступления приговора в законную силу он подлежит обращению к исполнению. Обращение приговора (определения, постановления) суда представляет собой ряд обязательных и последовательных процедур. Судья, вынесший обвинительный приговор, в течение трех суток с момента вступления его в законную силу или с момента поступления уголовного дела из суда апелляционной инстанции обязан направить его копию с предписанием о его исполнении органу, на который возложена обязанность исполнения наказания (ч. 2 ст. 393 УПК РФ). Таким образом, возникает правоотношение между судом, постановившим приговор, и органом исполнения наказания.

С момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и обращения его к исполнению реализуется материальное правоотношение уголовной ответственности осужденного, заключающееся в его обязанности подвергнуться уголовному наказанию за совершенное преступление. Одновременно возникает уголовно-процессуальное отношение между учреждением или органом, на которые возложено исполнение наказания, и судом, постановившим обвинительный приговор. В соответствии с ч.ч. 5 и 6 ст. 393 УПК РФ учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, немедленно извещают суд, вынесший обвинительный приговор, о его исполнении и месте отбывания наказания осужденным. Параллельно у государства в лице соответствующих учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, возникает право применить к осужденному совокупность правоограничений, свойственных конкретному виду наказания, т.е. возникают отношения, регулируемые уже уголовно-исполнительным законодательством.

Значительная продолжительность и многоаспектность уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений на стадии исполнения приговора является предпосылкой того, что в ходе их реализации появляется множество обстоятельств, изменяющих характер и направление реализации установленных приговором суда уголовно-правовых последствий преступления. Статья 399 УПК РФ содержит перечень юридических фактов, наступление которых во время исполнения наказания порождает применение уголовно-процессуальных норм, т.е. возобновление некоторых судебных процедур уголовного процесса, касающегося исполнения наказаний [6, с. 26].

Юридическими фактами на данном этапе реализации стадии исполнения приговора являются подача ходатайства реабилитируемым, осужденным и представления органом внутренних дел или учреждением (органом) уголовно-исполнительной системы. Рассмотрим процедуру реализации уголовно-процессуальных правоотношений для каждой группы юридических фактов.

Если в отношении подсудимого вынесен оправдательный приговор, а также в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 27 УПК РФ, лицо вправе обратиться с ходатайством о возмещении ему вреда, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с УПК РФ. Реабилитируемый подает ходатайство лично или через своего представителя в суд, вынесший приговор (за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 135 УПК РФ). С этого момента возникают уголовно-процессуальные правоотношения между судом и реабилитируемым при фактическом окончании уголовного дела. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Другим основанием, влекущим возникновение уголовно-процессуальных правоотношений, является подача ходатайства осужденным. Так, он может за-

явить ходатайство об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью и др. Следует согласиться с А.Е. Наташевым, который отмечает: «Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в сравнении со свободными гражданами лица, отбывающие наказание, особенно лишение свободы, обладают меньшими возможностями для защиты своих прав и интересов» [7, с. 74-75]. В связи с этим закон предусматривает определенный порядок подачи осужденными жалоб и заявлений.

Определенный порядок заключается в том, что осужденный к лишению свободы подает ходатайство через администрацию исправительного учреждения. Но отношения между данными субъектами в этом случае уголовно-процессуальными не являются, так как порядок подачи ходатайства осужденным через администрацию исправительного учреждения лежит вне рамок уголовного процесса и не регулируется нормами УПК РФ. В данном случае эти отношения регулируются нормами ст.ст. 175-177 УИК РФ.

Особенность этого юридического факта заключается в том, что для его реализации в уголовно-процессуальном отношении на одного из субъектов, в частности администрацию исправительного учреждения, возлагается обязанность направить в суд в установленный срок ходатайство осужденного вместе с характеристикой на осужденного.

Еще одним юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения при исполнении наказания и приговора, являются действия администрации исправительного учреждения по направлению представления на осужденного в следующих случаях: о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров, о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, и др.

Специфика большинства юридических фактов, перечисленных в ст. 399 УПК РФ, заключается в том, что для реализации объекта уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих на их основе, необходимо наличие определенных в законе обстоятельств. Ссылка на них дается в ст. 397 УПК РФ. Так, например, суд рассматривает ходатайство об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ. Данная статья предусматривает определенные обстоятельства для удовлетворения такого ходатайства. Иначе говоря, для того чтобы реализовать объект складывающегося уголовно-процессуального отношения, необходимо наличие этих условий. В частности, возмещение осужденным вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, фактическое отбытие определенного срока наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления, но не менее 6 месяцев, и признание судом того, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания. Сам по себе факт отбытия осужденным определенного срока наказания или возмещения им вреда, причиненного преступлением, не порождает обязанность суда предоставить осужденному условно-досрочное освобождение. Но его наличие является одним из обязательных условий удовлетворения ходатайства о предоставлении условно-досрочного освобождения осужденному. Таким образом, указанные обстоятельства не являются юридическими фактами, т.к. сами по себе они не порождают правоотношений и иных правовых последствий. Значение такого рода обстоятельств ограничивается сферой индивидуального регулирования, в рамках которого указанные обстоятельства призваны сориентировать правоприменителя в выборе согласующегося с реальной действительностью решения [8, с. 79].

Необходимо отметить, что одной из особенностей юридических фактов процессуальных правоотношений является то, что в их совокупности (юридическом составе) определяющее значение приобретают такие, которые формируются в материальных правоотношениях. Например, вступление приговора в законную силу как форма реализации правового отношения уголовной ответственности становится генерирующим фактом всей совокупности уголовно-процессуальных отношений на

стадии исполнения приговора и уголовно-исполнительных отношений в процессе исполнения наказания.

Таким образом, и уголовно-материальные, и уголовно-процессуальные, и уголовно-исполнительные правоотношения в данном случае выступают многогранной формой реализации одного и того же сложного юридического факта – факта вступления приговора в законную силу. Юридические факты, на основе которых возникают правоотношения при производстве и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, также обладают определенной спецификой. Они обусловливают собой динамические процессы между участниками уголовного судопроизводства на стадии исполнения приговора и служат предпосылками возникновения уголовно-процессуальных правоотношений при фактическом разрешении уголовного дела.

Список литературы

1. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. 134 с.

2. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 534 с.

3. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. I. Ярославль, 2005. 106 с.

4. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. 360 с.

5. Францифоров Ю.В. Элементы механизма уголовно-процессуального регулирования и его противоречия // Закон и право. 2004. N 12. С. 19-21.

6. Маликова Н., Евстигнеева Е. Правовые процедуры исполнения обвинительного приговора суда в отношении осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Ведомости УИС. 2009. N 8. С. 24-27.

7. Наташев А.Е. Советское исправительно-трудовое законодательство. Основные вопросы теории и практики. М., 1975. 168 с.

8. Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 183 с.

9. Грищенко А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 236 с.

10. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993.

References

1. Isakov V.B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya liteta-rura Publ., 1984. 134 p.

2. Taranovskiy F.V. *Uchebnik entsiklopedii prava* [Tutorial encyclopedia of law]. Yuriev, 1917. 534 p.

3. Kartashov V.N. *Teoriya pravovoy sistemy obshchestva* [The theory of legal system]. In 2 volumes. Volume I. Yaroslavl, 2005. 106 p.

4. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. In 2 volumes. Volume 2. Moscow, 1982, 360 p.

5. Frantsiforov Yu.V. *Elementy mekhanizma ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya i ego protivorechiya* [Elements of the mechanism of regulation of criminal procedure and its contradictions]. *Zakon i pravo* – Law and Order. 2004, no. 12, pp. 19-21.

6. Malikova N., Evstigneeva E. *Pravovye protsedury ispolneniya obvinitel'nogo prigovora suda v otnoshenii osuzh-dennykh k nakazaniyu v vide lisheniya svobody* [Legal procedures execute a conviction in respect of the persons sentenced to the penalty of deprivation of liberty]. *Vedomosti UIS* – Herald of the penal system, 2009, no. 8, pp. 24-27.

7. Natashev A.E. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe zakonodatel'stvo. Osnovnye voprosy teorii i praktiki* [Soviet labor legislation. Basic theory and practice]. Moscow, 1975. 168 p.

8. Kutyukhin I.V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya. Kand. Diss.* [Legal facts in the mechanism of regulation of criminal procedure. Cand. Diss.]. Vladivostok, 2004. 183 p.

9. Grishchenko A.V. *Institut ispolneniya prigovora v ugolovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss.* [Institute of enforcement in criminal proceedings. Cand. Diss.]. Vladimir, 2006. 236 p.

10. Yakupov R.Kh. *Pravoprimenenie v ugolovnom protsesse Rossii (yuridicheskie problemy). Avtoref. Doct. Diss.* [Law enforcement in the criminal trial of Russia (legal problems). Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 1993.

СЕРОВА О.А.,
доктор юридических наук, профессор,
OlgSerova@kantiana.ru
Кафедра гражданского права и процесса;
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта,
236016, г. Калининград, Фрунзе, 6

SEROVA O.A.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
OlgSerova@kantiana.ru
Chair of Civil Law and Procedure;
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Frunze St. 6, Kaliningrad,
236016, Russian Federation

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ КОНФИСКАЦИИ И РЕКВИЗИЦИИ ИМУЩЕСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Реферат. Буквальное толкование норм о конфискации в уголовном и гражданском праве позволяет увидеть неоднозначное целевое назначение указанных институтов в рамках соответствующей отраслевой принадлежности. В сфере гражданско-правового регулирования – это основание для безвозмездного прекращения права частной собственности при наличии судебного акта и основания, указанного в законе. В уголовно-правовой трактовке цель конфискации представлена узко и специфично – в виде имущественных ограничений для целей недопущения будущих преступлений с участием данного имущества. Аналогичные, главным образом, целевые расхождения усматриваются и при сравнительном анализе норм о реквизиции. Будучи также межотраслевым явлением, допускающим легальную возможность государства прибегнуть к ресурсам физических и юридических лиц, реквизиция крайне редко является предметом научного анализа, в том числе и сравнительно-правового. Неочевидность же сугубо цивилистических проблем в общей массе разноотраслевого законодательства о реквизиции предопределяет множество законодательных пробелов, находящих свое продолжение и в сфере публично-правового регулирования. Так, нет законодательно определенного механизма осуществления реквизиции; ее способов и сроков; не определены органы государства, принимающие решение о реквизиции, их полномочия и ответственность; неизвестен порядок учета реквизированного имущества. Но без этого представление о сущности реквизиции как основании прекращения частной собственности и возникновения собственности государственной является нечетким и нередко смешивается с конфискацией, которая в истории служила упрощенным вариантом реквизиции. Автор считает, что необходим унифицированный подход к определению содержания правовых институтов конфискации и реквизиции, лежащих в сфере публичного и частного права.

Ключевые слова: принудительное прекращение права собственности, реквизиция, конфискация, уголовное право, гражданское право, межотраслевое взаимодействие норм.

INTERDISCIPLINARY INTERACTION OF THE INSTITUTIONS OF THE REQUISITION AND CONFISCATION OF PROPERTY: CRIMINAL AND CIVIL LAW ASPECTS

Abstract. Verbatim theoretical and practical interpretation of the rules on confiscation in criminal and civil law allows to see the ambiguous purpose of these institutions within the relevant branch. In the field of civil law regulation it is the basis for the gratuitous termination of private property rights if there's a judicial act and legal grounds. In the criminal law interpretation the purpose of confiscation is represented in the form of property restrictions for preventing future crimes involving this property. Comparative analysis of the rules on requisition reveals the similar differences. Being the interbranch phenomenon, allowing the government's legal ability to resort to the individuals and legal entities' resources, the requisition is rarely the subject of scientific analysis, including comparative legal analysis. Non-obviousness of purely civil law problems in the total mass of interbranch legislation on requisition predetermines many legislative gaps, being continued in the sphere of public law regulation. There's no legally defined mechanism of requisition, its methods and timing. Government bodies taking a decision on requisition, their powers and responsibilities are not defined; the accounting for the requisitioned property is unknown. But without this the understanding of the requisition nature as the ground for the termination of private property and the emergence of state property is vague and often mixed with the confiscation, which served as a simplified version of requisition. The author believes that it's necessary to unify the approach to determining the content of the legal institutions of confiscation and requisition in the field of public and private law.

Keywords: involuntary termination of the property right, requisition, confiscation, criminal law, civil law, interdisciplinary interaction of norms.

Изъятие имущества как принудительная реакция государства на события или действия участников гражданского оборота регулируется нормами различных отраслей права — уголовного, гражданского, административного, земельного и других. Разрозненность соответствующих правил свидетельствует о необходимости как проведения межотраслевого исследования соответствия используемых в нормативных документах понятий и оснований применения конфискации и реквизиции, соответствия данным категориям иных терминов, также используемых для обозначения этих правовых явлений, так и изучения возможности объединения норм различной отраслевой принадлежности в едином нормативном акте.

Конфискация имущества в подавляющем числе случаев рассматривается как мера государственного принуждения. Ученые отмечают, что ее существование «оправданно как с социальной, так и с правовой точки зрения, что подтверждается многолетним положительным опытом разных стран» [1, с. 106].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) конфискация и реквизиция рассматриваются как самостоятельные основания прекращения права частной собственности. Под реквизицией понимается изъятие имущества у собственника по решению государственных органов с выплатой ему стоимости имущества в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий и иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер (ст. 242 ГК РФ). При этом нормы ГК РФ фактически опускают не менее значимый при реквизиции вопрос о том, что это еще и основание для возникновения права (государственной) собственности. Сфера регулирования отношений по реквизиции достаточно скудна и ограничивается дополнительным указанием на то, что лицо, имущество которого реквизировано, вправе при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, требовать по суду возврата ему сохранившегося имущества (п. 3 ст. 242 ГК РФ).

Конфискация также рассматривается в качестве способа безвозмездного изъятия имущества у собственника по решению суда, но в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (ст. 243 ГК РФ). Пунктом 2 ст. 243 ГК РФ установлена возможность конфискации имущества в административном порядке.

В отечественной литературе высказана точка зрения о том, что «конфискация в значительной степени не предполагает прекращения права собственности осужденного на изымаемое имущество, хоть и должна реализовать основную цель применения иных мер уголовно-правового характера. <...> ...Современная правовая природа рассматриваемой меры предполагает ограничение прав виновных на имущество. Выходит, что конфискация назначается не за совершение преступлений, а в целях предупреждения использования имущества для совершения новых преступлений» [2, с. 20]. Однако подобная точка зрения, может быть, и основанная на общей идейной трактовке уголовного закона, в корне противоречит существу конфискации как института гражданского права. Несмотря на наличие кардинальных отличий уголовного и гражданского законодательства и права, в целом подобные изменения правовой природы конфискации в зависимости от отраслевой принадлежности норм все-таки нельзя признать допустимыми.

Основанием для существующих отличий может являться выделение в уголовном праве общей и специальной конфискации имущества. Общая конфискация рассматривается как наказание, то есть применение государством санкций к лицу, совершившему преступление. «Специальная конфискация не рассматривается как вид наказания, не имеет карательного содержания, не предполагает воздаяния преступнику за содеянное, не имеет целью причинение ему страданий путем ограничения его имущественных прав... Ее суть в самом общем виде заключается в принудительном безвозмездном изъятии государством имущества, вовлеченного в преступный оборот» [1, с. 106-107].

Изъятие имущества у собственника является объединяющим признаком реквизиции и конфискации как правовых институтов. Несмотря на включение данных норм в одну — 15-ю главу ГК РФ «Прекращение права собственности», правовые последствия у реквизиции и конфискации различны — при конфискации речь идет

о безусловном прекращении права собственности, формулировка нормы о реквизиции позволяет утверждать, что такое прекращение является временным, что вызывает вопросы относительно порядка и условий выплаты собственнику компенсации. При возврате реквизированного имущества предварительная выплата собственнику стоимости имущества приведет к неосновательному обогащению. Значит, речь должна вестись об установлении иных выплат компенсационного характера за временное пользование вещью.

Более точной и отвечающей потребностям защиты как общественных интересов, так и прав частных собственников является редакция соответствующих норм в земельном законодательстве. В соответствии со ст. 50 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) земельный участок может быть безвозмездно изъят у его собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления (конфискация). Понятие же реквизиции дано иначе, чем в ГК РФ. Реквизиции подлежит земельный участок также в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер (ст. 51 ЗК РФ). Но далее в статье указывается, что земельный участок может быть временно изъят у его собственника уполномоченными исполнительными органами государственной власти в целях защиты жизненно важных интересов граждан, общества и государства от возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами угроз. При этом нормами ЗК РФ предусматривается не только обязательное возмещение собственнику земельного участка причиненных убытков (реквизиция), но и выдача ему документа о реквизиции. Лишь в случае невозможности возврата реквизированного земельного участка собственнику возмещается его рыночная стоимость. По желанию собственника ему может быть предоставлен равноценный земельный участок. Нормами ЗК РФ установлено, что компенсации при реквизиции земельного участка подлежит стоимость реквизированного земельного участка, убытки, причиненные в связи с его реквизицией или временным ограничением его прав (ч. 6 ст. 51 ЗК РФ). Таким образом, подчеркивается временный характер изъятия земельного участка, что для реквизиции с позиции гражданского законодательства в настоящее время не является безусловно обязательным признаком.

Необходимо выделить еще одну особенность, отличающую реквизицию от конфискации. Реквизиция по своей правовой природе является мерой административного характера, применяемой для решения текущих, неотложных вопросов жизнеобеспечения населения, устранения угрозы техногенного или природного характера и пр. Конфискация – санкция за совершенное преступление. По своей природе конфискация в гражданском праве является вторичной по отношению к решению суда, вынесенному, как правило, по уголовному или административному делу. Это подтверждает и дефиниция данного понятия в ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора. При этом уголовный закон устанавливает обязательное условие. Данное имущество должно быть получено в результате совершения преступлений, предусмотренных в законе, либо имущество является орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, принадлежащим обвиняемому. Соответственно, отсутствие факта правонарушения не позволяет применять конфискацию. Применение реквизиции, напротив, никоим образом не связано с отсутствием добросовестности в действиях собственника имущества, нарушением им закона.

Обращает на себя внимание содержание нормы ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, в соответствии с которой установлено, что имущество, указанное в частях первой и второй данной статьи, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Применяется ли данная норма к случаям передачи этого имущества членам семьи лица, в отношении которого применяется данная мера (конфискация)? На наш взгляд, ответ должен быть положительным. Особенно остро данный вопрос звучит в связи с коррупционными категориями дел. Так, например, в одном из случаев суд, при-

нимая решение о конфискации денежных средств на основании п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, как полученных в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, не указал доказательств, обосновывающих данный вывод*. В ходе судебного заседания не была установлена принадлежность денежных средств членам семьи. Можно предположить, что вопрос информированности супруги осужденного об источнике доходов семьи должен быть поставлен, в том числе не только для решения в конкретном деле. Учитывая режим права общей совместной собственности, который определен в гражданском законодательстве в отношении супругов, во многих ситуациях установление конкретных источников денежных средств для приобретения движимого имущества или объектов недвижимости в семье представляется затруднительным. Возможно, в данной ситуации надлежит руководствоваться нормой ст. 104.2 УК РФ «Конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации», в соответствии с которой, если конфискация определенного предмета, входящего в имущество, указанное в статье 104.1 настоящего Кодекса, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о наличии более широкой трактовки оснований применения конфискации, чем в рамках цитировавшихся уже норм уголовного и гражданского законодательства. Конфискация может быть рассмотрена в качестве меры правового воздействия за использование участниками оборота объектов без надлежащего разрешения. Статья 129 ГК РФ** предусматривает только две категории объектов — свободных в обороте или ограниченных в нем. Ранее действовавшая редакция устанавливала и третью группу объектов — изъятых из оборота (ранее установленные правовые режимы изъятия сохраняют свое действие и после изменения ГК РФ). Отдельные нормативные акты закрепляют основания конфискации имущества не согласно решению суда о совершении преступления его собственниками, а по причине нарушения правового режима нахождения данных объектов в обороте. В соответствии со ст. 47 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах»*** наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, инструменты или оборудование, изъятые из незаконного оборота, подлежат конфискации и обращению в доход государства или уничтожению в соответствии с законодательством Российской Федерации. Также и ст. 25 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ (ред. от 02.11.2013 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»**** предусматривает правило о том, что изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации органов подлежат этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция в случае, если они реализуются без соответствующих лицензий, без сертификатов соответствия или деклараций о соответствии; без определенной законом маркировки либо с маркировкой поддельными марками; без документов, подтверждающих легальность производства и оборота такой продукции, и при несоблюдении прочих требований, связанных именно с оборотоспособностью данных объектов. Следует отметить, что в ч. 2 данной статьи использовано одновременно два термина — изъятие и конфискация этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, находящихся в незаконном обороте. Однако смысловое содержание анализируемой нормы укладывается исключительно в понятие конфискации.

---

* Определение Верховного Суда РФ от 3 мая .2012 г. N 78-012-20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 27. Ст. 3434.

*** Рос. газ. 1998. 15 янв.; 2013. 27 ноября.

**** Рос. газ. 1995. 29 нояб.; 2013. 6 ноября.

Проведенный анализ показывает, что наряду с понятием конфискации и реквизиции законодатель использует также термин «изъятие». Четкие содержательные отличия между ними зачастую отсутствуют. Изъятие одновременно может быть связано и с реквизицией, и с конфискацией, а также нередко выступает самостоятельным понятием, например, как в случае ст. 55 ЗК РФ «Условия и порядок изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд». Наличие «изъятия» как самостоятельного правового явления, отличного от конфискации и реквизиции, подтверждается современными авторами. Рассматривая судебное дело об изъятии литературы, имеющей признаки отнесения к экстремистским материалам, «суд несколько спутал конфискацию с чем-то другим» [3, с. 1, 3]. Учитывая важнейшее значение анализируемых категорий, такое положение вещей нельзя признать допустимым. Не может вызывать сомнений потребность в безусловной четкости правил о временном характере изымаемого имущества или переходе в результате реквизиции права собственности государству или муниципальным органам.

Законодательная неопределенность обусловливает бесплодные дискуссии в научной литературе. Так, например, Е.В. Оболонкова [4, с. 20-24] не соглашается с М.Н. Малеиной [5], которая считает, что квалифицирующим признаком реквизиции по действующему законодательству является дальнейшее использование и сохранение имущества при принудительной смене собственника. Безусловно, собственник может и уничтожить имущество, но предварительно хотя бы краткосрочно осуществляет владение и пользование им. Е.В. Оболонкова придерживается позиции тех авторов, которые понимают под реквизицией как постоянное, так и временное изъятие имущества у собственника. Однако важность анализируемого правового института не позволяет использовать какие-то вольные трактовки. Требуется установить единое, четко определенное понимание всей полноты содержания основных видов принудительного изъятия имущества у собственников.

Сравнительный анализ современного законодательства и нормативных актов советского периода показывает явное превосходство качества нормативного содержания вторых. Так, например, в Сводном законе о реквизиции и конфискации имущества 1927 года под реквизицией понималось применяемое, в силу государственной необходимости, принудительное возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных физических и юридических лиц, а также кооперативных и других общественных организаций. Конфискация определялась как принудительное и безвозмездное отчуждение имущества в пользу государства, производимое по приговорам суда, а равно, в случаях, особо указанных в Законе, по распоряжениям уполномоченных на то государственных органов*.

Таким образом, если определение конфискации практически повторяется в современном законодательстве, то полнота определения реквизиции свидетельствует о возможности использования отечественного опыта: 1) государственная необходимость как основание реквизиции является более полным отражением существующей потребности в изъятии имущества из частной собственности, чем указание на чрезвычайный характер обстоятельств, связанных с решением о реквизиции; 2) четко определено, что реквизиция может быть реализована в двух формах – как принудительное возмездное отчуждение или как временное изъятие. Такое разграничение позволяет определить отличия в порядке реализации названных форм реквизиции, в основаниях и порядке выплаты компенсации и возмещения вреда собственнику, требованиях к актам, необходимым для осуществления реквизиции, и времени их подготовки уполномоченными органами.

Рассматриваемая трактовка понятия «реквизиция» требует изменения действующей редакции ст. 242 ГК РФ. Необходимо исключить из оснований применения реквизиции указания на обстоятельства чрезвычайного характера либо включить в закон еще одну разновидность реквизиции, когда принудительное изъятие имущества обосновывается требованиями закона, как в случае изъятия транспортных средств у

* Об утверждении Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества: постановление ВЦИК СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. // СУ РСФСР. 1927. N 38. Ст. 248.

частных лиц в соответствии с положениями Федерального закона «О полиции»*.

Представляется несомненным тот факт, что правовой институт принудительного изъятия имущества выступал в качестве одного из наиболее действенных видов наказаний в России [2, с. 17] и иных мер воздействия на общество на протяжении длительного периода развития страны. Вместе с тем современный этап борьбы с экономическими преступлениями, коррупцией и одновременно повышение гарантий защиты права собственности требуют унифицированного подхода к определению содержания правовых институтов, цель которых связана с принудительным прекращением или временным лишением владения и пользования имуществом собственника. Добиться решения указанной задачи можно путем принятия комплексного нормативного акта о реквизиции и конфискации имущества в Российской Федерации. Наличие специального закона позволило бы решить многие задачи практического характера. Без четкой законодательной базы применимость положений ст. 242 ГК РФ о реквизиции можно поставить под сомнение, так как в отсутствие четко прописанного правового механизма реквизиции действия уполномоченных органов могут граничить со злоупотреблением правом и вызывать негативную общественную реакцию.

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; 2014. N 30 (ч. I). Ст. 4259.

Список литературы

1. Зацепин М.Н. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Российский юридический журнал. 2012. N 5. С. 106-113.

2. Макаров А.В., Жукова А.С. Некоторые законодательные особенности конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера по устранению корыстной мотивации совершения преступлений // Российский следователь. 2013. N 5. С. 17-20.

3. Султанов А. Изъять или конфисковать? // ЭЖ-Юрист. 2013. N 11. С. 1-3.

4. Оболонкова Е.В. Вопросы реквизиции в гражданском законодательстве России // Журнал российского права. 2014. N 3. С. 20-24.

5. Малеина М.Н. Реквизиция. Комментарий к статье 242 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. N 8. С. 117-122.

References

1. Zatsepin M.N. *Konfiskatsiya imushchestva kak mera protivodeystviya korruptsii* [Confiscation of the property as a measure of anti-corruption]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Law Journal, 2012, no. 5, pp. 106-113.

2. Makarov A.V., Zhukova A.S. *Nekotorye zakonodatel'nye osobennosti konfiskatsii imushchestva kak inoy mery ugolovno-pravovogo kharaktera po ustraneniyu korystnoy motivatsii sovershheniya prestupleniy* [Some features of legislative confiscation of property as a measure under the criminal law to address the motivation for committing crimes]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2013, no. 5, pp. 17-20.

3. Sultanov A. *Iz"yat' ili konfiskovat'?* [Seize or confiscate?]. *EZh-Yurist* – EJ Lawyer, 2013, no. 11, pp. 1-3.

4. Obolonkova E.V. *Voprosy rekvizitsii v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossii* [Questions requisition in the civil legislation of Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law, 2014, no. 3, pp. 20-24.

5. Maleina M.N. Rekvizitsiya. *Kommentariy k stat'e 242 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Requisition. Commentary on Article 242 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law, 2006, no. 8, pp. 117-122.

Раздел. 2 Охрана и защита прав человека

БУРДЖУЕВ Р.Ф.,
az999@mail.ru
Кафедра административного
и финансового права;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, Ленина, 38

BURDZHUEV R.F.,
az999@mail.ru
Chair of Administrative and Financial Law;
Tyumen State University,
Lenin St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

СЕВРЮГИН В.Е.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
admjurati@yandex.ru
Кафедра административного
и финансового права;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, Ленина, 38

SEVRYUGIN V.E.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
admjurati@yandex.ru
Chair of Administrative and Financial Law;
Tyumen State University,
Lenin St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

КОЛЛИЗИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Реферат. Характеризуется состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Отмечаются условия законного привлечения к трудовой деятельности иностранного гражданина и лица без гражданства, на основе чего определяются пределы противоправности деяния. Выражается солидарность с предложенным определением незаконного привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства. Констатируется, что рассматриваемая статья охватывает не все случаи нарушения правил привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (привлечение к трудовой деятельности вне пределов региона, на территории которого им выдано разрешение на работу), предлагается внести изменения в статью 18.15 Кодекса. Рассматривается спорный вопрос о правовых последствиях уведомления работодателем миграционного органа исполнительной власти с нарушением установленных сроков, описывается коллизия правовых позиций, выработанных высшими судебными инстанциями. Предлагаются изменения части 3 статьи 18.15 Кодекса (введение ответственности за уведомление миграционного органа с нарушением установленных сроков). Показана коллизия, допущенная в оценках Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ в области уведомления работодателем налогового органа по месту учета о привлечении иностранных работников к трудовой деятельности: зависит ли исполнение этой обязанности от порядка въезда (визовый или безвизовый) в страну? Обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Подчеркивается необходимость единообразного толкования и применения закона, устанавливающего ответственность.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, привлечение к трудовой деятельности, административная ответственность.

CONFLICTS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ILLEGAL EMPLOYMENT OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. An administrative offence under Article 18.15 of the RF Code of Administrative Offences is characterized. The conditions of legal employment of a foreign citizen and stateless person are distinguished, the limits of such act's wrongfulness are determined. The authors express their solidarity with the proposed definition of illegal employment of foreign citizens and stateless persons in the RF. It is stated that the considered Article doesn't cover all cases of violation of the rules of such citizens' employment (involvement in work outside the region on which territory the permission to work was issued). It is proposed to amend article 18.15 of the Code. The controversial issue of the legal consequences of the untimely notice of migration authority by the employer is considered. The conflict of legal positions elaborated by the higher courts is described. Changes to Part 3 of Article 18.15 of the

Code are proposed (introduction of liability for the untimely notice of migration authority). The conflict admitted by the Supreme Court and the Higher Arbitration Court of the Russian Federation in their estimations concerning the notice of tax authority at the place of registration about employment of foreign citizens by the employer is described. The question is: does the performance of this duty depend on the order of the entry into the country (visa and visa-free)? Corresponding changes to the Federal Law "On legal status of foreign citizens in the RF" are proposed. The need for uniform interpretation and application of law establishing liability is emphasized.

Keywords: foreign citizen, stateless person, involvement in work, administrative liability.

Привлечение работодателями к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства допускается только при условии соблюдения установленных правил. Нарушение данных правил квалифицируется как незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина и влечет применение к виновному лицу мер административной ответственности [1, с. 14].

В соответствии со ст. 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) под привлечением к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства понимается допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг либо иное использование труда иностранного гражданина.

Исходя из данного определения, понятие «привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина и лица без гражданства» включает в себя две самостоятельные структурные составляющие. Во-первых, это допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг» и, во-вторых, «иное использование труда иностранного гражданина. При этом очевидно, что первая составляющая – «допуск» является частным случаем по отношению ко второй форме – «иное использование труда».

Таким образом, нарушение правил привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан предполагает: во-первых, нарушение правил допуска в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг и, во-вторых, нарушение иных правил использования труда иностранного гражданина, не связанного с его допуском к выполнению работ или оказанию услуг.

Под допуском иностранного гражданина к выполнению работ или оказанию услуг понимается предоставление работодателем, заказчиком работ (услуг) иностранному гражданину права на осуществление трудовой деятельности либо выдача иностранному гражданину разрешения на осуществление трудовой деятельности.

Работодатель, заказчик работ предоставляют иностранному работнику право на осуществление трудовой деятельности в случае привлечения для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы. Работодатель, заказчик работ выдают иностранному работнику разрешение на осуществление трудовой деятельности в случае привлечения для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

Необходимо отметить, что работодатель, заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников. Кроме того, работодатель должен содействовать получению данными иностранными работниками разрешения на работу. Вместе с тем работодатель, заказчик работ (услуг) вправе использовать труд иностранного работника, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, только при наличии у данного иностранного работника разрешения на работу.

Таким образом, можно резюмировать, что нарушение правил допуска к выполнению работ или оказанию услуг выражается:

1) в предоставлении иностранному гражданину, прибывшему в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, права на осуществление трудовой деятельности без соблюдения правил привлечения и использования такого иностранного работника, а именно без получения в установленном законом порядке

разрешения на привлечение для использования труда иностранных работников и без оформления разрешения на работу данному иностранному гражданину;

2) выдаче иностранному гражданину, прибывшему в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, разрешения на осуществление трудовой деятельности без соблюдения правил осуществления иностранным гражданином трудовой деятельности в Российской Федерации, а именно при отсутствии у такого иностранного гражданина разрешения на работу.

При этом допуск иностранного работника к трудовой деятельности может быть осуществлен в форме:

1) заключения с иностранным гражданином трудового договора;

2) фактического допущения иностранного гражданина к выполнению работ, оказанию услуг с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен;

3) заключения с иностранным гражданином гражданского правового договора.

Нарушение иных правил использования труда иностранного гражданина или лица без гражданства, не связанных с их допуском к выполнению работ или оказанию услуг, происходит в случае:

1) неуведомления уполномоченных органов исполнительной власти о привлечении к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных работников;

2) несоблюдения установленных в отношении иностранных граждан ограничений на осуществление отдельных видов деятельности;

3) привлечения к трудовой деятельности иностранного работника вне пределов субъекта (субъектов), на территории которого ему выдано разрешение на работу.

С учетом изложенного считаем обоснованным и приемлемым следующее определение: незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства — это «допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг либо иное использование труда иностранного гражданина или лица без гражданства с нарушением правил привлечения иностранных граждан или лиц без гражданства к трудовой деятельности в Российской Федерации, выразившиеся в предоставлении работодателем, заказчиком работ (услуг) права на осуществление трудовой деятельности иностранному гражданину или лицу без гражданства без соблюдения правил привлечения и использования иностранных работников, либо выдаче работодателем, заказчиком работ (услуг) разрешения на осуществление трудовой деятельности иностранному гражданину или лицу без гражданства, равно как и фактическом допущении иностранного гражданина или лица без гражданства к осуществлению трудовой деятельности в Российской Федерации, без соблюдения правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации, либо ином использовании труда иностранных работников без соблюдения правил такого использования» [2, с. 8].

Статьей 18.15 КоАП РФ установлена административная ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Согласно КоАП РФ как незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства, влекущее за собой применение мер административного принуждения, квалифицируется:

— привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства при отсутствии у этого иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на работу либо патента, если такие разрешение либо патент требуются в соответствии с федеральным законом (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ);

— привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства без получения в установленном порядке разрешения на привлечение и использование иностранных работников, если такое разрешение требуется в соответствии с федеральным законом (ч. 2 ст. 18.15 КоАП РФ);

— неуведомление территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функции по контролю и надзору в сфере миграции, органа исполнительной власти, ведающего вопросами занятости

населения в соответствующем субъекте Российской Федерации, или налогового органа о привлечении к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, если такое уведомление требуется в соответствии с федеральным законом (ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ).

Принимая во внимание предложенное определение понятия «незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства», находим, что содержание дефиниции ст. 18.15 КоАП РФ не охватывает все случаи нарушения правил привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Вместе с тем анализ норм КоАП РФ позволяет утверждать, что в качестве незаконного привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства необходимо также квалифицировать деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 18.15 и ч. 1 ст 18.17 КоАП РФ.

Согласно статистическим данным Федеральной миграционной службы России, за период с 2008 по 2013 гг. сотрудниками территориальных органов ФМС России было составлено более 360 000 протоколов об административных правонарушениях, связанных с незаконным привлечением иностранных работников к трудовой деятельности в Российской Федерации [3].

Анализ содержания норм КоАП РФ, предусматривающих административную ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, позволяет сделать вывод о наличии пробелов в правовом регулировании.

Пунктом 4.2 ст. 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» установлено, что временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдано разрешение на работу*.

В свою очередь, данная норма порождает обязанность работодателей, заказчиков услуг (работ) использовать труд иностранных работников только в пределах того субъекта, на территории которого ему выдано разрешение на работу [2, с. 18, 19].

При этом, учитывая тот факт, что высококвалифицированному иностранному работнику может быть выдано разрешение на работу на территории нескольких субъектов, работодатель вправе использовать труд высококвалифицированного иностранного работника только в пределах тех субъектов, которые указаны в выданном разрешении на работу.

Соответственно, нарушение работодателем, заказчиком работ (услуг) данной обязанности является нарушением правил использования иностранных работников, что, в свою очередь, должно предусматривать возможность применения мер ответственности к правонарушителю.

Однако в КоАП РФ не предусмотрена административная ответственность за нарушение правил привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, выразившееся в привлечении работодателем, заказчиком работ, услуг к трудовой деятельности иностранного гражданина или лица без гражданства вне пределов субъекта (субъектов), на территории которого ему выдано разрешение на работу.

Отсутствие законодательного закрепления ответственности за нарушение указанных норм является пробелом в текущем правовом регулировании привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда.

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в КоАП РФ, дополнив статью 18.15 частью 4 в редакции, предложенной К.Ю. Архиповой: «4. Привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства вне предела субъекта (субъектов) Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину или лицу без гражданства выдано разрешение на работу, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц

* О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ: ред. от 21 июля 2014 г. // Рос. газ. 2002. 31 июля; 2014. 23 июля.

– от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток» [2, с. 9].

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия в толковании и применении правовой нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ.

В частности, на сегодняшний день в правоприменительной практике нет единого мнения по поводу того, образует ли состав административного правонарушения уведомление уполномоченных органов исполнительной власти с нарушением установленных сроков.

Так, согласно п. 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. N 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»* судам следует учитывать, что частью 3 ст. 18.15 КоАП РФ устанавливается ответственность за неуведомление миграционного органа, а не за уведомление его с нарушением срока. С учетом этого Высший Арбитражный Суд РФ придерживается позиции, в соответствии с которой составом правонарушения, предусмотренного частью 3 ст. 18.15 КоАП РФ, охватываются лишь случаи, когда на момент выявления административного правонарушения лицо не уведомило миграционный орган о привлечении к трудовой деятельности иностранного гражданина или лица без гражданства.

Представляется, что данная позиция Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ ошибочна. Следует согласиться с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 19 постановления от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указывает, что административное правонарушение считается оконченным с момента, когда в результате действия (бездействия) правонарушителя имеются все предусмотренные законом признаки состава административного правонарушения**.

Если в соответствии с нормативными правовыми актами обязанность должна быть выполнена к определенному сроку, то правонарушение является оконченным с момента истечения этого срока.

Соответственно, правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ, является оконченным в момент неисполнения заинтересованным лицом в установленный срок возложенной на него обязанности по уведомлению компетентных органов, в связи с чем дальнейшие действия, направленные на исполнение этой обязанности, не могут быть расценены в качестве доказательства отсутствия в действиях привлекаемого к административной ответственности лица состава указанного административного правонарушения.

Принимая во внимание существующее противоречие, возникающее в судебной практике, считаем, что необходимо внести изменение в диспозицию ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции:

«3. Неуведомление или уведомление с нарушением установленных сроков территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функции по контролю и надзору в сфере миграции, органа исполнительной власти, ведающего вопросами занятости населения в соответствующем субъекте Российской Федерации, или налогового органа о привлечении к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, если такое уведомление требуется в соответствии с федеральным законом...».

Кроме того, суды неоднозначно толкуют нормы законодательства Российской Федерации об обязанности работодателей, заказчиков работ (услуг) по уведомлению налогового органа по месту учета о привлечении иностранных работников к трудовой деятельности Российской Федерации.

Так, подпунктом 4 п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» за работодателем или заказчиком работ (услуг), пригласившими иностранного гражданина в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности либо заключившими с иностранным работником в Российской

---

* Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2011. N 5.

** Рекомендации по применению судами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2005. N 5. С. 19 и пр.

Федерации новый трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг), закреплена обязанность по уведомлению в течение десяти дней налогового органа по месту своего учета о привлечении и об использовании иностранных работников.

Неоднозначность толкования данной нормы возникает в силу того, что из ее содержания не представляется возможным точно определить, на какую категорию иностранных работников распространяется ее действие: иностранных работников, прибывших в Российскую Федерацию в визовом порядке, или иностранных работников, прибывших в Российскую Федерацию в безвизовом порядке.

Президиум Верховного Суда РФ пришел к выводу о том, что из содержания нормы, предусмотренной подп. 4 п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», следует, что обязанность по уведомлению налогового органа о привлечении к трудовой деятельности иностранного гражданина возложена на работодателя независимо от того, в визовом или безвизовом порядке прибыл работник в Российскую Федерации*.

Однако Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ придерживается иной точки зрения, поскольку в постановлении от 2 февраля 2010 г. N 11773/09 по делу N А53-21580/2008-С4-45** указал, что положение подп. 4 п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает уведомление работодателем или заказчиком работ налогового органа в случае приглашения ими иностранного гражданина в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности либо заключения с этим гражданином нового трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг). В связи с этим уведомление налогового органа о привлечении к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, не требуется, за исключением случаев, когда для въезда в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, предусмотрена обязанность получения приглашения.

Сомнение в том, распространяется ли положение подп. 4 п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» на иностранных граждан, прибывших в безвизовом порядке, можно объяснить следующим.

Во-первых, каждая статья (пункт) закона содержит отдельное законченное правовое положение со всеми его составными элементами, которые отличаются единством внутреннего содержания.

Анализ содержания п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в нем нормы в своей совокупности направлены на регулирование правил привлечения и использование иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы.

Во-вторых, использование законодателем при изложении рассматриваемой нормы права слова «новый» по отношению к трудовому договору или гражданско-правовому договору на выполнение работ (оказание услуг), заключенному работодателем, заказчиком работ (услуг) с иностранным работником, говорит, на наш взгляд, о том, что данный трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг) заключается заново, например, в случае прекращения действия старого (предыдущего) договора или получения нового разрешения на работу, а не впервые.

Вместе с тем полагаем, что уведомление налогового органа по месту учета о привлечении иностранных работников к трудовой деятельности в Российской Федерации является важной обязанностью работодателей, заказчиков работ (услуг), наличие которой не должно ставиться в зависимость от порядка въезда иностранного работника в Российскую Федерацию.

---

* Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2009 года: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 сент. 2009 г. URL: http://www.vsrf.ru /vscourt_detale.php?id-5934

** URL: http://www/arbitr.ru/bras/ntvf/aspx?id_casedoc=l_l_54853dbc-dc41-4480-a82e-cd2007185J68

К сожалению, до сих пор не реализовано высказанное предложение преобразовать подп. 4 п. 8 ст. 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в п. 14 данной статьи, изложив его в следующей редакции

«14. Работодатель или заказчик работ (услуг), пригласившие иностранного гражданина в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности либо заключившие с иностранным работником в Российской Федерации трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг), обязаны уведомить налоговый орган по месту учета о привлечении и об использовании иностранных работников в течение десяти дней со дня подачи ходатайства о выдаче иностранному гражданину приглашения в целях осуществления трудовой деятельности, либо прибытия иностранного гражданина к месту работы или к месту пребывания, либо получения иностранным гражданином разрешения на работу, либо заключения с иностранным работником в Российской Федерации трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг), либо приостановления действия или аннулирования разрешения на привлечение и использование иностранных работников, либо приостановления действия или аннулирования разрешения на работу иностранному гражданину, зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, либо аннулирования разрешения на работу иностранному работнику» [2, с. 9, 10].

Предложенная законодательная новелла позволила бы устранить сомнения относительно применения нормы об обязанности по уведомлению налогового органа при привлечении к трудовой деятельности иностранного работника, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы

Правовое совершенствование норм действующего законодательства, затрагивающего вопросы привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных работников, будет способствовать их единообразному толкованию и применению, что, в свою очередь, обеспечит обоснованное и справедливое привлечение правонарушителей к административной ответственности.

Список литературы

1. Архипова К.Ю. Совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации в аспекте противодействия незаконной трудовой миграции // Юридический мир. 2010. N 9 (165). С. 13-16.

2. Архипова К.Ю. Административная ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012. 23 с.

3. Федеральная миграционная служба России: официальный сайт. URL: http://fms.gov.ru›about/statistics/ (дата обращения: 20 апр. 2014 г.).

References

1. Arkhipova K.Yu. *Sovershenstvovanie migratsionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v aspekte protivodeystviya nezakonnoy trudovoy migratsii* [Improving migration legislation of the Russian Federation in terms of combating illegal migration]. *Yuridicheskiy mir* – Legal world, 2010, no. 9 (165), pp. 13-16.

2. Arkhipova K.Yu. *Administrativnaya otvetstvennost' za nezakonnoe privlechenie k trudovoy deyatel'nosti inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva. Avtoref. Kand. Diss.* [Administrative responsibility for illegal employment of foreign nationals and stateless persons. Autoabstract Cand. Diss.]. Khabarovsk, 2012. 23 p.

3. *Federal'naya migratsionnaya sluzhba Rossii: ofitsial'nyy sayt* [The Federal Migration Service of Russia: official website]. Available at: http://fms.gov.ru›about/statistics/ (Accessed 20 April 2014).

Раздел 3. Уголовный закон

БУГЕРА Н.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
knn.76@mail.ru
Кафедра уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград,
Историческая, 130

BUGERA N.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
knn.76@mail.ru
Chair of Criminal Law,
Educational and Scientific Complex
of Preliminary Investigation;
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВОВЛЕЧЕНИЕ» И «СКЛОНЕНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Реферат. Отмечается отсутствие единообразного толкования в доктрине и в судебной практике используемых в уголовном законодательстве терминов «вовлечение» и «склонение». Подчеркивается необходимость законодательного закрепления их определений для установления сходства и различия типичных признаков, имеющих универсальное значение для конкретного вида преступления. Проведен анализ научных позиций по вопросу содержания этих понятий, сформулированы выводы о целесообразности замены термина «склонение» термином «вовлечение». Для устранения терминологической неясности и унификации видовых признаков деяния понятия «склонение» и «вовлечение» предлагается рассматривать с точки зрения их объективного выражения (характеристика действий) и момента окончания. Проанализированы имеющиеся постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дающие официальное толкование этих терминов, сделан вывод об определении их значения через описание различных действий, направленных в первую очередь на возбуждение желания участвовать в совершении преступления. Установлено, что понятие «вовлечение» по объему шире, чем понятие «склонение». Констатируется, что, с одной стороны, предлагаемая в литературе замена термина «склонение» термином «вовлечение» обеспечит соответствие терминологии, используемой в ст.ст. 150, 151, 230, 240, 242, 205.1 УК РФ, правилам законодательной техники в части единства языка. Единство способов определения деяний в Особенной части УК РФ одновременно есть воплощение принципа законности. С другой стороны, «склонение» – это процесс, а «вовлечение» есть результат (завершенное склонение). Резюмируется, что для конструкции ст. 230 УК РФ больше подходит термин «склонение» независимо от факта употребления наркотиков склоняемым лицом.

Ключевые слова: вовлечение, привлечение, склонение, желание, умышленные действия, момент окончания преступления.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS "INVOLVEMENT" AND "INDUCEMENT" IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. The lack of uniform interpretation of the terms "involvement" and "inducement" (used in criminal legislation) in judicial practice is noted. The necessity to fix their definitions in legislation to determine the similarities and differences of the typical features having universal meaning for a particular type of crime is emphasized. The scientific theories concerning these concepts' content are analyzed. The expediency of replacing the term "inducement" with the term "involvement" is substantiated. To eliminate the terminological ambiguity and unify the specific features of these concepts it is proposed to consider them from the viewpoint of the action and the end of crime. The available resolutions of the RF Supreme Court Plenum presenting the official interpretation of these terms are analyzed. The author comes to the conclusion that determining their meaning should be made by describing different actions aimed at arousing a wish to participate in crime. It's specified that the concept "involvement" is broader than "inducement". It's stated that, on the one hand, the proposed replacement will ensure the accordance of terminology used in Articles 150, 151, 230, 240, 242, 205.1 of the RF Criminal Code with the rules of legislative technique concerning the language. The unity of ways to define actions in the Special Part of the Criminal Code is implementing the legality principle. On the other hand, "inducement" is a process, "involvement" is a result (completed inducement). It's summarized that the term "inducement" is more appropriate for Article 230 regardless of the fact of drug use by the induced person.

Keywords: involvement, inducement, wish, intentional actions, the end of crime.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) используются такие термины, как «вовлечение» и «склонение», которые до сих пор не имеют единого толкования ни в теории уголовного права, ни в судебной практике. В связи с этим есть необходимость в определении их на законодательном уровне, что позволит найти сходство и различия типичных признаков, имеющих универсальное значение для конкретного вида преступления.

В ходе анализа уголовно-правовых норм (в частности, ч. 4 ст. 33 УК РФ –«...подстрекателем признается лицо, *склонившее* другое лицо к совершению преступления путем уговора, угрозы или другим способом» (здесь и далее курсив наш. – *Н. Б.*); ст. 150 УК РФ – «*Вовлечение* несовершеннолетнего в совершение преступления»; ст. 151 УК РФ – «*Вовлечение* несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»; ч. 1 ст. 184 УК РФ – «...принуждение или *склонение* указанных лиц к оказанию противоправного влияния на результат такого соревнования...»; ст. 230 УК РФ – «*Склонение* к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»; ст. 240 УК РФ – «*Вовлечение* в занятие проституцией»; ч. 2 ст. 242 УК РФ – «...*вовлечение* несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции...»; ч. 1 ст. 205.1 УК РФ – «*Склонение*, вербовка или иное *вовлечение* лица в совершение хотя бы одного из преступлений...» [1, с. 78]) нам встретились как термин «вовлечение», так и термин «склонение» в тех ситуациях, в которых действия одного лица направлены на сознание и волю другого лица. В соответствии со ст. 33 УК РФ подстрекательство осуществляется путем уговора, подкупа, угрозы или др. В ст. 150 УК РФ законодатель указывает и другие способы – обещание, обман и т.д., которые применимы и для ст.ст. 151, 230, 240, ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 205 УК РФ. Таким образом, вовлечение и склонение представляют собой специальный вид подстрекательства.

Кроме того, наряду с вышеуказанными терминами, в действующем УК РФ используется термин «привлечение». В соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, является *привлечение* к совершению преступления лиц, находящихся в состоянии опьянения либо страдающих тяжелыми психическими расстройствами, а также лиц, которые не достигли возраста уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ в данном случае речь идет о посредственном исполнении, т.е. использовании невменяемых лиц или лиц, которые не достигли возраста уголовной ответственности. На наш взгляд, именно слово «использование» более точно передает смысловое значение п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вместе с тем вряд ли можно признать удачным употребление понятия «привлечение» в ст. 242.2 УК РФ, в ч. 1 которой говорится о том, что для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера в качестве исполнителя привлекается несовершеннолетний.

Слова «привлечение» и «вовлечение» имеют общий корень, а значит, должны иметь схожее смысловое значение. Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова слово «вовлечь» означает «привлечь или побудить к участию в чем-нибудь», «склонить» – «убедить в необходимости какого-либо поступка или решения» [2, с. 83, 665]. В соответствии со словарем А.П. Евгеньевой «вовлечь» – «склонить к чему-либо, привлечь к участию в чем-либо, с усилием ввести, втащить куда-либо»; «вовлечься» – «принять участие в чем-либо под влиянием обстоятельств, чьего-либо побуждения, втянуться»; «склонить» – «расположить к себе, привлечь на свою сторону, убедить сделать что-либо, согласиться на что-либо» [3, с. 191, 111]. В словаре В. Даля слово «вовлекать» имеет значение втягивать, втаскивать, вводить силою, принуждать ко входу, заманивать, запутывать, заставить принять участие. «Склонять» – убедить, уговорить, согласить [4, с. 199, 217]. Слово «вовлечение» образовано от глагола «вовлекать», имеющего синонимы «привлекать к чему-то», «завлекать», «затягивать», «втягивать во что-либо неприятное». Очевидно, что все слова обращены к единому результату, несмотря на различное содержание указанных действий. Синонимами слова «склонить» являются «уговорить», «побудить»,

«подчинить», «предрасположить». Следовательно, «вовлечение» по своему содержанию шире, чем «склонение», поскольку предполагает как возникновение желания у другого лица совершить что-либо, так и фактическое совершение указанных действий. Склонение является одной из форм вовлечения и представляет только психологическое воздействие. В значениях рассматриваемых понятий можно выделить общую цель – возбудить желание у другого лица сделать что-либо неприятное.

В судебной практике нет единого подхода к решению этого вопроса. В утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. N 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» определения понятия «вовлечение» не содержалось, а указывался только момент окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ. Преступление считалось оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в преступление или противоправное действие, независимо от того, совершил он какое-либо из указанных в законе действий или нет. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» вовлечением названы действия лица, выраженные в форме обещаний, обмана и угроз, разжигания чувства зависти, мести и иных действий, направленных на возбуждение желания совершить преступление. Что же касается момента окончания, то в настоящее время преступления, предусмотренные ст.ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий*.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» склонение выражается в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания (в уговорах, предложениях, даче совета, обмане, психическом и физическом насилии, ограничении свободы и др.) либо совершаемых в целях принуждения к потреблению данных веществ лицом, на которое оказывается воздействие. Для момента окончания преступления достаточно возбудить желание у другого лица сделать то, к чему склоняет виновный, вне зависимости от того, употребило ли фактически склоняемое лицо наркотическое средство или психотропное вещество**. Таким образом, в судебной практике под склонением понимаются активные действия, определяющие собой как физическое, так и психическое воздействие на другое лицо и побуждающие его к совершению преступления.

Не можем признать удачной диспозицию ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» при рассмотрении признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, вообще не выделяется содержание каждого самостоятельного альтернативного действия, а объединяются они в одно определение с указанием, что вербовка, склонение или иное вовлечение лица в совершение преступлений – это умышленные действия, которые направлены на вовлечение лица в совершение одного или нескольких указанных преступлений (путем уговора, убеждений, просьб, предложений, применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение)***.

Следовательно, Пленум Верховного Суда РФ не разделяет такие понятия, как «склонение», «вербовка» и «вовлечение», а ставит между ними знак равенства. По сути, содержание понятия «вовлечение» охватывает все перечисленные действия. Кроме того, усматривается тавтология в самом определении термина: «*склонение, вербовка или иное вовлечение лица*...», «направленные *на вовлечение лица*...», «путем уговора, убеждений, просьб, предложений, применения физического воздействия или

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 8.

*** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 4.

посредством поиска лиц и *вовлечения их в совершение*» (курсив наш. – *Н. Б.*). Считаем излишним упоминание о вербовке в рамках данной статьи, так как вербовка лиц является одним из способов склонения к совершению перечисленных в ст. 205.1 УК РФ преступлений. Законодатель и судебная практика не дают содержательной характеристики понятия «*иное вовлечение*», а поскольку нет четких отличий по способу воздействия от фразы «склонение к совершению преступлений террористического характера», то не имеет никакого смысла и указанный термин.

Предлагаем ч. 1 ст. 205.1 УК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма, – ...».

Проанализировав имеющиеся постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие толкование терминов «вовлечение» и «склонение», мы приходим к выводу о том, что эти понятия определены через описание различных действий, которые направлены в первую очередь на возбуждение желания участвовать в совершении преступления.

Нет единого подхода к решению этого вопроса и в юридической литературе. Одни ученые при определении понятия «вовлечение» берут за основу форму воздействия на сознание и желание вовлекаемого лица. В это понятие включают совершение различных действий (психических и физических) в целях формирования (возбуждения) у лица желания участвовать в совершении преступления, возбуждения у него стремления совершить преступление, а также фактическое втягивание лица в совершение преступлений.

А.В. Ткаченко пишет, что «вовлечение» в ст. 150 УК РФ образует собой систему активных действий, которые направлены на сознание и волю несовершеннолетнего. Совершеннолетнее лицо возбуждает желание и укрепляет решимость совершить преступление [5, с. 15].

В.Ф. Иванов под вовлечением понимает умышленные действия совершеннолетнего лица, которые направлены на возбуждение у несовершеннолетнего желания либо создание у него решимости и готовности совершать преступления, а также фактическое втягивание в совершение общественно опасного деяния [6, с. 113].

По мнению Н.П. Шевченко, вовлечение – это умышленные действия, направленные на приобщение, втягивание, укрепление решимости или готовности участвовать в совершении преступления [7, с. 14].

Такие психологические процессы, как желание, решимость, стремление, намерение, готовность, применительно к вовлечению в совершение преступления, на наш взгляд, должны рассматриваться как равнозначные. Все они направлены на достижение единого преступного результата, т.е. на возбуждение у лица желания совершить преступление.

На наш взгляд, в зависимости от характера действий условно можно выделить два вида вовлечения: интеллектуальное и физическое. При интеллектуальном вовлечении действия виновного направлены на *возбуждение* у лица желания совершать преступление (путем уговора, предложений, дачи совета, просьб, а также путем обмана, физического и психического насилия, ограничения свободы и др.). Физическое вовлечение выражается в *фактическом втягивании* в совершение преступления, т.е. непосредственное совершение лицом оконченного преступления, а также приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Возникает вопрос о возможности вовлечения путем одобрения преступления и укрепления решимости участвовать в нем. В словаре С.И. Ожегова слово «одобрить» имеет значение «признать что-то правильным, хорошим, допустимым» [2, с. 407]. Одобрить – значит дать определенную оценку тому, что уже существует. А поскольку у другого лица еще не возникло мысли о желании определенного преступного поведения, следовательно, вовлечение нельзя определять через одобрение. В соответствии с этим одобрение возникшей решимости совершить преступление можно рассматривать как вид интеллектуального пособничества.

В теории уголовного права высказаны различные мнения по совершенствованию

диспозиции ст. 230 УК РФ. Многие авторы говорят о целесообразности замены понятия «склонение» понятием «вовлечение». В статье 201 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ говорится именно о вовлечении в потребление наркотических средств и психотропных веществ, а не о склонении к их потреблению. Например, в ст. 274 Уголовного кодекса Республики Узбекистан* предусматривается ответственность за «вовлечение в потребление наркотических средств, психотропных или других веществ, влияющих на интеллектуально-волевую деятельность в любой форме...». В статье 203 Уголовного кодекса Республики Таджикистан** также говорится о «вовлечении в потребление наркотических средств или психотропных веществ...».

Как уже отмечалось, понятие «вовлечение» по своему значению шире, чем понятие «склонение». При замене терминов, с одной стороны, обеспечивается единая терминология в ст.ст. 150, 151, 230, 240, 242, 205.1 УК РФ и, согласно правилам законодательной техники, эти понятия будут трактоваться однозначно. Именно единство способов определения деяний в Особенной части УК РФ отражает принцип законности [8, с. 70]. С другой стороны, термин «вовлечение» следует рассматривать как результат действий, как завершенность, а склонение – только как процесс. В связи с этим, на наш взгляд, в зависимости от момента окончания преступления для обозначения ст. 230 УК РФ более удачен термин «склонение».

С точки зрения этимологии слово «вовлечение» означает побудить, привлечь к участию в чем-нибудь, а не просто убедить. В свою очередь, слово «побудить» является синонимом слова «склонить». Таким образом, изначально не было различия между «вовлечением» и «склонением».

На наш взгляд, «вовлечение» означает результативное действие, в отличие от слова «склонение», означающего также безуспешное воздействие. Для более четкого разграничения указанных понятий применительно к уголовному праву выделим отличительные признаки каждого.

При вовлечении действия виновного направлены:

– на определенные психологические процессы (желание, решимость, стремление, намерение, готовность);

– фактическое втягивание в совершение общественно опасного деяния, т.е., помимо возникновения желания, лицо должно фактически совершить преступление.

При склонении достаточно возбудить желание у другого лица сделать то, к чему склоняет виновный, и фактически совершать преступление не требуется.

Предлагаем под вовлечением понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом преступления, а под склонением – умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления.

---

* Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.

** Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001.

Список литературы

1. Сенцов А.С., Волколупова В.А. Новое в правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и наркосодержащих растений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. N 4. С. 78-79.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1972. 994 с.

3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 702 с., Т. 3. 736 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978. Т. 1. 699 с.; Т. 4. 683 с.

5. Ткаченко А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.

6. Иванов В.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические аспекты: межвуз. науч. сб. Вып. 3. Саратов, 1987. С. 87-93.

7. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 32 с.

8. Канубриков В.А. Понятие принципа законности в российском уголовном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 2. С. 70-72.

References

1. Sentsov A.S., Volkolupova V.A. *Novoe v pravovoy reglamentatsii otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov i narkosoderzhashchikh rasteniy* [New in the right regulation of responsibility for crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and narcotic plants]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2012, no. 4, pp. 78-79.

2. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. 994 p.

3. Evgen'eva A.P. *Slovar' russkogo yazyka.* [Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999. In 4 volumes. Vol. 1. 702 p., Vol. 3. 736 p.

4. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1978. In 4 volumes. Vol. 1. 699 p. Vol. 4. 683 p.

5. Tkachenko A.V. *Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty. Avtoref. Kand. Diss.* [Involving a minor in the commission of a crime: criminal law and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2000. 25 p.

6. Ivanov V.F. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnikh putem ponuzhdeniya v prestupnuyu i inuyu antiobshchestvennuyu deyatel'nost'* [Criminal liability for the involvement of minors by forcing in criminal and other anti-social activities]. *Lichnost' prestupnika i ugolovnaya otvetstvennost'. Pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Identity of the offender and criminal liability. Legal and criminological aspects]. Saratov, 1987. Edition 3. Pp. 87-93.

7. Shevchenko N.P. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for the involvement of a minor in the commission of a crime. Autoabstract Cand. Diss.]. Stavropol', 2003. 32 p.

8. Kanubrikov V.A. *Ponyatie printsipa zakonnosti v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve* [The concept of the principle of legality in the Russian criminal law]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2011, no. 2, pp. 70-72.

ТЫДЫКОВА Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
academnauka@rambler.ru
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Алтайский государственный университет,
656049, Алтайский край,
г. Барнаул, Ленина, 61

TYDYKOVA N.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
academnauka@rambler.ru
Chair of Criminal Law and Criminology;
Altai State University,
Lenin St. 61, Barnaul,
656049, Russian Federation

ЗАРАЖЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ВЕНЕРИЧЕСКИМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ ИЛИ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК: КРИТИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Реферат. Статья посвящена исследованию проблем квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших заражение венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией. Автор отмечает, что Уголовный кодекс РФ создает сложности при использовании термина «венерические заболевания». В настоящее время существует необходимость в закреплении иного термина и определении круга таких заболеваний. Этот перечень не должен быть чрезмерно узким, так как существует достаточно много распространенных заболеваний, влекущих серьезные последствия, и чрезмерно широким, ведь заболевания, передающиеся половым путем, по своему характеру и опасности весьма разные. Исследуется вопрос о форме вины в половых преступлениях, повлекших заражение ВИЧ-инфекцией. Автор доказывает, что возможен как умысел (прямой и косвенный), так и неосторожность в виде легкомыслия. Анализируется возможность установления источника заражения ВИЧ-инфекцией. К сожалению, современная медицина не в состоянии диагностировать источник инфицирования. Существует возможность установить лишь приблизительный период инфицирования. Именно поэтому без доказанной причинно-следственной связи между деянием виновного и заражением потерпевшего нельзя вменять рассматриваемый квалифицирующий признак. Отмечаются спорные вопросы субъекта изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших заражение потерпевшего венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией. Доказана возможность вменения рассматриваемого квалифицирующего признака в тех случаях, когда виновный не является носителем ВИЧ-инфекции. Рассмотрен вопрос о сложных моментах возраста субъекта исследуемого преступления. Автор затрагивает вопрос о необходимости в некоторых случаях квалифицировать совершенное насильственное половое преступление по совокупности с заражением ВИЧ-инфекцией.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, насильственные половые преступления, венерические заболевания, ВИЧ-инфекция.

INFECTING THE VICTIM WITH A SEXUALLY TRANSMITTED DISEASE OR HIV AS AGGRAVATING CIRCUMSTANCE: CRITICISM OF CRIMINAL LAW

Abstract. The article is devoted to the research of qualification problems of rape and sexual assaults, causing venereal diseases or HIV infection. The author notes that the RF Criminal Code creates difficulties when using the term "venereal diseases". Currently it's necessary to introduce a new term and determine the list of such diseases. This list shouldn't be too limited since there are many widespread diseases leading to serious consequences, but it also shouldn't be too extensive because STDs are quite different in their nature and danger. The issue of form of guilt in sex crimes causing HIV infection is investigated. The author proves that in such cases there may be an intent (direct and circumstantial) and negligence in the form of thoughtlessness. The possibility to identify the source of HIV infection is analyzed. Unfortunately, modern medicine isn't able to diagnose the source of infection. It's possible to find out only the approximate period of infection. That's why it's impossible to impute the considered aggravating circumstance if the causal link between the perpetrator's act and the victim's infection isn't proved. The controversial issues concerning the subject of rape and sexual assaults causing a victim's venereal diseases or HIV infection are noted. The possibility to impute the considered aggravating circumstance in cases where the offender is not HIV-positive is proved. Difficult questions related to the age of the subject of analyzed crime are considered. The issue of the need to qualify the committed violent sex crime together with HIV infection is touched upon.

Keywords: rape, sexual assaults, violent sex crimes, venereal diseases, HIV.

Пункт «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ содержат такой квалифицирующий признак, как заражение потерпевшего или потерпевшей венерическим заболеванием. Международная классификация болезней и травм 10-го пересмотра (МКБ-10) не содержит упоминания о венерических заболеваниях, а использует термин «инфекции, передающиеся половым путем». Именно этот термин используется и в других нормативных правовых актах, например в Постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715*, в котором приведен список социально значимых заболеваний и заболеваний, опасных для окружающих. Каково соотношение терминов «венерические заболевания» и «инфекции, передающиеся половым путем», из нормативных актов не ясно. Российская правоприменительная практика под заражением венерическими заболеваниями понимает лишь заражение такими четырьмя специфическими инфекциями, как сифилис, гонорея, мягкий шанкр, лимфогранулематоз паховый. Кроме того, различают пятую венерическую болезнь — донованоз, встречающуюся в южных странах. В России имеют распространение лишь две венерические болезни: сифилис и гонорея, но иногда встречаются случаи и других заболеваний.

Если говорить об опасности венерических заболеваний, то сифилис, например, поражает кожу и слизистые оболочки, передается по наследству, процесс излечения долгий и сложный. При гонорее возможны такие осложнения, как уретрит, простатит, цистит, пиелонефрит, порок сердца и многие другие, у женщин возрастает риск бесплодия. Гонорея крайне сложна в лечении. Течение такого венерического заболевания, как мягкий шанкр, может сопровождаться фимозом и осложняться поражением лимфатической системы. При паховом лимфогранулематозе в патологический процесс могут вовлекаться селезенка, печень, почки, суставы. В третичном периоде лечение антибиотиками не дает эффекта и показано хирургическое иссечение пораженных тканей. В случаях позднего обнаружения донованоза возможно развитие уродств или неустранимых увечий [1, с. 30-34]. Если обратиться к медицинской литературе, то можно выявить целый ряд заболеваний, передающихся преимущественно половым путем и имеющих достаточно серьезную картину их течения и последствий, что делает заражение этими заболеваниями общественно опасным деянием.

Однако на сегодняшний день изнасилование или насильственные действия сексуального характера, повлекшие заражение такими заболеваниями, не влекут более строгого наказания. В связи с этим возникает закономерный вопрос о формировании перечня заболеваний, заражение которыми должно образовывать самостоятельный состав преступления и соответствующий квалифицирующий признак в составах, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ. К сожалению, перечень, данный в МКБ-10, также не может быть взят за основу по ряду причин. Так, например, в МКБ-10 описывается клиническая форма вируса папилломы человека — аногенитальные бородавки и отсутствуют иные штаммы, не приводящие к образованию бородавок. Передача вируса, если бородавок нет ни у заразившего, ни у зараженного, не будет рассматриваться как преступление, несмотря на то, что наиболее тяжелое осложнение инфекции вирусом папилломы человека — рак шейки матки — чаще всего вызывается штаммами, которые не приводят к формированию бородавок [2, с. 96]. Получается, что менее общественно опасное деяние (заражение вирусом, который вызывает бородавки) каралось бы, а более общественно опасное (заражение вирусом, вызывающим рак) — нет. Подобные примеры можно приводить и с другими перечисленными в МКБ-10 заболеваниями. Сказанное не является критикой МКБ-10, так как данный документ преследует свои цели, явно не совпадающие с целями уголовного закона.

Именно поэтому в настоящее время существует необходимость в выработке термина, обозначающего группу заболеваний, заражение которыми влечет уголовную ответственность, и определении круга таких заболеваний. Эта группа не должна быть чрезмерно узкой, так как существует достаточно много распространенных заболеваний, влекущих серьезные последствия (например, хламидиоз и трихомони-

* Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 1 дек. 2004 г. N 715 // Рос. газ. 2004. 7 дек.

аз могут приводить к бесплодию), так и чрезмерно широкой, ведь заболевания, передающиеся половым путем, по своему характеру и опасности весьма разные.

Рассматривая данный признак, нельзя не поднять вопрос о субъекте изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших заражение потерпевшего венерическим заболеванием. Дело в том, что в соответствии со ст. 20 УК РФ субъектом изнасилования и насильственных действий сексуального характера может быть лицо, достигшее 14-летнего возраста, а субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 121 УК РФ, — лицо, достигшее 16-летнего возраста. В связи с этим возникает вопрос: может ли вменяться рассматриваемый квалифицирующий признак изнасилования и насильственных действий сексуального характера виновным, совершившим эти преступления в возрасте от 14 до 16 лет? Сам уголовный закон не дает прямого ответа на данный вопрос, поэтому получить его можно только путем толкования соответствующих правовых норм. По нашему мнению, поскольку в ст. 20 УК РФ в перечне составов преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14-летнего возраста, ст. 131 и ст. 132 УК РФ указаны без уточнения частей и пунктов, то ответственность и за такие квалифицированные составы возможна с 14 лет. Кроме того, в силу отсутствия необходимости квалифицировать содеянное по совокупности со ст. 121 УК РФ проблем при таком подходе также не возникает.

Отдельного рассмотрения заслуживают такие особо квалифицированные составы, как изнасилование и насильственные действия сексуального характера, повлекшие заражение потерпевшего ВИЧ-инфекцией, которые предусмотрены п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ.

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ»* указывается, что действия виновного подлежат квалификации по рассматриваемому пункту как при неосторожном, так и при умышленном заражении потерпевшей ВИЧ-инфекцией. К сожалению, Верховный Суд РФ не уточняет, возможно ли небрежное отношение в этом случае. Анализируя ч. 2 ст. 122 УК РФ, можно прийти к выводу, что небрежность невозможна, так как в данной части сказано: «...лицом, знавшим о наличии у него этой болезни».

Необходимо знать, что передача вируса от человека возможна на любой стадии заболевания, в том числе в инкубационном периоде, т.е. когда лицо еще само не знает о том, что является носителем ВИЧ-инфекции [3, с. 5]. Следовательно, в случае совершения таким лицом изнасилования или насильственных действий сексуального характера, повлекших заражение потерпевшего или потерпевшей, вменять рассматриваемый квалифицирующий признак нельзя.

Примечательно, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. N 4** указывалось на необходимость квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 122 УК РФ и ст. 131 УК РФ, без вменения рассматриваемого квалифицирующего признака при умышленной форме вины. И сегодня есть сторонники именно такой квалификации. В частности, М.А. Андреева отмечает, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего требует квалификации в совокупности со ст. 111 УК РФ, а умышленное заражение ВИЧ-инфекцией не требует, хотя оба последствия образуют самостоятельные составы преступлений. Поэтому автор считает, что подобная квалификация должна следовать и при умышленном заражении потерпевшего (потерпевшей) ВИЧ-инфекцией, то есть не охватываться п. «б» ч. 3 ст. 131 или п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, а образовывать совокупность преступлений по ст. 131 (132) УК РФ и ч. 2 ст. 122 УК РФ [4, с. 21]. Данное мнение, возможно, основано еще и на том, что формулировка признака, закрепленного в п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, не позволяет однозначно определить, к чему именно относится термин «по неосторожности», — только к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшей или же еще и к заражению ее ВИЧ-инфекцией и иным тяжким последствиям.

Учитывая то, что данное последствие законодателем уже учтено в квалифицирующих признаках изнасилования и насильственных действий сексуального характера, предложенный М.А. Андреевой

* Рос. газ. 2004. 29 июня.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. N 7.

подход, конечно же, недопустим. Кроме того, при таком решении наказание за изнасилование или насильственные действия сексуального характера, повлекшие неосторожное заражение ВИЧ-инфекцией, влекли бы более строгое наказание (до 15 лет лишения свободы), чем при умышленном заражении (до 11 лет лишения свободы), что вряд ли логично.

При совершении же изнасилования или насильственных действий сексуального характера ВИЧ-инфицированным, если это не повлекло заражение ВИЧ-инфекцией, имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 131 или ст. 132 УК РФ и ч. 1 ст. 122 УК РФ, где речь идет о поставлении в опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

Так, К., достоверно знавший, что он заражен ВИЧ-инфекцией, понимая, что, вступая с М. в половые отношения, ставит ее в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, совершил с ней насильственный половой акт без использования предохраняющих средств, тем самым поставил М. в опасность заражения ВИЧ-инфекцией*. Суд верно квалифицировал данное деяние как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 УК РФ и ч. 1 ст. 122 УК РФ.

Немало процедурных проблем возникает при квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших заражение ВИЧ-инфекцией. Так, для квалификации по рассматриваемому признаку имеет значение причинно-следственная связь между действиями виновного и заражением потерпевшего. Иными словами, необходимо установить, что именно от виновного и именно в процессе совершения насильственного полового преступления произошло заражение потерпевшего или потерпевшей.

Современная медицина не в состоянии диагностировать, от кого именно произошло инфицирование. Единственное, что возможно установить, — это приблизительная давность инфицирования. С момента выявления антител их титры постепенно растут, через 3-5 месяцев достигают максимума и держатся на этом уровне на протяжении всей жизни больного. Так, если титр или авидность антител низкие, то заражение скорее всего произошло в пределах последних 4 месяцев. Если же титр или авидность высокие, то с момента заражения прошло более 4 месяцев [5]. Следовательно, возможно определить только 2 периода инфицирования: в пределах 4 месяцев или более, что означает инфицирование как 1 год, так и 5 лет назад.

Кроме того, следует учитывать наличие инкубационного периода ВИЧ-инфекции, длительность которого для каждого человека индивидуальна — от двух недель до года и зависит от состояния иммунитета человека. Средняя продолжительность составляет три месяца. В соответствии с п. 6 Правил проведения обязательного медицинского освидетельствования на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) от 13 октября 1995 г. N 1017 основным методом обязательного медицинского освидетельствования является исследование сыворотки крови на наличие антител к вирусу иммунодефицита человека. А антитела к ВИЧ с учетом длительности инкубационного периода могут появляться через 6-8 недель после заражения. Однако нередко они вырабатываются позднее, через 3-6 месяцев. В некоторых источниках указывается, что инкубационный период может быть год, в других — до 30 месяцев [6, с. 46].

Таким образом, шансы определить наличие ВИЧ-инфекции у потерпевшего или потерпевшей от изнасилования или насильственных действий сексуального характера сразу после совершения преступления невелики. А в случае, если с учетом индивидуальных особенностей длительный инкубационный период не позволил выявить ее в срок до 4 месяцев, то определить давность невозможно. Нельзя исключать возможность того, что потерпевший или потерпевшая и до совершения с ними насильственного полового преступления были носителями ВИЧ-инфекции и просто не знали об этом. Также не исключено, что он или она могли заразиться от контакта с другим лицом уже после совершения преступления, особенно если прошел значительный период времени. Кроме того, инфицирование могло произойти при оказании потерпевшему или потерпевшей от изнасилования или насильственных действий сексуального характера медицинской помощи. В связи с этим установление причинно-следствен-

* Дело N 1—78 // Архив Заринского городского суда Алтайского края. 2004 г.

ной связи между деянием виновного в насильственном половом преступлении и заражением потерпевшего ВИЧ-инфекцией крайне проблематично. Представляется, что если установить такую связь достоверно не удается, то вменять следует не рассматриваемый квалифицирующий признак, а дополнительно к ст. 131 или ст. 132 УК РФ ч. 1 ст. 122 УК РФ, поскольку поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией так или иначе имело место.

При рассмотрении данного квалифицирующего признака не может не возникнуть тот же самый вопрос о субъекте, который возникал при рассмотрении признака, связанного с заражением потерпевшего венерической болезнью. Дело в том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ, также может быть лицо, достигшее возраста 16 лет. Следуя выбранному и обоснованному выше подходу, можно также заключить, что ответственность за изнасилование, насильственные действия сексуального характера, повлекшие заражение ВИЧ-инфекцией, возможна с 14-летнего возраста. Но, учитывая, что если при насильственном половом контакте с ВИЧ-инфицированным заражения не произошло, требуется квалификация содеянного по совокупности с ч. 1 ст. 122 УК РФ, которая невозможна из-за того, что лица в возрасте от 14 до 16 лет не подлежат ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Получается, что если изнасилование или насильственные действия сексуального характера совершило лицо в возрасте от 14 до 16 лет, и потерпевший был инфицирован, то оно подлежит ответственности за квалифицированный состав, а если инфицирования не произошло, но имело место поставление в опасность инфицирования, то ответственность такого лица таким фактом усиливаться не будет.

Интересен вопрос о субъекте данного квалифицированного состава и в свете того, что необходимо определиться, может ли им быть лицо, не являющееся вирусоносителем? По данному вопросу верным представляется мнение Т.В. Кондрашовой, которая указывает на то, что субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ, может быть не только вирусоноситель, так как термин «заведомость» относится к субъективной стороне, а не к наличию у лица ВИЧ-инфекции [7, с. 224-225]. На основании этого можно прийти к выводу о том, что субъектом исследуемых квалифицированных составов может быть также и лицо, не являющееся носителем ВИЧ-инфекции. При решении этого вопроса следует учесть, что в ст.ст. 131 и 132 УК РФ речь идет о том, что заражение ВИЧ-инфекцией явилось следствием именно изнасилования и насильственных действий сексуального характера, в объективную сторону которых помимо собственно действий сексуального характера входит также и применение насилия. В связи с этим можно представить такую ситуацию, когда виновный преодолевал сопротивление потерпевшего, угрожая иглой с кровью инфицированного, а потом еще в процессе применения физического насилия инфицировал потерпевшего. Представляется, что в этом случае возможно вменение рассматриваемого признака, хотя виновный и не является носителем ВИЧ-инфекции.

Таким образом, решение одних проблем возможно путем выработки единой терминологии и правоприменительной позиции, а решение других требует развития медицинских технологий.

Список литературы

1. Иерусалимская Е.А. Ответственность за преступления, связанные с распространением инфекций, передающихся преимущественно половым путем (уголовно-правовое и криминологическое исследование): монография. М., 2004. 160 с.

2. Уголовная ответственность за заражение венерическими заболеваниями. Некоторые сложные вопросы и пути их решения. Ч. 1 / А.Н. Баринова, О.Г. Хурцилава, С.Л. Плавинский, К.М. Разнатовский // Вестник Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования. 2012. N 1. Т. 4. С. 95-98.

3. Профилактика заражения ВИЧ: метод. рекомендации / В.В. Покровский, Н.Н. Ладная, В.В. Беляева, Н.В. Козырина, О.Г. Юрин, Л.А. Дементьева. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2014. 51 с.

4. Андреева М.А. Предупреждение половой преступности мерами уголовно-правового характера // Российский следователь. 2010. N 7. С. 20-22.

5. Стратегии выявления антител для ранней диагностики ВИЧ-инфекции. URL: http://www.eurolab.ua/aids/2878/2888/35435 (дата обращения: 20 мая 2014 г.).

6. Коновалов Н.Н. Виктимологическая характеристика изнасилований. Ставрополь, 2005. 104 с.

7. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. 384 с.

References

1. Ierusalimskaya E.A. *Otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s rasprostraneniem infektsiy, peredayushchikhsya preimushchestvenno polovym putem (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie)* [Responsibility for the crimes associated with the spread of infections transmitted mainly through sexual contact (criminal law and criminological research)]. Moscow, 2004. 160 p.

2. Barinova A.N., Khurtsilava O.G., Plavinskiy S.L., Raznatovskiy K.M. *Ugolovnaya otvetstvennost' za zarazhenie venericheskimi zabolevaniyami. Nekotorye slozhnye voprosy i puti ikh resheniya. Ch. 1* [Criminal liability for contracting sexually transmitted diseases. Some complex issues and their solutions. Part 1]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy meditsinskoy akademii poslediplomnogo obrazovaniya* – Herald St. Petersburg Medical Academy of Postgraduate Education. 2012, no. 1, volume 4, pp. 95-98.

3. Pokrovskiy V.V., Ladnaya N.N., Belyaeva V.V., Kozyrina N.V., Yurin O.G., Dement'eva L.A. *Profilaktika zarazheniya VICh* [Preventing HIV infection]. Moscow, 2014. 51 p.

4. Andreeva M.A. *Preduprezhdenie polovoy prestupnosti merami ugolovno-pravovogo kharaktera* [Prevention sexual crime measures under criminal law]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2010, no. 7, pp. 20-22.

5. *Strategii vyyavleniya antitel dlya ranney diagnostiki VICh-infektsii* [Strategy for the detection of antibodies for the early diagnosis of HIV infection]. Available at: http://www.eurolab.ua/aids/2878/2888/35435 (Accessed 20 May 2014).

6. Konovalov N.N. *Viktimologicheskaya kharakteristika iznasilovaniy* [Victimological characteristic of rape]. Stavropol, 2005. 104 p.

7. Kondrashova T.V. *Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorov'ya, polovoy svobody i polovoy neprikosnovennosti* [Problems of criminal responsibility for crimes against life and health, sexual freedom and sexual integrity]. Ekaterinburg, 2000. 384 p.

Раздел 4. Криминологическая наука

МЕЛТОНЯН Р.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
r.meltonyan@yandex.ru
Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров;
Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
117437, Москва, Академика Волгина, 12

MELTONYAN R.M.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
r.meltonyan@yandex.ru
Faculty of the Teaching and Scientific Staff Training;
Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Academician Volgin St. 12, Moscow, 117437, Russian Federation

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ЗАКОНА

Реферат. Институты освобождения от уголовной ответственности реализуют идеи законности, справедливости и гуманизма, несмотря на то, что ужесточение уголовно-правового воздействия остается основной тенденцией государственного контроля над преступностью. Кратко характеризуется реформа уголовно-правового воздействия, проведенная в 1996 году в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации. На примере деятельного раскаяния подвергается сомнению криминологическая обоснованность оснований, признаков и условий названных институтов. Критикуется возможность и необходимость законодательного закрепления понятия «деятельное раскаяние» в свете целесообразности унификации его признаков. Ставится проблема необходимости всей совокупности указанных в уголовном законе признаков деятельного раскаяния или достаточности соблюдения некоторых из них. Подчеркивается, что альтернативы перечисленным в законе действиям нет, но бывают случаи, когда выполнение всех их невозможно вследствие «непреодолимой силы» (например, невозможность явки с повинной по причине задержания на месте). Критически оцениваются законодательные признаки деятельного раскаяния и доктринальные предложения по их пересмотру (существенное расширение перечня действий, составляющих раскаяние, либо их «психологизация»). Обосновывается юридическая несостоятельность термина «чистосердечное раскаяние» (психологический феномен). Резюмируется, что в действующем виде институты освобождения от уголовной ответственности не позволяют охватить все возможные правоприменительные ситуации. Отрицательно оценивается казуистичность норм таких институтов, тогда как недостаточная их унификация (универсальность, абстрактность) свидетельствует о слабой технико-юридической проработке уголовного закона. Примером этого выступает ст. 76.1 УК РФ, устанавливающая возможность освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: экономия уголовной репрессии, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, эффективность уголовно-правовых средств воздействия на преступность.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: CRIMINOLOGICAL VALIDITY OF LAW

Abstract. Institutions of the exemption from criminal liability implement the ideas of legality, justice and humanism despite the fact that the tightening of criminal law impact remains the main trend of state control over crime. The reform of criminal law influence, carried out in 1996 due to the RF Criminal Code adoption, is characterized. By example of active repentance the criminological validity of grounds, features and conditions of the mentioned institutions is questioned. The possibility and necessity of fixing the concept "active repentance" by legislation is criticized. The problem of the need for the entire set of active repentance's features specified in criminal law or adequacy of their observance is mentioned. The author emphasizes that there's no alternative to the actions listed in the law, but there're cases when their performance is impossible due to "force majeure" circumstances (e.g. inability to surrender because of apprehension at the crime scene). The legislative characteristics of active repentance and the proposals for their revision (significant expanding the list of actions constituting remorse or their "psychologizing") are critically estimated. Legal groundlessness of the term "sincere repentance" (psychological phenomenon) is substantiated. It's summarized that the existing institutions of the exemption from criminal liability don't cover all possible law enforcement situations. The casuistry of these institutions' rules is negatively estimated. Their insufficient unification indicates a weak technical

and legal study of the criminal law. The example is Article 76.1 of the RF Criminal Code providing the possibility of the exemption from criminal liability for committing economic crimes.

Keywords: economy of criminal repression, exemption from criminal liability, active repentance, effectiveness of legal means to influence criminality.

Общеизвестно, что совокупность институтов уголовного права базируется на основополагающих принципах этой отрасли правовой действительности, то есть опирается на положения, которые получили официальный статус таковых (принципов) в соответствующих нормах закона. Эти принципы взаимосвязаны, вытекают один из другого, поддерживают и уравновешивают друг друга, распространяют свое действие на всех субъектов уголовного права, предопределяя содержание уголовно-правовых норм и институтов.

В этом смысле не являются исключением и институты освобождения от уголовной ответственности. Регламентирующие их нормы в уголовном и уголовно-процессуальном источниках основываются на идеях законности, справедливости и гуманизма. Это подчеркивает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которому «Посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма. Исходя из этого по каждому уголовному делу надлежит проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76.1 или 78 УК РФ»*.

В контексте рассматриваемой проблемы принцип законности проявляется в неукоснительном соблюдении установленного нормами уголовного и уголовно-процессуального источников довольно специфического порядка освобождения виновного лица от уголовной ответственности. Справедливость обусловливается возможностью устранения государством (*читай:* судом, прокурором, следователем или органом дознания) уголовно-правового обременения, однако при условии, что лицо, совершившее преступление, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред от своих преступных действий. Таким образом, справедливость воздаяния за деяние как реакция государства заключается в оптимальности и соответствии мер уголовно-правового воздействия как реакции государства на совершенное деяние.

В наибольшей степени в названных институтах (во всяком случае в большинстве из них) проявляется принцип гуманизма. Безусловно, уголовное законодательство должно обеспечивать безопасность каждого человека, в том числе и оступившегося (в силу разных причин и обстоятельств) и совершившего уголовное правонарушение, предоставляя ему взамен, разумеется, при наличии позитивного постпреступного поведения, «благо» в виде освобождения от ответственности. Симптоматично, что с этим принципом тесно связан и сопутствующий ему принцип экономии уголовной репрессии, в последнее время получающий наряду с принципом неотвратимости наказания довольно широкую информативность.

Очевидно, что институты освобождения от уголовной ответственности не возникали на пустом месте. Их развитию предшествовала многовековая история становления механизмов регулирования посткриминального поведения субъекта правоотношения. Они были призваны реализовать утверждения идеи гуманизации и либерализации уголовного закона, необходимости обеспечения определенного баланса между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, усиления частных начал в уголовном праве (разумеется, не в ущерб публичным!).

Уголовно-правовые институты освобождения от уголовной ответственности, вне всякого сомнения, имеют большое значение и играют заметную роль в решении задач, стоящих перед уголовным законом. По мнению специалистов, наиболее существенными из этих задач являются: уменьшение уровня репрессивности уголовной политики; уменьшение материальных затрат на содержание органов уголовной юстиции; «разгрузка» в необходимых пределах следственных изоляторов и мест лишения свободы, предохранение их от чрезмерного переполнения; снижение уровня рецидивной преступности и «судимости населения»

* Рос. газ. 2013. 5 июля.

[1, с. 52]. По данным информационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ, только органами дознания органов внутренних дел за шесть лет (2007-2012 гг.) в связи с деятельным раскаянием было прекращено 24 391 уголовное дело (в 2007 г. – 4 350, в 2008 г. – 4 535, в 2009 г. – 4 089, в 2010 г. – 4 407, в 2011 г. – 3 723, в 2012 г. – 3 284), а в связи с примирением с потерпевшим – 44 427 уголовных дел (в 2007 г. – 7 115, в 2008 г. – 7 710, в 2009 г. – 6 354, в 2010 г. – 7 390, в 2011 г. – 7 377, в 2012 г. – 8 481)*.

Таким образом, институты освобождения от уголовной ответственности обеспечивают защиту прав и законных интересов потерпевших и обвиняемых, и лейтмотивом выступает экономия уголовной репрессии. Иначе говоря, эти институты подчеркивают многообразие средств в едином механизме борьбы с преступностью и содержат в себе огромный, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, антикриминогенный потенциал.

Исторический опыт свидетельствует, что система государственного контроля над преступностью, как правило, ориентируется на традиционное ужесточение уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Такая тенденция очевидна и наблюдается во многих странах. Само по себе воздействие на преступность носит (априори) наступательный характер, который немыслим без репрессии. Уголовное наказание есть справедливое воздаяние за совершение преступления. Без него уголовное право перестает выполнять свою основную функцию по охране общественных отношений. Вместе с тем принципы справедливости и целесообразности уголовного наказания в отношении конкретных преступников не могут быть реализованы без учета закономерностей преступности, проявляющих себя не только на общем, но и на индивидуальном уровнях.

Известно, что на протяжении многих столетий перед уголовным наказанием не стояло иных целей, кроме устрашения и сатисфакции. Преступник всегда рассматривался уголовным законом в качестве олицетворения зла, которое неминуемо должно быть наказано. Лишь сравнительно недавно перед наказанием стала робко и не всегда последовательно ставиться цель позитивного воздействия на постпреступное поведение виновного – исправление и перевоспитание лица, совершившего преступление. При этом довольно быстро выяснилось, что наказание, известное человечеству издревле, имеет ограниченные возможности в обеспечении постпенитенциарной и антикриминогенной корректировки поведения [2, с. 21]. Тогда же впервые стали высказываться идеи о бессмысленности бесконечного наказания и необходимости обеспечения определенного баланса между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, с предположением, что этот баланс необходим, поскольку в противном случае уголовная юстиция просто не справится с потоком уголовных дел, возбужденных по фактам совершения малозначительных преступлений, и перестанет эффективно защищать общественные отношения от преступлений [3, с. 32].

Следуя этим ориентирам, отечественный законодатель в 1996 году впервые сосредоточил нормы об освобождении от уголовной ответственности в отдельной главе (гл. 11 УК РФ), предложив тем самым значительный арсенал средств сокращения уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. В уголовном законе появились нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим (ст.ст. 75, 76 УК РФ). В декабре 2011 года Федеральным законом N 420-ФЗ в названную выше главу уголовного закона введена ст. 76.1, регламентирующая новый вид освобождения от уголовной ответственности, – при совершении преступлений в сфере экономической деятельности. Существенно расширены (в отличие от УК РСФСР 1960 г.) основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные нормами Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Однако можно ли утверждать, что «реконструкция» уголовного закона проводится (проводилась) системно, планомерно, на основе воззрений, выработанных в том числе и криминологической наукой, с учетом криминологических

---

* Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crime-stat.ru/

реалий и закономерностей, а сама реализация институтов освобождения от уголовной ответственности отличается эффективностью? Думается, что нет. Достаточно сказать, что система норм об освобождении от уголовной ответственности до сих пор лишена четких критериев, и прежде всего в силу отсутствия необходимой криминологической обоснованности оснований и условий этих освобождений, качественной характеристики их признаков.

К сожалению, положения институтов освобождения от уголовной ответственности и сегодня реализуются без учета криминологических закономерностей и тенденций преступности, отдельных ее видов и конкретных преступлений, их социально-правовых последствий; криминологических закономерностей формирования и проявления признаков, качеств, свойств личности преступника в механизме индивидуального преступного и постпреступного поведения; состояния и развития системы предупреждения преступлений и обеспечения криминологической безопасности [4, с. 167].

Подтверждением выступает тот факт, что за время действия УК РФ довольно большой процент лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, вновь осужден за совершение других преступлений. Между тем такое освобождение проявляется и в элементах «фальсификации» ряда институтов уголовного права, например уровня уголовно-правового рецидива лиц, совершивших новые умышленные преступления, поскольку при определении последнего не учитываются умышленные преступления, в связи с которыми виновные лица освобождались от уголовной ответственности. Фактически повторное преступное поведение наличествует, в то время как юридически его нет.

Институты освобождения от уголовной ответственности имеют межотраслевую принадлежность. Проблемы комплексного межотраслевого института освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела (преследования), отказа в его возбуждении связаны со многими факторами. В частности, с особенностями психического и психофизиологического развития человека, оказывающими или способными оказать влияние на принятие решения об освобождении его от уголовной ответственности, о прекращении по отношению к нему уголовного преследования или уголовного дела; с личностными патологиями, вызывающими отклоняющееся поведение человека. Эти проблемы могут быть результатом особенностей девиантного и позитивного посткриминального поведения человека, способствующих принятию правоприменителем решения об освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного дела (преследования), об отказе в его возбуждении. Наконец, эти проблемы могут быть сопряжены с особенностями нормативно-правового регулирования возможности указанного освобождения (прекращения, отказа), а также с пробелами, противоречиями и конкуренциями в нормативно-правовой среде, которые, к сожалению, исключениями не являются.

Разумеется, анализ всей совокупности проблем, так или иначе связанных с институтами освобождения от уголовной ответственности, в рамках одной статьи даже на постановочном уровне вряд ли возможен. В связи с этим, имея в виду тот факт, что большинство из имеющихся проблем связано (прямо или косвенно) с понятием «деятельное раскаяние», на основе детального исследования одноименного института освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ), как представляется, можно рассмотреть «проблемные точки» институтов, равно как и оценить степень их эффективности.

1. По настоящее время остро ставится вопрос относительно возможности и даже необходимости законодательного закрепления понятия «деятельное раскаяние», разумеется, вместе со смежным с ним вопросом о целесообразности унификации признаков этого явления.

Надо сказать, что законодательное закрепление любого института имеет в большинстве своем положительный эффект, ибо препятствует «размыванию границ» правового явления. В этом смысле деятельное раскаяние не является исключением, так как представляет собой некий комплекс определенных законом действий, которые должны быть направлены на устранение общественной опасности совершенного преступления.

Учитывая эти обстоятельства, следует согласиться с А.В. Ендольцевой, понимающей под деятельным раскаянием «...ука-

занные в законе активные добровольные действия, посредством которых лицо, совершившее преступление, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания» [5, с. 47].

2. Случаи возникновения «неопределенностей», связанных с соотношением установленных законом признаков деятельного раскаяния, их объемом, строгостью, временными границами, с одной стороны, и конкретным поведением лица — с другой, называть редкими нет оснований. В частности, остается открытым вопрос о необходимости всей совокупности указанных в уголовном законе признаков деятельного раскаяния или достаточности соблюдения отдельных (некоторых) из них.

Так, например, есть обоснование, по которому лицо должно выполнить все установленные законом действия, ибо, как пишет В.С. Егоров, «...анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что все указанные условия перечисляются в законе безальтернативно» [6, с. 114]. Согласно другой точке зрения, установление любого из возможных деяний (поступков), свидетельствующих о раскаянии, может повлечь освобождение лица от уголовной ответственности [7, с. 21].

Приведенные доводы лишь при поверхностном рассмотрении являются диаметрально противоположными. Как представляется, более верно характеризовать их как дополняющих друг друга. Действительно, никакой альтернативы перечисленным в уголовном законе действиям нет и быть не может. Лишь в случае активного стремления лица порвать со своей преступной деятельностью допустимо его освобождение по норме, указанной в ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Вместе с тем очевидно также, что в отдельных случаях невозможно выполнение всех без исключения указанных в законе условий по причине «непреодолимой силы», когда лицо задерживается на месте совершения преступления либо по иным объективным причинам не может явиться с повинной. Например, согласно п. 2.5 Правил дорожного движения водители «...также обязаны сообщить о случившемся в полицию, записать фамилии и адреса очевидцев и *ожидать* (курсив наш. — *Р.М.*) прибытия сотрудников полиции».

Полагаем, что в таких ситуациях для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием достаточно активной помощи следствию в раскрытии и расследовании преступления, а также возмещения причиненного преступлением вреда. Соответственно, освобождение от уголовной ответственности по названному основанию должно ставиться в зависимость не от проявления всех возможных видов указанного в законе социально одобряемого посткриминального поведения, а от объективной возможности проявления таковых.

Заметим, что указанное нами выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года N 19 на правоприменительном уровне снимает ряд вопросов, в том числе и вышеназванных. Вместе с тем на уровне теории права порождаемый этими проблемами дискурс продолжается, а проблема не исчерпана.

3. Существует мнение относительно подразделения всех признаков этого деятельного раскаяния на две группы, с представлением их в виде оснований и условий для освобождения [8, с. 16]. Даже если согласиться с тем, что термин «основания» предполагает сравнительно объективный характер, а «условия» субъективный, в такой классификации, как представляется, нет ни теоретической, ни тем более практической значимости.

Н.С. Александрова при толковании признаков деятельного раскаяния исходит из этимологии и выделяет: «а) осознание своего поступка; б) сожаление о невозможности изменить содеянное; в) стремление исправить совершенное; г) осуществление помощи в раскрытии преступления, ничего не утаивая, строго взыскивая с себя» [9, с. 100]. Отмечая своеобразие такого деления, все же заметим, что этот «перечень» признаков малоприменим практически. Сложно представить, чтобы правоприменитель выяснял, достаточно ли строго взыскивает с себя лицо, в необходимой ли степени оно сожалеет о содеянном?

В свое время оригинальный перечень признаков деятельного раскаяния

предложил В.В Сверчков. В частности, им было высказано пожелание предусмотреть в УК дополнительные условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: наличие положительных характеристик обвиняемого, ненахождение его на учете у психиатра, нарколога, в инспекции или комиссии по делам несовершеннолетних [10, с. 59]. Как представляется, наличие таких условий отрицательно скажется на практике борьбы с преступностью, исключая стимулирующее воздействие нормы о деятельном раскаянии для значительного круга лиц.

4. Как известно, деятельное раскаяние вне зависимости от конкретной формы выражения всегда имеет место после завершения всех действий, которые виновный считал необходимыми, и наступления предусмотренных законом последствий. Если виновный успевает предотвратить обязательные последствия, то в его действиях есть признаки добровольного отказа [11, с. 75]. Следует сказать, что именно такая строгая временная граница деятельного раскаяния дала жизнь термину «посткриминальное (постпреступное) поведение». По определению Р.А. Сабитова, это «...предусмотренное уголовным законом непреступное, общественно полезное или социально опасное (вредное), сознательное, волевое проявление активности или бездействия лица после совершения им преступления... влекущее уголовно-правовые последствия» [12, с. 22].

Заострим внимание на следующем моменте. На страницах юридической печати и, что более важно, в официальных процессуальных решениях нередко встречается термин «чистосердечное раскаяние». Оценивая это, следует отметить, что чистосердечное раскаяние есть феномен психологический, и в связи с этим вряд ли он может быть соответствующим образом исследован уполномоченными на то участниками процесса. Таким образом, представляя «нравственную основу», например, явки с повинной либо заглаживания вреда, он ни при каких обстоятельствах не может являться предметом уголовно-правовой оценки.

Итак, анализ обозначенных нами проблем позволяет подчеркнуть, что институты освобождения от уголовной ответственности еще не представляют собой тот действенный (сакральный) набор принципов и максим, которые охватывают все возможные правовые ситуации. К сожалению, есть основания полагать, что они превращаются в некую инструкцию (пусть даже весьма подробную), рассчитанную на тот или иной конкретный случай. Видимо, этим и объяснимо введение в декабре 2011 года в УК РФ ст. 76.1, регламентирующей новый вид освобождения от уголовной ответственности, – при совершении преступлений в сфере экономической деятельности.

Список литературы

1. Шатилович С.Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 228 с.

2. Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1994. 34 с.

3. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в условиях современной западной демократии: канадская уголовно-правовая модель // Государство и право. 2004. N 6. С. 31-34.

4. Мелтонян Р.М. К вопросу о справедливом воздаянии за совершенные деяния // Преступность в Западной Сибири: Актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 28 февраля – 1 марта 2013 г. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2013. С. 165-169.

5. Ендольцева А.В. Освобождение от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 396 с.

6. Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности: монография. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2002. 279 с.

7. Горджей В.Я. Деятельное раскаяние: проблемы правоприменения // Российский следователь. 2003. N 4. С. 21-23.

8. Шаламов В.Г., Кушнарев В.А., Магомедов А.Ю. Прекращение уголовных дел в связи с деятельным раскаянием (обзор практики органов предварительного расследования Омска и Омской области) // Законодательство. 1998. N 1. С. 16-19.

9. Александрова Н.С. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 239 с.

10. Сверчков В.В. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Государство и право. 1999. N 12. С. 58-61.

11. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления: монография. М.: Юрид. лит., 1982. 96 с.

12. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия): монография / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 193 с.

References

1. Shatilovich S.N. *Deyatel'noe raskayanie i nakazuemost' prestupleniy. Kand. Diss.* [Active repentance and offense. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2002. 228 p.

2. Uss A.V. *Sotsial'no-integrativnaya rol' ugolovnogo prava. Avtoref. Doct. Diss.* [Socio-integrative role of criminal law. Autoabstract Doct. Diss.]. Tomsk, 1994. 34 p.

3. Vedernikova O.N. *Teoriya i praktika bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh sovremennoy zapadnoy demokratii: kanadskaya ugolovno-pravovaya model'* [Theory and practice of fighting crime in a modern western democracy: Canadian criminal law model]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 2004, no. 6, pp. 31-34.

4. Meltonyan R.M. *K voprosu o spravedlivom vozdayanii za sovershennye deyaniya* [On the question of equitable retribution for their actions]. *Prestupnost' v Zapadnoy Sibiri: Aktual'nye problemy profilaktiki i rassledovaniya* [Crime in Western Siberia: Actual problems of prevention and investigation of crimes]. Tyumen, Tyumen State University, 2013, pp. 165-169.

5. Endol'tseva A.V. *Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimenitel'nye problemy. Doct. Diss.* [Exemption from criminal liability: theoretical, legislative and enforcement problems. Doct. Diss.]. Moscow, 2005. 396 p.

6. Egorov V.S. *Teoreticheskie voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti* [Theoretical questions of exemption from criminal liability]. Moscow, Publishing House of Moscow Psychological and Social Institute, 2002. 279 p.

7. Gordzhey V.Ya. *Deyatel'noe raskayanie: problemy pravoprimeneniya* [Active repentance: problems of enforcement]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2003, no. 4, pp. 21-23.

8. Shalamov V.G., Kushnarev V.A., Magomedov A.Yu. *Prekrashchenie ugolovnykh del v svyazi s deyatel'nym raskayaniem (obzor praktiki organov predvaritel'nogo rassledovaniya Omska i Omskoy oblasti)* [Termination of criminal proceedings in connection with active repentance (review of the practices of the preliminary investigation of Omsk and Omsk region)]. *Zakonodatel'stvo* – Legislation, 1998, no. 1, pp. 16-19.

9. Aleksandrova N.S. *Deyatel'noe raskayanie i ego ugolovno-pravovoe znachenie. Kand. Diss.* [Active repentance and his criminally-legal value. Cand. Diss.]. Ulyanovsk, 2001. 239 p.

10. Sverchkov V.V. *Aktual'nye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s deyatel'nym raskayaniem* [Topical issues of exemption from criminal liability in connection with active repentance]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 1999, no 2, pp. 58-61.

11. Ter-Akopov A.A. *Dobrovol'nyy otkaz ot sovershenіya prestupleniya* [Voluntary renunciation of the offense]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982, 96 p.

12. Sabitov R.A. *Postkriminal'noe povedenie (ponyatie, regulirovanie, posledstviya)* [Behavior of post (the concept, regulation, consequences)]. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 1985. 193 p.

Раздел 5. Пенитенциарная система

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук,
профессор,
ombudsman62@mail.ru
Уполномоченный по правам
человека в Рязанской области,
390000, г. Рязань,
Первомайский пр., 8

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
ombudsman62@mail.ru
Human Rights Ombudsman
in the Ryazan region,
Pervomajskij Ave. 8,
Ryazan, 390000,
Russian Federation

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ АДАПТАЦИИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Реферат. Характеризуются нормативные правовые акты, регламентирующие взаимодействие органов внутренних дел и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Констатируется критическая ситуация в сфере частного предупреждения преступлений и исправления осужденных. В России ежегодно из исправительных учреждений в общество возвращается до 300 тыс. человек, около 70 % из которых в первый же год совершает повторные преступления. До сих пор не создана комплексная профилактическая система работы с лицами, освободившимися из исправительных учреждений. Это превращает уголовно-исполнительную систему в автономную структуру, способную обеспечить только временную изоляцию от общества. Отмечается значительная роль административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. При его реализации необходимо обеспечить своевременный сбор материалов территориальными органами внутренних дел, качественное документирование противоправной деятельности поднадзорных и осуществление контроля за ними, особенно в сельской местности. Предлагается расширить круг субъектов надзора за счет внештатных сотрудников, полномочия которых следует закрепить законодательно, а также расширить и круг поднадзорных лиц – не только по признаку криминального состояния, но и по состоянию здоровья (уклонение от лечения социально значимых заболеваний, психических заболеваний). В условиях отсутствия должного лечения и социальной помощи вся группа риска должна находиться под административным надзором. Требуется детальная правовая регламентация обязанностей уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно-досрочно освобожденными лицами, взаимодействию с органами внутренних дел, полномочия которых по отношению к лицам, отбывшим наказание, не связанное с лишением свободы, нормативно не определены.

Ключевые слова: лица, освободившиеся из мест лишения свободы, взаимодействие, административный надзор, контроль, предупреждение преступлений.

THE EFFICIENCY OF THE POST-PENITENTIARY ADAPTATION AND THE ADMINISTRATIVE SUPERVISION: ANALYSIS OF THE INTERRELATION

Abstract. Normative legal acts regulating the interaction of law enforcement bodies with institutions and bodies of the penal system are characterized. Critical situation in the sphere of private crime prevention and correction of convicts is stated. Annually about 300 thousand convicts are released from correctional institutions in Russia, about 70% of them commit repeated offence within a year. A comprehensive system of preventive work with persons released from prison is still not established. This turns the penal system into the autonomous structure that is able to provide only temporary isolation from society. The significant role of the administrative supervision of persons released from prison is emphasized. Implementing the supervision, it's necessary to ensure the timely collection of materials by the territorial law enforcement bodies, monitoring and documenting the illegal activities of the supervised persons, especially in rural areas. It is proposed to expand the range of subjects of supervision by freelancers whose powers should be fixed by law, as well as to expand the range of supervised entities - not only on the basis of a criminal state, but also for health reasons (avoidance of treatment of socially significant diseases), mental illness. In the absence of proper treatment and social assistance the entire risk group should be under the administrative supervision. The detailed legal regulation of duties of penal inspections exercising control over the parolees and interaction with the police is required, as their powers concerning persons who have served the punishment not related to imprisonment aren't legislatively defined.

Keywords: persons released from prison, interaction, administrative supervision, control, crime prevention.

Законодательная и нормативная база, регламентирующая взаимодействие органов внутренних дел и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в последние годы как никогда получила свое развитие. Прежде всего следует назвать федеральные законы: «О полиции»*, «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»**; Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года***; решение оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 28 января 2011 г.; ведомственные нормативные правовые акты, такие как Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. N 72****; Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденное приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166*****; Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений, утвержденный приказом Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. N 190/912******.

Четкое правовое урегулирование взаимодействия — залог успеха практической деятельности в сфере противодействия преступности. В качестве примера можно привести раскрытие преступлений учреждениями уголовно-исполнительной системы по инициативе органов внутренних дел. В 2013 году на этом основании было раскрыто 43 873 преступления.

Общеизвестно, что одной из основных целей наказания является предупреждение преступлений. В данном аспекте особо значима роль учреждений и органов, исполняющих наказания, в предупреждении рецидива преступлений. От того, каким выйдет человек из мест лишения свободы, зависит не только его судьба, — это сказывается и на благополучии в обществе. К сожалению, показатели преступности со стороны лиц, отбывших наказания, свидетельствуют о наличии здесь проблем. Не случайно эта тема была вынесена в повестку дня оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации 28 января 2011 г.

Данная тема стала превалирующей в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. На решение указанной проблемы направлены такие меры, как:

— дальнейшее развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения их ресоциализации, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения;

— разработка законодательных и иных нормативных правовых актов, предусматривающих возложение на уголовно-исполнительные инспекции полномочий по контролю за условно-досрочно освобожденными лицами;

— предоставление для лиц, заканчивающих отбывание длительных сроков лишения свободы, возможности перевода в колонию-поселение с разрешением кратковременных выездов к месту предполагаемого жительства и др.

Нет необходимости доказывать, что в реализации положений названной выше Концепции важная роль принадлежит не только уголовно-исполнительной системе, но и другим субъектам правоохранительной деятельности, и прежде всего полиции. По этой причине принятие Федерального закона «О полиции» и вслед за ним Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» имеет непреходящее значение. Указанные законы содержат нормы, имеющие по отношению к взаимодействию органов внутренних дел и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как

---

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.

** Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 6 апр. 2011 г. N 64-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апр.

*** Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. N 1772-р // Рос. газ. 2011. 8 марта.

**** Бюллетень Министерства юстиции Рос. Федерации. 2013. N 8.

***** Рос. газ. 2013. 27 марта.

****** Рос. газ. 2012. 26 окт.

опосредованное, так и непосредственное значение.

К числу первых следует отнести нормы, закрепляющие обязанности полиции:

– принимать и регистрировать заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях;

– выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать меры по их устранению;

– выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними исправительную профилактическую работу и др.

В целях обеспечения выполнения этих и других обязанностей закон наделяет сотрудников полиции соответствующими правами (пп. 1, 2, 5, 6, 10 и др. ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»).

Федеральный закон «О полиции» содержит и нормы, которые непосредственно направлены на обеспечение реализации задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему. Прежде всего это обязанность сотрудников полиции:

– оказывать содействие учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержания лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания, либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок; в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка при введении режима особых условий в исправительном учреждении; информировать администрацию исправительного учреждения при определении срока возвращения осужденного в исправительное учреждение (в соответствии со ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса РФ);

– осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них запретов и ограничений; участвовать в осуществлении контроля за поведением осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно, и др.

Указанным и другим обязанностям корреспондируют соответствующие полномочия сотрудников полиции (пп. 11, 13 и др. ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»).

Остановимся на рассмотрении вопросов реализации названных выше нормативных правовых актов, организации взаимодействия органов внутренних дел и учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ежегодно из исправительных учреждений в общество возвращается до 300 тыс. человек. Практически каждый освободившийся нуждается в квалифицированной помощи в решении социальных проблем. Значительно повышают риск рецидива наличие социально значимых заболеваний, психических расстройств, утрата социально полезных связей. Согласно статистике, около 70 % повторных преступлений приходится на первый год после освобождения из мест лишения свободы. Отсутствие в государстве комплексной профилактической работы с освобожденными из мест лишения свободы превращает уголовно-исполнительную систему в автономную структуру, обеспечивающую временную изоляцию от общества.

Необходимость комплексной поддержки лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обусловлена тем, что в течение длительного времени они изолированы от общества. При этом нарушается процесс их социализации, прерываются или утрачиваются имеющиеся социально полезные связи и отношения.

Одним из факторов, отрицательно влияющих на постпенитенциарную адаптацию, является отсутствие в большинстве случаев переходного периода: лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы, сразу попадает в условия полной свободы, без какого-либо значительного контроля. Безусловно, актуальность этого вопроса возрастает по мере увеличения отбытого срока лишения свободы.

В настоящее время сложилась ситуация, когда освобожденный должен осуществлять свое трудовое и бытовое устройство практически без поддержки государственных органов и органов местного самоуправления. Согласно официальным данным, только 3 % освобождаемых трудоустраиваются с помощью органов социальной защиты населения.

Полагаем, что нет необходимости говорить об издержках решения, а вернее, нерешения данных вопросов относительно возможности совершения повторного преступления. Безусловно, применительно к правоохранительной системе здесь свое в определенной мере компенсационное место должно занять эффективное применение норм Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». При его реализации необходимо учесть недостатки, имевшие место при реализации предыдущего аналогичного закона. Для этого следует обеспечить своевременный сбор материалов для установления такого надзора территориальными органами внутренних дел, качественное документирование противоправной деятельности поднадзорных и осуществление контроля за ними, особенно в сельской местности. В связи с этим требуется расширить круг участников этого процесса за счет соответствующих должностных лиц, внештатных сотрудников. Полномочия данных лиц следует закрепить законодательно. Нет необходимости говорить о том, насколько важно в данном случае взаимодействие органов внутренних дел и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В плане повышения профилактической роли ст. 314.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение указанного закона, следует сделать ее преюдиционной. Расширить круг лиц, за которыми может быть установлен административный надзор, не только по признаку криминального состояния, но и по состоянию здоровья (уклонение от лечения социально значимых заболеваний), психики. (Для справки: в местах лишения свободы количество больных активными формами туберкулеза составляет 73 тыс., ВИЧ-инфицированных – 55 тыс.; в ИУ находятся более 100 тыс. осужденных, имеющих психические аномалии, около 100 тыс. больных наркоманией, 20 тыс. больных алкоголизмом).

В условиях отсутствия должного лечения, социальной помощи по выходу из исправительного учреждения, соответствующего административного контроля представители перечисленных групп «риска» первыми совершают повторные преступления.

В связи с расширением видов наказаний, не связанных с лишением свободы, предполагающих возложение обязанностей по контролю за условно-досрочно освобожденными на уголовно-исполнительные инспекции и одновременно возложение близких по содержанию обязанностей на органы внутренних дел, требуется тщательная работа по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере их взаимодействия.

Данный вопрос актуализируется тем, что законодатель не определил формы такого контроля со стороны полиции.

Вопрос о контроле и сопряженном с ним надзоре – отдельная тема, тема теоретического и законодательного плана. Дело в том, что в теории единого подхода к их пониманию нет [1, с. 8], нет их определения ни в законах, ни в иных нормативных правовых актах.

Важность четкого определения содержания указанных дефиниций имеет исключительно практическое значение. От этого зависит наделение правоохранительных органов конкретными компетенциями и правомочиями. Это позволит также придать должную «чистоту» законодательным и иным нормативным правовым актам. Речь, в частности, идет о Федеральном законе «О полиции», где данные понятия практически объединены путем заключения в скобки термина «надзор» после термина «контроль» (п. 2 ч. 1 ст. 13).

Данная тема затрагивает и такие часто используемые дефиниции, как «предупреждение» и «профилактика», другие смежные понятия. Несмотря на то, что они в настоящее время нашли свое законодательное закрепление (федеральные законы «О противодействии коррупции», «О противодействии терроризму», «О полиции»), тем не менее в нормативных актах можно встретить слова «профилактика имеет своей целью предупреждение», хотя профилактика является составной частью предупреждения.

Список литературы

1. Андреева Ю.А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» // Административное право и процесс. 2009. N 2. С. 6-8.

References

1. Andreeva Yu.A. *K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «kontrol'» i «nadzor»* [On the relationship between the concepts of «control» and «supervision»]. *Administrativnoe pravo i protsess* – Administrative Law and Procedure, 2009, no. 2, pp. 6-8.

ЕПИФАНОВ С.С.,
кандидат юридических наук, доцент,
ess-rzn@mail.ru
Кафедра организации
оперативно-розыскной деятельности;
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
390036, Рязань, Сенная, 1

EPIFANOV S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
ess-rzn@mail.ru
Chair of Crime Detection
Activities Organization;
Academy of Law and Management
of the Federal Penal Service
of the Russian Federation,
Sennaya St. 1, Ryazan, 390036,
Russian Federation

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ТРЕБОВАНИЯ К СИСТЕМЕ

Реферат. Дается количественная и качественная характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Отмечается их насильственный характер, тенденция к росту, высокая латентность. Констатируется постоянная работа по техническому оснащению обеспечения правопорядка и законности, безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы (интегрированные системы безопасности, системы контроля поведения и местонахождения осужденных, цифровые системы связи). Подчеркивается необходимость оборудования периметра запретных зон современными инженерно-техническими средствами, надежная работа которых эффективно предупреждает противоправные действия. Применение технических средств – это не столько технические комплексы оборудования, сколько совместная и целенаправленная деятельность оперативных и иных подразделений: техническая подсистема контроля линии охраны учреждения (границы поста), подходов к ней с внешней и внутренней стороны, подсистема надзора (видеонаблюдение, управление доступом и др.) за осужденными на внутренней территории и в режимных помещениях. Аргументируется необходимость получения персоналом сведений о возможностях осужденных преодолевать инженерные и технические средства охраны и надзора (заключенные с большим криминальным опытом, знаниями технологий безопасности и навыками применения технических средств). Резюмируется, что использование технических средств в противодействии пенитенциарной преступности – это интегрированная организационно-техническая и функциональная система, субъектами которой являются сотрудники подразделений охраны, безопасности, оперативных, оперативно-технических и инженерно-технических служб исправительного учреждения. Такая система включает в себя: инженерно-техническое обеспечение, специальное оперативно-техническое обеспечение, субъектов системы (персонал), интегрированную технологию получения, фиксации и анализа информации на основе ситуационного центра, организационно-тактическое, правовое и инструктивно-методическое обеспечение.

Ключевые слова: противодействие пенитенциарной преступности, уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, технические средства.

TECHNICAL MEANS TO COUNTER PRISON CRIME: REQUIREMENTS FOR THE SYSTEM

Abstract. The quantitative and qualitative characteristic of crimes committed in prisons is given. Their violent nature, tendency to increase, high latency are emphasized. Continuous work on technical equipment to ensure law and order and security in the penal system's institutions (integrated security systems, the behavior and the location of convicts' control systems, digital communication systems) is stated. The need to equip the perimeter of the exclusion zones with modern engineering and technical means, whose reliable operation effectively prevents the illegal actions, is emphasized. The use of technical means involves not only the use of technical equipment, but also joint and purposeful activities of the security and other units: technical subsystem of the control of the institution boundaries' protection (including approaches with the outer and inner sides), subsystem of the surveillance (CCTV, access control, etc.) of convicts on site and in regime premises. The necessity of obtaining the information about the convicts' abilities to overcome engineering and technical means of protection and surveillance by the staff is argued. It applies to the prisoners having great criminal experience, knowledge of security technologies, skills in using technical means. It is summarized that using technical means to counter prison crime is an integrated organizational technical and functional system. Its subjects are the employees of protection and security units, technical and engineering services of the correctional institution. This system includes:

engineering and technical support; security support; staff; integrated technology of obtaining, recording and analysis of information; organizational, tactical, legal and methodological support.

Keywords: counteracting the prison crime, penal system, correctional institutions, technical means.

Проблема необходимости совершенствования правоохранительной деятельности, противодействия преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) на основе использования научно-технических достижений возникла не случайно. Согласно статистическим данным, в учреждениях, исполняющих наказания (исправительных учреждениях и следственных изоляторах), в год регистрируется в среднем около одной тысячи преступлений. Так, в течение последних лет (2000-2013 гг.) в учреждениях УИС было зарегистрировано: в 2000 г. – 1 254 преступления, в 2001 г. – 1 161, в 2002 г. – 724, в 2003 г. – 724, в 2004 г. – 834, в 2005 г. – 1 019, в 2006 г. – 1 361, в 2007 г. – 1 255, в 2008 г. – 1 043, в 2009 г. – 977, в 2010 г. – 1 023, в 2011 г. – 888, в 2012 г. – 959, в 2013 г. – 971 преступление*.

О наличии проблем в состоянии правопорядка и законности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах можно судить на основании того, что в местах лишения свободы ежегодно совершаются такие преступления, как убийство и покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшее смерть потерпевшего, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, приобретение и сбыт наркотических средств, кражи, побеги из мест лишения свободы, иные преступления. Только в 2013 году в учреждениях УИС из 971 зарегистрированного преступления 865 деяний совершено в исправительных колониях, 7 – в воспитательных колониях, 1 – в тюрьме, 98 – в следственных изоляторах. Из общего числа преступлений, совершенных в учреждениях УИС, 15 – умышленные убийства, 4 – покушения на убийство, 32 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Высоко количество побегов из мест лишения свободы – 143, в том числе из-под охраны – 13, случаев дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – 195, приобретения, сбыта наркотических средств – 268 преступлений**.

Кроме того, при характеристике состояния пенитенциарной преступности криминологами отмечается ее латентность [1, с. 62].

Ученые и практики постоянно предлагают пути оптимизации предупредительной деятельности в учреждениях УИС. Однако, несмотря на принимаемые на протяжении последних лет меры для «оздоровления» оперативной обстановки в учреждениях, исполняющих наказания, кроме других мероприятий, требуются дальнейшее исследование, учет и анализ тенденций научно-технического прогресса, возможностей и перспектив применения его достижений для укрепления правопорядка и безопасности.

В современных условиях мощнейшего воздействия достижений научно-технического прогресса на все сферы общественной жизни, в том числе на правоохранительную деятельность, эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы в целях решения возложенных на нее задач может быть достигнута путем рационального использования научно-технического потенциала. В связи с этим в рамках общей проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний в качестве самостоятельной выступает проблема совершенствования правового регулирования и организации применения системы технического обеспечения правопорядка и безопасности, предупреждения преступлений и иных правонарушений в учреждениях УИС [2, с. 8].

В настоящее время Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) уделяет повышенное внимание совер-

* Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе: информ.-аналит. сб. Тверь, 2010. С. 12. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (отчетный период: 2013 г.). Форма 2-УИС. Свод. Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2014. С. 2.

** Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (отчетный период: 2013 г.). Форма 2-УИС. Свод. Тверь: НИИИТ ФСИН России, 2014. С. 2.

шенствованию технической оснащенности деятельности по обеспечению режима и безопасности в учреждениях УИС, внедрению современных технологий, новейшей техники. Продолжается процесс технического перевооружения учреждений УИС.

Совокупность технических средств учреждений, исполняющих наказания, обширна, в понятийно-научном аспекте относится к категории «специальная техника». По своему функциональному назначению специальная техника УИС подразделяется на две основные группы: инженерно-технические средства, используемые для обеспечения охраны и надзора, и специальные технические средства оперативно-розыскного назначения. В свою очередь, инженерно-технические средства охраны и надзора (ИТСОН), применяемые в учреждениях УИС, подразделяются на следующие виды:

— инженерные (ограждения объектов охраны, инженерные заграждения, различные сооружения и конструкции на постах, в режимных зданиях и помещениях, на контрольно-пропускных пунктах, на внутренней территории учреждений УИС);

— технические (средства и системы сбора и обработки информации, охранные извещатели и системы охранно-тревожной сигнализации, видеокамеры и системы охранного телевидения, системы контроля и управления доступом, технические средства и системы оперативной связи и оповещения, приборы контроля и досмотра).

Функционирование указанных инженерно-технических средств основано на их комплексном использовании. Под комплексом ИТСОН понимают, как правило, совокупность инженерных и технических средств охраны и надзора, входящих в состав системы безопасности учреждения УИС и предназначенных для обеспечения установленных требований охраны, изоляции подозреваемых, обвиняемых, осужденных и надзора за ними. Комплекс инженерно-технических средств охраны и надзора входит в состав интегрированных систем безопасности (ИСБ). Интегрированная система безопасности учреждений УИС представляет собой функционально автономную систему, созданную в целях: обеспечения мониторинга параметров безопасности сооружений, а также контроля качества несения службы сотрудниками подразделений охраны, режима и надзора учреждений УИС; регистрации и предотвращения фактов нарушений установленного порядка отбывания наказания, обеспечения личной безопасности осужденных и персонала внутри учреждения; повышения качества надзора за лицами, находящимися в местах лишения свободы.

В качестве технических средств в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности могут использоваться такие, которые специально созданы (приспособлены, запрограммированы) для негласного получения оперативно-розыскной информации (акустической, визуальной и др.). Кроме того, при проведении оперативно-розыскных мероприятий применяются и бытовые (общедоступные, широкого использования, универсальные) технические средства для осуществления, например, наблюдения, фото- и видеосъемки, звукозаписи и других способов получения и документирования информации.

В соответствии с решениями ФСИН России учреждения, исполняющие наказания, оснащаются новыми интегрированными системами безопасности, апробируются системы контроля поведения осужденных, отбывающих наказания в виде ограничения свободы и в колониях-поселениях, применяется специальное электронное оборудование, позволяющее контролировать местонахождение осужденных, используются возможности глобальной навигационной спутниковой системы, внедряются цифровые системы связи.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 1772-р)* предполагает создание в учреждениях, исполняющих наказания, системы противодействия преступному поведению осужденных на основе применения современных технических средств, новых технологий и подходов к организации безопасности объектов уголовно-исполнительной системы. По существу, впервые в Концепции развития УИС обозначен переход на прогрессивные технологии деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений, учитывающих до-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 43. Ст. 5544.

стижения научно-технического прогресса в деятельности по обеспечению режима и безопасности.

В 2013 году распоряжением Правительства РФ N 517-р была утверждена государственная программа Российской Федерации «Юстиция», предусматривающая подпрограмму «Регулирование государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний»*. Последняя предусматривает основные направления, формы и методы совершенствования и развития УИС на период до 2020 года. Указанная подпрограмма включает в себя комплекс мероприятий, направленных на выполнение уголовно-исполнительной системой правоприменительных функций, функций по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, а также по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, осуществление контроля за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка исполнения наказаний. С решением указанной задачи, в свою очередь, связана и федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007-2016 годы)».

Следует отметить, что в настоящее время свыше 50 % объектов уголовно-исполнительной системы оснащено системами безопасности, созданными на базе компьютерных технологий, обеспеченность учреждений, исполняющих наказания, техническими средствами охраны и надзора составляет 78,9 % от потребности. Согласно результатам наших исследований, обеспеченность указанными средствами двадцать лет назад (1994 г.) была 64 %, десять лет назад (2004 г.) — 72 %. Таким образом, прослеживается положительная динамика, несмотря на трудности с финансированием.

В соответствии с вышеуказанной концепцией и программами, направленными на развитие УИС, создание системы противодействия преступному поведению осужденных на основе применения современных инженерно-технических средств, новых технологий и подходов к организации безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, оснащение всех следственных изоляторов и исправительных учреждений современными интегрированными системами безопасности запланировано на IV квартал 2016 г.

По нашему мнению, основной целью функционирования в исправительных учреждениях системы противодействия преступности на основе технических средств является обеспечение изоляции осужденных, их надежной охраны, надзора за ними, своевременного выявления и получения предупредительной информации о противоправных намерениях осужденных, реагирования на изменение оперативной обстановки, предупреждения противоправных действий, пресечения каналов поступления к осужденным запрещенных предметов, исключения физической возможности совершения ими преступлений во время отбывания наказаний.

Положительной новацией, обеспечивающей финансирование процесса создания и функционирования организационно-технической системы противодействия преступности в учреждениях УИС, можно считать выделение Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. N 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов»** необходимых денежных ресурсов Федеральной службе исполнения наказаний на закупку и ремонт вооружений, военной и специальной техники, продукции производственно-технического назначения и имущества в рамках государственного оборонного заказа в рамках подпрограммы «Регулирование государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний» государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (в 2014 г. — 2 913 665,1; в 2015 г. — 3 455 041,8; в 2016 г. — 3 748 984,3 тыс. рублей).

Следует отметить, что правовая база внедрения в деятельность исправительных

---

* Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 апр. 2013 г. N 517-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

** Приложения 6, 9. См.: О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов: федер. закон от 2 дек. 2013 г. N 349-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 49 (ч. I-III). Ст. 6350.

учреждений указанной системы на основе использования технических средств фактически имеется. Она включает в себя нормы Конституции РФ, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного законодательства, информационного права. В частности, на основании ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) администрация исправительных учреждений (ИУ) вправе применять технические средства для предупреждения побегов осужденных и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных. Наличие полной и достоверной информации, полученной с помощью технических средств, способствует предупреждению правонарушений, нейтрализации каких-либо эксцессов на ранней стадии. Примером может служить активное внедрение за последние годы в предупредительную деятельность учреждений УИС систем видеонаблюдения с возможностью фиксации фото- и видеоинформации, распечатки стоп-кадра, иллюстрирующего факт совершения правонарушения осужденным, приобщения этой информации к материалам проверки [3, с. 54].

В соответствии со ст. 83 УИК РФ технические средства надзора и контроля используются в гласной форме, об их применении под расписку уведомляются осужденные. Наряду с этим применение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, оперативными подразделениями ИУ также направлено на решение одной из основных задач оперативно-розыскной деятельности — предупреждение преступлений, нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказаний (ст. 84 УИК РФ). Оперативные подразделения учреждений и органов УИС согласно ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1994 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* вправе использовать в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий информационные системы, видео- и аудиозапись, фотосъемку, а также другие технические и иные средства, к числу которых можно отнести, например, аппаратуру связи, поиска, наблюдения, специальные химические вещества, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. Отметим неограниченность рассматриваемой нормы данного федерального закона в отношении видов иных средств, к которым можно отнести любые средства, удовлетворяющие условию безопасности как осужденных и персонала, так и окружающей среды.

Ведомственными актами Минюста и ФСИН России регламентировано проведение мероприятий, направленных на профилактику преступлений и иных правонарушений в учреждениях УИС. Профилактика осуществляется с привлечением имеющихся сил и средств, включая персонал учреждений УИС, инженерно-технические средства охраны и надзора, специальные технические средства. Вместе с тем недостатки в проведении профилактических мероприятий, в том числе и в оборудовании исправительных учреждений инженерно-техническими средствами охраны и надзора, системами видеонаблюдения, их неэффективное применение стали причинами побегов из мест лишения свободы уже в текущем году.

Необходимость получения упреждающей информации о противоправных намерениях осужденных, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в учреждениях УИС, обусловливает организацию не формальной, а действенной системы технического обеспечения противодействия пенитенциарной преступности. Основной задачей этой системы является обеспечение успешной деятельности учреждений УИС путем проведения мероприятий превентивного характера, основанных на организации, тактике и методике использования персоналом инженерно- и оперативно-технических средств в целях предотвращения и пресечения преступлений и иных правонарушений, соблюдения требований установленного порядка отбывания наказания. В предупредительной деятельности приобретает значение пропаганда результативности применения технических средств. В некоторых случаях знание фактов эффективного использования специальной техники в целях предотвращения, пресечения и раскрытия противоправных деяний удерживает психологически неустойчивых лиц от их совершения.

Субъектами системы противодействия противоправному поведению осуж-

* Рос. газ. 1995. 18 авг.

денных на основе использования технических средств являются структурные подразделения учреждений УИС, обеспечивающие охрану, режим и надзор, а также оперативные подразделения. Все структурные подразделения выполняют определенные задачи в строгом соответствии с действующим законодательством. Подразделения охраны используют инженерно-технические средства для предупреждения и пресечения побегов, перекрытия каналов поступления к осужденным предметов, запрещенных к хранению и использованию, внедрения прогрессивных технологий, концептуально новых подходов к организации технического обеспечения охраны объектов УИС, максимально снижающих возможность совершения побега. Подразделения надзора, в том числе дежурная служба, применяют технические средства преимущественно для надзора за осужденными, организации оперативного управления, предупреждения появления у осужденных запрещенных предметов, которые могут способствовать совершению преступлений или нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Применение инженерно-технических средств охраны и надзора, создание на их основе интегрированных систем безопасности способствует повышению надежности охраны объектов УИС, предупреждению и пресечению совершения побегов, перекрытию каналов проникновения к осужденным денег, наркотических веществ, колюще-режущих изделий и других запрещенных предметов. Оборудование периметра запретных зон современными инженерно-техническими средствами, их надежная работа по созданию преград нарушителю, своевременной подаче сигналов обнаружения оказывают важное предупредительное воздействие на осужденных, поскольку у последних формируется представление о том, что их противоправные действия находятся под контролем администрации, а попытки совершить преступление или подготовку к нему (например, побег путем преодоления запретной зоны) будут обнаружены с помощью техники.

Проводя оперативно-розыскные мероприятия, используя различные средства и методы ОРД, в том числе специальные технические средства для негласного получения информации, сотрудники оперативных подразделений проверяют, уточняют сведения о намерениях осужденных, принимают соответствующие меры по предупреждению преступлений, а в необходимых случаях документально фиксируют преступные действия. Использование специальных технических средств позволяет добывать оперативную информацию, на основе которой возможно упреждать противоправные действия, пресекать их на стадии подготовки, не допуская перерастания в оконченное преступление.

По нашему мнению, комплексное применение технических средств в предупреждении преступлений и иных правонарушений в учреждениях УИС должно предполагать не только собственно технические комплексы оборудования, но и в организационном аспекте совместную (в рамках одного учреждения) целенаправленную деятельность соответствующих структурных подразделений по использованию собственного технического (инженерно- и оперативно-технического) потенциала для предупреждения и пресечения правонарушений. В связи с этим в широком смысле интегрированная система предупреждения правонарушений включает в себя техническую подсистему для контроля линии охраны учреждения УИС (границ поста), подходов к ней с внешней и внутренней стороны, а также подсистему надзора (видеонаблюдение, управление доступом и др.) за осужденными на внутренней территории и режимных помещениях. Особая роль в системе комплексного применения технических средств в предупреждении преступлений отводится специальному техническому обеспечению оперативно-розыскной деятельности.

Следует заметить, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не уделено внимание развитию оперативно-розыскной деятельности в УИС, сделан упор на общие вопросы совершенствования системы безопасности исправительных учреждений, особенно модернизации технического обеспечения предупреждения противоправных деяний осужденных.

Вместе с тем о необходимости функционирования в структуре УИС оперативных подразделений говорится в государственной программе Российской Федерации «Юстиция» (2013-2020 гг.). В частнос-

ти, в данной государственной программе указано, что предотвращение преступлений в учреждениях, исполняющих наказания, розыск лиц, совершивших побеги из мест заключения, нейтрализация влияния лидеров уголовно-преступной среды на обстановку в учреждениях, выявление случаев запрещенных связей сотрудников с осужденными (лицами, содержащимися под стражей) требуют осуществления оперативно-розыскных мероприятий, в том числе оперативно-технических. Очевидно, что техническая система противодействия преступности в учреждениях УИС должна подразумевать такие возможности.

Следует иметь в виду, что в исправительных учреждениях всегда находится часть осужденных, нарушающих установленный порядок отбывания наказания, противодействующих процессу исправления [4, с. 17]. Пенитенциарная практика показывает, что осужденные могут находить способы совершать правонарушения как бы в обход функционирующих технических средств, то есть создают условия (за счет различных ухищрений), при которых их противоправные действия не фиксируются с помощью техники, в связи с чем остаются незамеченными персоналом. Это объясняется тем, что среди осужденных есть лица с большим криминальным опытом, полученным в местах лишения свободы. Они знают технические возможности действующих средств специальной техники, существующие и вероятные места их размещения.

Определенная часть осужденных, входивших до осуждения и отбывания наказания в состав организованных преступных групп, осведомлена о технологиях безопасности, владеет тактическими и методическими навыками применения технических средств (радиомикрофоны и иные прослушивающие устройства, зарубежные средства охранной сигнализации и связи, аппаратура для видеосъемки и звукозаписи и т.д.). Такие знания и умения обусловливают деятельность осужденных по конспирации своих преступных намерений в отношении применяемых к ним средств специальной техники. Более того, некоторые осужденные являются специалистами в различных областях радиоэлектроники, в связи с чем не исключена возможность оказания добровольной или принудительной помощи (консультации) другой части осужденных с целью противодействия существующим техническим средствам и системам охраны, надзора и контроля. В связи с этим важное значение в предупреждении преступности имеют меры, направленные на добывание персоналом сведений о возможностях осужденных преодолевать инженерные и технические средства охраны и надзора, анализ этой информации [5, с. 110]. Знание таких сведений должно быть направлено на разработку конкретных мер по оптимизации функционирования системы противодействия преступности в учреждениях УИС.

Говоря об эффективности применения специальной техники в учреждениях УИС, необходимо учитывать получение оптимальных (наилучших) результатов наиболее рациональным путем, а также затраты на это (материальные, временные и т.д.). Например, выполнение задачи предупреждения побегов из-под охраны за счет комплексного применения технических средств позволяет сократить количество сотрудников. Здесь, на первый взгляд, прослеживается экономический эффект. Но с оговоркой, что техника реально, а не формально заменяет человека при выполнении данной задачи, что она действительно позволяет предупреждать преступления, а не создает своей эксплуатацией дополнительную нагрузку на сотрудников, численность которых сокращена. Следовательно, эффективность применения специальной техники в учреждениях УИС во многом определяется с учетом того вклада, который она вносит в достижение цели предупреждения, пресечения и раскрытия криминальных деяний, нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказания.

Повышение эффективности предотвращения преступлений и правонарушений от внедрения комплексной системы технических средств в учреждениях УИС обусловлено тем, что отдельные инженерно-технические средства за счет своего конструктивного исполнения обеспечивают разграничение территории, изоляцию осужденных, создают преграду для совершения противоправных действий, помогают персоналу учреждений УИС качественно осуществлять функцию охраны и надзора, минимизируя количество сотрудников, задействованных в реализации данных функций. При этом ин-

формационно-предупредительное значение специальной техники состоит в том, что с ее помощью при определенных условиях можно получить сведения о противоправных замыслах, приготовлениях к преступным (противоправным) деяниям, а затем, имея такую информацию, принять меры по их предотвращению (пресечению).

С другой стороны, осведомленность лиц об использовании (возможности применения) в их отношении специальной техники выступает фактором, удерживающим их от совершения правонарушения. Например, наличие видеокамер по периметру запретных зон, на режимных объектах (штрафной изолятор, помещения камерного типа и др.), внутри территории исправительного учреждения, на каждом локально-профилактическом участке, производстве позволяет контролировать поведение осужденных, предупреждать негативные процессы, возникающие в их среде. Практика показывает, что надзор с использованием технических средств дисциплинирует осужденных. Постоянный контроль с помощью технических средств за поведением осужденных, информированность осужденных об этом могут рассматриваться в качестве предупредительного фактора, снижающего вероятность совершения ими правонарушения в период отбывания наказания.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Систему противодействия преступности на основе применения технических средств в учреждениях, исполняющих наказания, следует рассматривать не только в узком смысле, как некое исключительно техническое устройство, но и в более широком значении – как единство функционирующих элементов, как интегрированную организационно-техническую и функциональную систему, субъектами которой в рамках своих полномочий являются сотрудники подразделений охраны, безопасности, оперативных, оперативно-технических и инженерно-технических служб.

2. Система противодействия преступности на основе применения технических средств в учреждениях, исполняющих наказания, включает в себя: инженерно-техническое обеспечение, специальное оперативно-техническое обеспечение, субъектов системы (персонал), интегрированную технологию получения, фиксации и анализа информации на основе ситуационного центра, организационно-тактическое, правовое и инструктивно-методическое обеспечение.

Список литературы

1. Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 567 с.

2. Епифанов С.С. Правовое регулирование и организация применения специальной техники в уголовно-исполнительной системе в целях предупреждения правонарушений: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2010.

3. Головачев В. Инновации в масштабах одной колонии // Преступление и наказание. 2014. N 1. С. 54-55.

4. Игнатенко В.И. Предупреждение антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений среди осужденных в ВТК: учеб. пособие. Рязань, 1992.

5. Барабанов Н.П., Попов В.В. Предупреждение побегов осужденных из исправительных колоний: криминологические и организационные меры: монография. Рязань, 2010. 172 с.

References

1. *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Prison criminology]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2009. 567 p.

2. Epifanov S.S. *Pravovoe regulirovanie i organizatsiya primeneniya spetsial'noy tekhniki v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme v tselyakh preduprezhdeniya pravonarusheniy* [Legal regulation and organization of the use of special equipment in the penal system to prevent offenses]. Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2010.

3. Golovachyov B. *Innovations in the scale of a single colony* [Innovations in the scale of a single colony]. *Prestuplenie i nakazanie* – Crime and Punishment, 2014, no. 1, pp. 54-55.

4. Ignatenko V.I. *Preduprezhdenie antiobshchestvennogo obraza zhizni i retsidiva prestupleniy sredi osuzhdennykh v VTK* [Warning antisocial lifestyle and recidivism among prisoners in VTK]. Ryazan, 1992.

5. Barabanov N.P., Popov V.V. *Preduprezhdenie pobegov osuzhdennykh iz ispravitel'nykh koloniy: kriminologicheskie i organizatsionnye mery* [Warning shoots convicted of penal colonies: criminological and organizational measures]. Ryazan, 2010. 172 p.

БАДАМШИН И.Д.,
кандидат юридических наук,
Badam02@mail.ru
Кафедра уголовного права;
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
450103, г. Уфа, Муксинова, 2

BADAMSHIN I.D.,
Candidate of Legal Sciences,
Badam02@mail.ru
Chair of Criminal Law;
Ufa Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Muksinova St. 2, Ufa, 450103,
Russian Federation

ШАХМАЕВ М.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
shah-72@mail.ru
Кафедра огневой, тактико-специальной
подготовки и оперативного
планирования;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

SHAKHMAEV M.M.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
shah-72@mail.ru
Chair of Fire, Tactical and Special
Training and Operational Planning;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Реферат. Дается научно-теоретическая характеристика исправления преступника как цели его наказания. Исправление осужденных как конечный результат пенитенциарного воздействия неизбежно вызывает проблему единых и четких критериев исправления. Эти критерии рассматриваются как совокупность показателей, каждый из которых касается самостоятельной сферы личности и деятельности осужденного, в которых проявляется исправительный процесс. Исходной посылкой выступает то, что при назначении наказания суд должен не только руководствоваться общественной опасностью преступления, но и учитывать личность виновного и с учетом ее особенностей назначить такое наказание, которое с наибольшей эффективностью обеспечит достижение цели исправления. При условно-досрочном освобождении от уголовного наказания факт исправления констатируется судом, решение которого без законодательно установленных критериев субъективно. Приводится авторское толкование следующих критериев исправления осужденного: поведение в период отбывания наказания; отношение к общественно полезному труду; отношение к обучению; участие в воспитательных мероприятиях. Обосновываются структурно-уровневые обобщающие показатели, позволяющие дифференцировать стадии исправления. Аргументируется необходимость вернуть в законодательство ранее существовавший критерий отношения осужденного к совершенному им противоправному деянию (раскаяние, самоосуждение, готовность и желание быть наказанным). Значение имеет лишь оценка совокупности всех критериев. Действующая законодательная формулировка «если судом будет признано» не может подтвердить исправления осужденных и нуждается в уточнении. Необходимы объективные, фактические доказательства становления личности на путь исправления (уменьшения ее общественной опасности), которые будут положены в основу судебного решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Ключевые слова: цель наказания, исправление, критерии, показатели, степень исправления, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

DEFINING THE CRITERIA OF THE CORRECTION OF CONVICTS RELEASED ON PAROLE

Abstract. Scientific and theoretical characteristic of the criminal's correction as the purpose of his punishment is given. Correction of convicts as the final result of the penitentiary impact inevitably formulates the problem of uniform and clear criteria of correction. These criteria are considered as a set of indicators, each of which concerns an independent sphere of personality and activities of the

convict, in which the correctional process is manifested. The basic premise is that the court must take into consideration not only the crime's social danger, but also the offender's personality traits, so the sentence imposed would ensure the most effective correction of the criminal. Taking the decision about release from criminal punishment on parole the court must state the fact of correction based on the statutory criteria, otherwise the decision is subjective. The author's interpretation of the following criteria of the convict's correction is provided: behavior while serving the sentence, attitude to socially useful work and learning, participation in educational activities. Structural-level generalized indicators allowing to differentiate the stages of correction are substantiated. The need to return to the legislation the pre-existing criterion concerning the convict's relation to the committed unlawful act (remorse, self-deprecation, readiness and willingness to be punished) is discussed. Only the estimation of all criteria's aggregate has a value. The current legislative wording "if the court finds" can't confirm the correction of convicts and needs clarification. The court decision on release on parole should be based on objective, actual evidence of individual's being on path to correction.

Keywords: purpose of punishment, correction, criteria, indicators, degree of correction, release from punishment on parole.

В уголовном законе сформулированы три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Эти цели являются тем правовым ориентиром, который по определению должен обладать качеством прогнозирования конечного результата общественно полезной деятельности государства в области борьбы с преступностью.

Реализации цели исправления уголовный закон придает особое значение. В теории права оно толкуется как положительное поведение осужденного, достигаемое применением наказания.

Имеются различные позиции ученых по поводу содержательной стороны понятия «исправление осужденных». Так, с точки зрения Н.А. Беляева, исправление – это та оптимальная задача, которая должна быть решена при исполнении наказания. Об исправлении преступника можно говорить лишь тогда, когда под влиянием наказания в его сознании происходят изменения, при наличии которых преступник хотя и не превращается в активного, сознательного члена нашего общества, но уже становится безопасным для него [1, с. 46]. Б.Б. Казак подходит к данному понятию несколько шире. По его мнению, исправление осужденных – это комплексная общегосударственная задача, в решении которой должны принимать участие все государственные органы и общественные организации, имеющие отношение к ее реализации [2, с. 254].

А.И. Зубков говорит об исправлении, которое он видит в формировании личности осужденных в соответствии с «положительными, общественно полезными правилами и традициями человеческого общежития и стимулировании их правопослушного поведения посредством воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия, осуществляемых в условиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом)» [3, с. 25].

Рассмотренные выше определения наглядно свидетельствуют о сложной психолого-педагогической и социально-правовой природе понятия «исправление осужденных», содержательная сторона которого в правовой области раскрывается по-разному. Во-первых, под исправлением осужденного понимается процесс устранения у осужденного антиобщественной направленности. Во-вторых, исправление осужденного – это конечный результат деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, по изменению социальной направленности осужденных. И, в-третьих, исправление осужденных рассматривается как задача, стоящая перед учреждениями, исполняющими уголовное наказание. Надо отметить, что именно в таком контексте рассматривает данное понятие И.В. Шмаров, указывающий, что «исправление можно понимать не только как цель, но и как процесс, а также результат применения наказания и исправительного воздействия на осужденных» [4, с. 37-38].

В связи с этим одним из актуальных, на наш взгляд, остается вопрос законодательной регламентации критериев исправления осужденных, методов и средств его достижения в соответствии с данными критериями, что в конечном

итоге позволит устранить существующие противоречия, которые, несомненно, усложняют правоприменительную и судебную практику.

Некоторые авторы считают, что такими критериями могут служить только поведение осужденного и его отношение к исполнению обязанностей во время отбывания наказания. Поведение осужденного должно быть примерным по оценке органа, исполняющего наказание (отсутствие дисциплинарных взысканий, наличие поощрений), а отношение к исполнению обязанностей — добросовестным. Примерное поведение и добросовестное отношение к исполнению обязанностей могут свидетельствовать о высокой степени исправления осужденного, если они продолжались достаточно длительное время [5, с. 166].

Другие полагают, что вывод суда о том, что процесс исправления может проходить и за пределами мест лишения свободы, должен быть основан на всестороннем учете данных о поведении осужденного за весь период нахождения в исправительном учреждении (далее — ИУ). Следует принимать во внимание сведения о соблюдении режима, его отношение к труду, его взаимоотношения с другими членами коллектива, участие в общественной жизни. При наличии взысканий за нарушение режима необходимо проанализировать характер нарушения и обоснованность применения мер воздействия [6, с. 447].

Ранее действовавшее законодательство связывало с достижением исправления ряд определенных правовых последствий. Так, в теории уголовного и уголовно-исполнительного права выделялось понятие «степень исправления осужденного», обозначающее определенную стадию процесса как качественного изменения сознания осужденных.

И.В. Шмаров выделяет следующие степени исправления осужденных:

— встал на путь исправления — осужденный положительно относится к режимным требованиям, труду и иным основным средствам исправительно-трудового воздействия, доказывает стремление порвать с преступным прошлым;

— твердо встал на путь исправления — осужденный в течение значительного времени не нарушает режимных требований, добросовестно относится к труду и учебе, однако положительные изменения еще не сложились в устойчивые навыки и привычки поведения;

— доказал свое исправление — в процессе отбывания наказания осужденный приобрел достаточно устойчивые навыки и привычки общественно полезного поведения [7, с. 41].

Иными словами, и в теории, и на практике было выработано достаточное количество критериев, которыми следовало руководствоваться суду при определении степени исправления осужденного. Законодатель, пытаясь уйти от использования оценочных понятий, применявшихся в Уголовном и Исправительно-трудовом кодексах РСФСР, не смог заменить их приемлемыми.

Так, закрепляя в качестве цели наказания исправление осужденных, законодатель в настоящее время совершенно по-иному подошел к ее реализации в конкретных правовых нормах. Уголовное законодательство решение вопроса об исправлении осужденного полностью отдало судам — «если будет признано, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» (ч. 1 ст. 79 УК РФ).

Указанная законодательная формулировка слишком аморфна, расплывчата, неопределенна и может создать трудности для правоприменителей, которым уже сегодня надо руководствоваться конкретными критериями при представлении осужденных, в частности, к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания (далее — УДО) и вынесению определения об освобождении.

В связи с вышеизложенным установление критериев степени исправления осужденных, на наш взгляд, обязательно. Без их выделения невозможно с достаточной долей вероятности прогнозировать достижение рассматриваемой цели наказания.

Термин «критерий» происходит от греческого κριτήριον, что означает признак, на основании которого производятся оценка, определение или классификация чего-либо. В современном понимании критерий — «мерило оценки» [8, с. 301].

Таким образом, критерий оценки степени исправления осужденного — это юридически значимая область в направ-

ленности его личности, выражающаяся в определенных признаках и показателях, которые свидетельствуют о наличии или отсутствии исправления осужденного.

Исследуя данные показатели, З.А. Астемиров справедливо отметил: «разработка показателей, которые свидетельствовали бы о соответствующих степенях исправления, представляет не только научно-теоретический, но и практический интерес» [9, с. 74].

Объективный вывод о наступлении указанных оснований во многом определяет дальнейшее поведение осужденного после освобождения. Такой вывод можно сделать только на основании анализа всех данных, характеризующих личность осужденного. Так, сотрудники учреждений, исполняющих наказания, устанавливают определенные критерии степени исправления в случае с каждым конкретным осужденным и составляют их характеристику в период отбывания наказания. Отступление от данных критериев может привести к освобождению осужденных, склонных в дальнейшем к нарушению правил общежития, а также совершению умышленных преступлений.

Так на основании каких же данных суд должен прийти к выводу о том, что лицо, осужденное к лишению свободы, для своего исправления не нуждается в полном отбывании срока наказания?

Из нормативно-правовых предписаний Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) можно выделить следующие критерии оценки для определения степени исправления:

– поведение осужденного;

– отношение осужденного к общественно полезному труду;

– отношение осужденного к обучению;

– участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях.

Рассмотрим данные критерии оценки и вытекающие из них обобщающие показатели и признаки исправления.

1. Поведение осужденного в период отбывания наказания. Одним из основополагающих моментов всесторонней оценки личности осужденного, на наш взгляд, будет являться его поведение за весь период отбывания наказания в ИУ.

Понятие «поведение» довольно емкое по своему содержанию. По существу, оно охватывает все внешние проявления личности человека (жесты, мимика, поступки), свидетельствующие о его внутреннем мире, психологических особенностях и выражающие его отношение к другим людям, нравственным ценностям и социальным требованиям.

Включая данный критерий в механизм оценки степени исправления осужденных, законодатель тем самым ставит вопрос о необходимости определения уровня соблюдения осужденным требований, вытекающих из режима отбывания наказания. Причем специфика данного критерия заключается в том, что он должен основываться на постоянном и систематическом наблюдении сотрудниками ИУ за осужденным.

Особое место в рассматриваемом критерии исправления осужденного занимает, по нашему мнению, система мер поощрений и взысканий. Так, меры поощрения – это, с одной стороны, средство, стимулирующее дальнейшее исправление лиц, отбывающих наказание, и, с другой – свидетельство положительных изменений в поведении осужденного.

Поведение является решающим фактором в формировании положительных или отрицательных установок личности, характеризуется наличием или отсутствием со стороны осужденного нарушения режима отбывания наказания. Если осужденный не нарушал установленный режим отбывания наказания и к нему не применялись меры взыскания, то это свидетельствует о его способности соблюдать установленные правила поведения.

2. Отношение осужденного к общественно полезному труду. Труд – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей [8, с. 802].

С точки зрения А.В. Бриллиантова, данный критерий оценки является одним из самых существенных. «По отношению к труду, – считает он, – можно судить о мировоззрении осужденного, его установках, поведении как в период отбывания наказания, так и после освобождения» [10, с. 123].

«Отношение к труду, – отмечает Т.Ф. Минязева, – самый наглядный критерий желания осужденного встать на путь исправления». По ее мнению, за всю историю человечество не выработало более совершенного критерия исправления

осужденных, чем труд, т.к. отношение к труду определяется прежде всего желанием осужденного работать, проявлять инициативу в организации производственной деятельности, стремлением овладеть соответствующей профессией [11, с. 108].

Данные точки зрения ученых совершенно обоснованны, однако, на наш взгляд, необходимо учитывать и высокий уровень безработицы в местах лишения свободы. Очевидно, что в современных условиях безоговорочная постановка данного критерия оценки на одно из главных мест была бы неправильной и несправедливой в отношении осужденных. А.И. Зубков по этому поводу отмечает, что изменение политики в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными повлекло и снятие акцента с труда осужденных как основы их исправления [12, с. 111].

3. Отношение осужденного к обучению. Рассматриваемый критерий оценки прямо закреплен в законе. Часть 3 ст. 108 и ч. 4 ст. 112 УИК РФ указывают, что отношение осужденного к получению начального профессионального образования и профессиональной подготовки, а также получение осужденным основного общего и среднего (полного) общего образования учитываются при определении степени его исправления.

В целом можно констатировать, что добросовестное отношение к обучению как показатель исправления осужденного — это его осознанное стремление к изучению учебных программ, выражающееся в успешном освоении специальных знаний и практических навыков по выбранной профессии, дисциплинированности и регулярном посещении занятий.

Добросовестное отношение к обучению как обобщающий показатель исправления предполагает наличие таких признаков исправления, как соблюдение осужденным правил для учащихся (дисциплинированность), систематичность посещения занятий, его успеваемость и самостоятельность в получении знаний, мотивы обучения (добровольно или по принуждению), устойчивость познавательных процессов, стремление к самообразованию и продолжению образования после освобождения. Отсутствие указанных признаков или же вообще отказ осужденного от обучения свидетельствуют об отсутствии исправления как такового.

4. Участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях. Законодательно закреплено, что участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени его исправления. Вместе с тем распорядком дня ИУ могут быть предусмотрены воспитательные мероприятия, участие в которых обязательно для осужденных (ч.ч. 2, 3 ст. 109 УИК РФ).

В Концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (далее — Концепция) воспитательная работа рассматривается как «система педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения»*.

Вместе с тем следует отметить, что в целом указанная система критериев ограничивается лишь уголовно-исполнительной характеристикой осужденного и охватывает отношение осужденного к средствам исправления. Представляется, что такой усеченный вариант системы критериев оценки должен применяться не ко всем категориям осужденных, а только к основной их массе. В то же время оценка исправления осужденных, которые уже имеют определенные положительные результаты и могут претендовать на самую высокую меру поощрения — условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, предполагает более углубленную диагностику их личности. Упоминание об этом можно найти в УИК РФ, в ст. 175 которого отмечается, что, помимо данных о личности осужденного, его поведении, отношении к труду и обучению во время отбывания наказания, в представлении об УДО должны содержаться данные об отношении осужденного к совершенному деянию.

С учетом вышеизложенного мы считаем целесообразным введение такого дополнительного критерия, как отношение осужденного к совершенному им противоправному деянию.

Значимость для оценки данного критерия трудно переоценить. В Концепции по

* Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. N 3.

этому поводу указывается, что одним из наиболее важных показателей нравственной характеристики осужденного следует считать оценку им совершенного преступления и назначенного наказания, обстоятельств, приведших к преступлению.

Н.В. Есин отмечает, что отношение осужденного к совершенному преступлению является основным критерием при общей оценке его личности [13, с. 49]. Не менее категоричны и другие авторы. Так, В.Б. Первозванский считает, что признание осужденным вины в совершенном преступлении является важнейшим показателем степени его исправления [12, с. 233].

Мы также полагаем, что выяснение в период отбывания осужденным наказания его отношения к совершенному преступлению является необходимым и обязательным условием объективной оценки степени его исправления.

Выявленное раскаяние осужденных в совершенном преступлении позволяет судить о положительных изменениях в их поведении, происшедших в ходе реализации уголовного наказания и применения мер исправительного воздействия в течение более или менее продолжительного срока отбывания наказания. Данный показатель свидетельствует об окончательной, коренной перестройке личности осужденного, когда вместо негативных, антисоциальных и прочих подобных отрицательных качеств вырабатываются противоположные, отвечающие общим интересам и социальным ценностям качества.

Раскаяние по сравнению с осознанием вины, причиненного вреда означает активную работу личности по самоусовершенствованию в связи с отрицательной оценкой ею своего прошлого поведения, то есть это отрицательное психическое отношение лица к содеянному. Последнее обстоятельство есть, по сути, главное, что должно быть достигнуто в результате применения уголовного наказания.

В конечном итоге необходимо поставить рассматриваемый критерий на одно из первых мест, поскольку он характеризует довольно значимую для правовой оценки область данных в структуре личности осужденного. По этой причине его необходимо активно применять в ходе проводимой оценки исправления осужденного.

В.М. Розин также отмечает значение данного обобщающего показателя и указывает, что осознание осужденным совершенных им в прошлом неправомерных поступков является важным показателем исправления осужденного [14, с. 64-72].

Осужденный, раскаявшийся в совершенном деянии, – это лицо, которое стремится порвать с преступным прошлым, не ограничивающееся только исполнением всех требований режима отбывания наказания, а соблюдающее обязанности общегражданского долга (правильное отношение к семье, родственникам, негативное отношение к нарушителям режима, отрицание «традиций» преступного мира, проявление стремления начать новую жизнь и вернуть прежние социальные связи). Указанные признаки в ходе оценки степени исправления осужденных должны свидетельствовать о глубокой личностной перестройке осужденного и коренном изменении системы его ценностных ориентаций. Следовательно, сущность процесса исправления с точки зрения достижения такой цели заключается в том, чтобы осужденный осознал необходимость собственного исправления и сам действовал с подобной установкой. Необходимой предпосылкой для этого является формирование у осужденных правильного отношения к преступлению. Осужденный, не раскаивающийся в совершенном преступлении и считающий наказание несправедливым, практически не поддается исправлению.

Все вышеперечисленные нами данные, характеризующие личность осужденного, должны учитываться в тесной взаимосвязи друг с другом, ибо, отдельно взятые, они являются косвенными доказательствами, т.е. фактами, которые лишь косвенно свидетельствуют об исправлении осужденного.

Оценка всех данных в совокупности позволяет сделать объективный вывод о достижении процесса исправления такой стадии, когда к осужденному может быть прекращено дальнейшее применение исправительного воздействия и достаточно лишь осуществления контроля со стороны уполномоченного государственного органа.

Таким образом, при анализе критериев исправления осужденных ныне действующая формулировка «если судом будет признано» нуждается в некотором уточнении. По-видимому, в данном случае

более обоснованно полагать, что должны существовать определенные объективные фактические доказательства становления личности на путь исправления, а также значительного уменьшения ее общественной опасности. Именно они будут детерминировать решение суда в пользу применения мер поощрения и, будучи представлены в законодательной конструкции, придадут ей большую конкретность. Реализация обозначенных критериев даст большую вероятность отсутствия негативных последствий ресоциализации осужденных.

Список литературы

1. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 176 с.

2. Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. 324 с.

3. Зубков А.И. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. N 4.

4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. С.В. Степашина. М.: Юристъ, 2001.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1999.

6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.Н. Здравомыслова. М., 1996. 509 с.

7. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. 136 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1978. 921 с.

9. Астемиров З.А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Труды Рязанской ВШ МВД СССР. 1973. Вып. I. С. 60-76.

10. Бриллиантов А.В. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. М., 2011. 448 с.

11. Минязева Т.Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. 320 с.

12. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / рук. авт. колл. А.И. Зубков. М., 1997. 408 с.

13. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. П.Г. Мищенкова. М., 1997.

14. Розин В.М. Психология для юристов. М., 1997. 128 с.

References

1. Belyaev N.A. *Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizatsii* [Criminal policy and the way it is implemented]. Leningrad, 1986. 176 p.

2. Kazak B.B. *Bezopasnost' ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Security of the correctional system]. Ryazan, Academy of Law and Administration of the Ministry of Justice of Russia, 2002. 324 p.

3. Zubkov A.I. *Yuridicheskoe znachenie tseli ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [The legal significance of the goal of correction to imprisonment]. *Prestuplenie i nakazanie* – Crime and Punishment, 1998, no. 4.

4. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comments to the Criminal and the executive Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurist" Publ., 2001.

5. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 1999.

6. *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General part]. Moscow, 1996. 509 p.

7. Shmarov I.V. *Preduprezhdenie prestupleniy sredi osvobozhdennykh ot nakazaniya* [Prevention of crime among released from punishment]. Moscow, 1974. 136 p.

8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978. 921 p.

9. Astemirov Z.A. *O ponyatii i sushchnosti ispravleniya i perevospitaniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [On the concept and spirit of reform and re-sentenced to imprisonment]. *Trudy Ryazanskoy VSh MVD SSSR* – Proceedings of the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1973. Edition I. Pp. 60-76.

10. Brilliantov A.V. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Penal law of the Russian Federation]. Moscow, 2011. 448 p.

11. Minyazeva T.F. *Pravovoy status lichnosti osuzhdennykh v Rossiyskoy Federatsii* [The legal status of the person convicted in the Russian Federation]. Moscow, 2001. 320 p.

12. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comment to the Criminal and the executive Code of the Russian Federation]. Moscow, 1997. 408 p.

13. *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF i Minimal'nym standartnym pravilam obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Comment to the Criminal and the executive Code of the Russian Federation and the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. Moscow, 1997.

14. Rozin V.M. *Psikhologiya dlya yuristov* [Psychology for lawyers]. Moscow, 1997. 128 p.

Раздел 6. Правоохранительная политика

АЛЕКСАНДРОВА И.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
iren-nno@mail.ru
Кафедра уголовного
и уголовно-исполнительного права;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

ALEXANDROVA I.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
iren-nno@mail.ru
Chair of Criminal and Penitentiary Law;
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation;
Ankudinovskoe highway 3,
Nizhny Novgorod, 603600,
Russian Federation

ОРИЕНТИРЫ НОВОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ (В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ)

Реферат. Сущность права (языковой и властный феномен) и правовой политики объясняется с использованием наработок неклассической философии права. Правовая политика есть способ выявления воли экономически господствующего класса в тексте закона и представления ее в виде правильного смысла закона, понятого правоприменителем и реализованного им. Уголовная политика по противодействию экономической преступности есть концентрированное выражение экономики, отношений собственности. Уголовная правовая политика является средством управления экономической преступностью, а не средством уничтожения этой преступности. Критикуется современная уголовная политика противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Дается отрицательная оценка новой экономической политики как политики офшоризации российской экономики, политики парализации правоохранительной системы, политики выхолащивания борьбы с экономической преступностью и коррупцией. В результате именно такой политики и была создана сословная правовая система, которая могла бы временно гарантировать ей извлечение прибыли путем эксплуатации природных богатств (еще торговли «колониальными товарами»), а затем вывода капитала за рубеж, в офшоры. Она же «развратила» и правоохранителей, через которых решала свои бизнес-задачи по переделу собственности, включая рейдерские захваты с использованием коррумпированных силовиков. Такая политика защищает интересы крупной буржуазии и связанного с ней чиновничества и противоречит интересам народа. Ввиду появления новой внешней угрозы правящей элите следует менять уголовную политику по противодействию экономической преступности для достижения социальной справедливости, обеспечения экономической безопасности. Уголовная политика должна быть национально ориентированной. Привилегии в сфере публичного уголовного преследования, созданные для предпринимателей, должны быть ликвидированы.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное право, противодействие экономической преступности.

NEW DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY ON COMBATING ECONOMIC CRIME (UNDER THE CONDITIONS OF ANTI–RUSSIAN SANCTIONS)

Abstract. The essence of law (language and powerful phenomenon) and legal policy is explained by using the achievements of non-classical philosophy of law. Legal policy is a way of revealing the will of the economically dominant class in the text of law and presenting it as the correct meaning of the law, understood and implemented by law enforcer. Criminal policy on combating economic crime is a concentrated expression of economics and property relations. Criminal law policy is a means of economic crime control, rather than a means of its eradication. Modern criminal policy on combating crimes in the sphere of business and other economic activities is criticized. A negative assessment of the new economic policy as the policy of offshoring Russian economy, paralyzing law enforcement system and emasculating the fight against economic crime and corruption is given. As a result of such policy the social class legal system was created. It could temporarily guarantee a profit by natural resources' exploitation and then the capital outflow in offshore. This system corrupted law enforcers who helped it to solve its business problems connected with the redistribution of property, including raider attacks.

Such policy protects the interests of the big bourgeoisie and the associated bureaucracy, but contradicts the interests of people. Due to the emergence of a new external threat the ruling elite should change its criminal policy on combating economic crime to achieve social justice and ensure economic security. Criminal policy should be nationally oriented. Privileges to avoid public prosecution, created for businessmen, should be eliminated.

Keywords: criminal policy, criminal law, combating economic crime.

При определении уголовной политики мы опираемся не на классические дефиниции, а используем некоторые подходы, практикуемые в неклассической школе права. Исходным пунктом в нашем рассуждении об уголовной политике будет одно из неклассических определений права. По мнению А.С. Александрова, право – это смысл текста закона, полученный (актуализированный) судом в результате интерпретационной, перзуазивной, игровой деятельности сторон с применением рациональной аргументации, юридической техники, риторики, психологии, т.е. средств речевого убеждения [1, с. 45-48]. Право – это смысл текста закона, помноженный на его интерпретацию. В связи с этим способ бытия права есть постоянное восполнение нехватки смысла закона, подмена старого смысла новым, борьба интерпретаций; право = текст постоянно «в работе». «Реальное право», т.е. правоприменительный акт, регулирующий конкретные общественные отношения, средство разрешения правового спора – актуальный (здесь и сейчас) смысл текста закона, выявленный судом в данном деле в ходе интерпретационной деятельности участников процесса. Этот выявленный интерпретацией смысл текста уголовного закона есть «право-тут». «Право-тут» – это смысл текста закона, добытый в процессуальной борьбе, признанный судом (всеми судебными инстанциями) правильным – в контексте этого дела. «Схватывание» права как «права-тут», *подручного средства,* происходит для удовлетворения неотложной потребности в урегулировании конкретной жизненной ситуации (скажем, разрешения спора) [1, с. 50-52; 2, с. 113-123].

Таким образом, конфликт интерпретаций, их конкуренция открывают в тексте уголовного закона актуальное *«право-тут»* как средство удовлетворения неотложной потребности, вместе с тем отвергаются иные значения правового текста, как непригодные, неактуальные. Реальность уголовного права надо искать путем интерпретации смысла текста законов, она в их интертекстуальных связях. *Уголовное право – это текст уголовного кодекса в его интерпретационной – уголовно-процессуальной оправе.* Право есть система значений текста уголовного закона, сложившихся, выявленных в ходе интерпретации закона в данном деле, принятых правоприменителем и вложенных им в текст правоприменительного акта. ПрАво всегда правО потому, что силу ему дает власть, формально – независимая судебная власть. Место «права-тут» в тексте закона определено судебной речью. «Буква закона» должна быть прочтена, понята, осмыслена и прочувствована судьей так, чтобы он принял правовое решение. Это можно показать так: *текст закона → судебная речь → переход к знанию → приведение к намерению → правовое решение.*

Интерпретационно-текстовый аспект права не отменяет того, что право связано с властью, право является социальным, политическим явлением. Юридический текст невозможно перевести на язык фактов без волевого усилия юрисдикционного органа. Право – это феномен власти. Уголовное право – *это смысл, который вкладывается в текст УК РФ властью.* Нельзя разрешить спор в суде путем истолкования слов и их сочетаний, составляющих текст закона. Как правило, истинным оказывается тот смысл закона, который отбирает властно уполномоченный субъект (суд) и закрепляет своим решением по делу. В связи с этим нужно понимание политики (системы ценностей, интересов), которая проводится субъектами интерпретации, и прежде всего судьей. Сознание судьи, карта его ценностей, обусловленные его социальным, служебным, политическим окружением, его встроенностью в отношения власти-знания, создают правовые факты. «Фактичность», правовая реальность прежде возникает в голове у судьи, потом она становится реальностью (через текст приговора) для всех, включая подвластных. Господствующий класс через судебную власть узурпирует право на судебный дискурс и судебную истину. Судебный дискурс и есть

«право» в его непрерывном челночном движении, различающем правомерность от неправомерного. Борьба интерпретаций за смысл закона есть, по сути, социальная, классовая борьба, побеждает в ней (в конечном счете) тот, кто обладает наибольшим ресурсом.

То, что называют правовой политикой, есть воля правящей элиты, находящая свое проявление в законодательстве, а также практике его истолкования и применения. Власть проговаривает через судебный дискурс правильный смысл текстуры законов, она инсталлирует право в гипертексте законодательства. Политика проходит через текст = право, высвечивая в нем актуальный смысл, превращая в «право-тут». Политика – концентрированное выражение экономики. *«Уголовное право в работе» («право-тут»)* есть некая политика правящего класса, стратегия власти, проходящая через конфликты интерпретаций текста закона, через конкуренцию позиций субъектов права к тому правовому положению, которое наиболее выгодно господствующей элите. Уголовное право – это текст уголовного закона, смысл которого навязывается властью (судебной) *от имени народа, но не всегда в его интересах*. Есть некая общая стратегия ведения и разрешения уголовных дел, споров в экономической, предпринимательской сфере, которая проводится через-, сверх-, над- законом, судом. Поскольку экономику следует считать материальной основой общества, постольку правовая политика призвана проводить через систему законодательства и правосудия экономическую целесообразность. Экономический, корыстный мотив преобладает у интерпретаторов, поэтому если подсознание определяет сексуальную мотивировку интерпретаторов текста закона, то корысть побуждает их сознание.

Официальные институты власти – лишь внешнее выражение этой экономической политики; неформальные отношения между субъектами правовой политики, т.е. судьями, прокурорами, следователями, адвокатами, – более реальны, чем «кодексы». Уголовная политика – это некий тренд в письме текста закона (законодательствовании) и вместе с тем – в толковании и применении этого закона (судебном дискурсе), который отражает определенную расстановку сил в обществе, готовность и способность применения насилия элитой для сохранения нужной ей системы ценностей. Политика превращает тексты уголовного законодательства в реальное право, а именно: в правопорядок, правосознание. То, что называют правовой политикой, которая «находит» в конечном счете «правильный» смысл в тексте закона, есть воля правящей элиты.

Не следует полагать, что уголовная юстиция, оснащенная уголовным, уголовно-процессуальным законодательством, главным образом (если не исключительно) борется, противодействует, противостоит преступности, особенно экономической. М. Фуко призывал «избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством борьбы с правонарушениями и будто в этой роли, в зависимости от социальных форм, политических систем или взглядов, она бывает суровой или мягкой, может быть нацелена на искупление или возмещение, на преследование индивидов или на вменение коллективной ответственности... карательные меры – не просто "негативные" механизмы, позволяющие подавлять, предотвращать, исключать, устранять, но что они связаны с целым рядом положительных и полезных последствий, которые призваны обеспечивать (в этом смысле можно сказать, что если законосообразные наказания должны карать за правонарушения, то установление правонарушений и их пресечение направлены, в свою очередь, на поддержание карательных механизмов и их функций)» [3, с. 37-38]. Иными словами, посредством уголовного закона власть отнюдь не говорит категоричное «нет» преступности. Напротив, можно говорить о некоем сложном взаимодействии, обоюдном инвестировании. Преступность – это продукт власти, уголовного закона и практики его применения.

Стратегия власти в современном (буржуазном, дисциплинарном) обществе сводится к тому, что преступностью (экономической) надо управлять, включать ее в приносящие пользу системы, направлять на благо экономической элиты, приводить к оптимальному функционированию. Не подавление, но упорядоченное взращивание коллективных и индивидуальных сил

в ходе перманентной борьбы с экономической преступностью.

Уголовная политика по противодействию экономической преступности — это концентрированное выражение экономики. Новая уголовная политика по противодействию «беловоротничковой» преступности — новая уголовная экономическая политика (НУЭП)* стала концентрированным выражением воли крупной буржуазии в смычке с чиновничеством [4, с. 5-20; 8]. Принципиальные поправки уголовного и уголовно-процуссуального законодательства, составившие НУЭП, были пролоббированы представителями крупных собственников, вроде «официального миллиардера» В.С. Груздева (депутат Государственной Думы РФ от партии «Единая Россия» в 2007-2011 гг.)**. Лозунгом НУЭП стали слова бывшего председателя Государственной Думы РФ Б. Грызлова: «Бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме».

Идеология этой уголовной политики была выражена в концепции по модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства [5] и в соответствующих законопроектах***. В рамках НУЭП с конца 2008 г. последовательно принимались меры по ограничению вмешательства обвинительной власти государства в хозяйственную, включая торговую, деятельность предпринимателей. Конечная цель разработчиков новой уголовной политики виделась в том, чтобы создать систему правовых гарантий для «предпринимателей» от уголовного преследования за совершение экономических преступлений****. По мнению идеологов новой уголовной политики противодействия «беловоротничковой» преступности, вмешательство уголовной юстиции в разрешение юридических споров в сфере экономики оправданно, только если оказалось недостаточно средств гражданской юстиции (вначале конфликт разбирают «квалифицированные юристы», потом — полицейские). Уголовное преследование официально признано *субсидиарным* правовым инструментом обеспечения экономической безопасности страны.

НУЭП нашла закрепление в целом ряде законов*****, которые создали невиданную в мире систему привилегий для класса «предпринимателей» в уголовно-правовой сфере. Апофеозом же этой политики стала амнистия осужденных

* Характеристике данного явления посвящено несколько наших работ.

** Вполне можно говорить о явлении «груздевщины» в правовой политике последних лет. Впрочем, В.С. Груздев ушел, а дело его живет: Государственная Дума РФ полна миллиардерами, партийными функционерами, которые готовы принимать меры по защите крупных собственников от не являющихся таковыми.

*** См., напр.: Официальный текст законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на исключение возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования». URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depgosregulirineconomy/doc20120926_01

**** Разумеется, главной целью является достижение позитивных экономических показателей: повышение инвестиционной привлекательности, стимулирование бизнеса и пр. Идеологи новой уголовной экономической политики убеждены, что удаление уголовной юстиции (наиболее радикального правового инструмента обеспечения экономической безопасности) из предпринимательской сферы благотворно скажется на институте собственности и хозяйственной деятельности, позволит качественно преобразоваться нашей экономике: из сырьевой превратится в инновационную и т.п.

***** В их числе: О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2009 г. N 383-ФЗ: ред. от 7 февр. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 1. Ст. 4; 2011. N 7. Ст. 900; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 апр. 2010 г. N 60-ФЗ: ред. от 6 дек. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 15. Ст. 1756; 2011. N 50. Ст. 7347; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ: ред. от 30 дек. 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7362. N 53 (ч. I). Ст. 7632; О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 6 дек. 2011 г. N 407-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7349; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ // Рос. газ. 2012. 3 дек.

бизнесменов*, которая закончилась безрезультатно**.

Существенным отличием НУЭП является то, что российскими элитами взят курс на радикальное ограничение средств уголовной юстиции для поддержания правопорядка в экономической сфере. При конструировании механизма уголовного преследования за основу взят частноправовой (диспозитивный) метод (с некоторыми оговорками в пользу публичности), в то время как в «нормальных» государствах по-прежнему практикуют публично-правовые инструменты борьбы с общественно опасными явлениями, каковым является экономическая преступность. Цель НУЭП в том, чтобы создать систему неприкосновенности «предпринимателей» от уголовного преследования за совершение экономических преступлений.

До последнего времени НУЭП была политикой офшоризации русской экономики, политикой парализации правоохранительной системы, политикой выхолащивания борьбы с экономической преступностью и коррупцией. В результате проведения НУЭП сформировался круг избранных, которым все дозволено и которые недоступны уголовной юстиции. Русская буржуазия создала сословную правовую систему — под себя, систему, которая могла бы временно гарантировать ей извлечение прибыли путем эксплуатации природных богатств (еще торговли «колониальными товарами»), а затем вывода капитала за рубеж, в офшоры. Она же «развратила» и правоохранителей, через которых и решала свои бизнес-задачи по переделу собственности, включая рейдерские захваты с использованием коррумпированных силовиков.

Сто лет назад уголовная политика пролетарского государства была направлена на уничтожение классового врага — буржуазии. В начале XXI века буржуазия берет исторический реванш. Государство, которое выражает ее волю, острие уголовной политики направило против рабочего класса и низших социальных слоев. Из общего числа осужденных к лишению свободы предприниматели и менеджеры коммерческих организаций составляют менее одного процента [6, с. 7-9].

Уголовная политика является частью внутренней и внешней политики, проводимой через законодательствование и правоприменение властвующей элитой. В результате этой политики за последние 10 лет коэффициент фондов (этим термином социологи называют разницу между средним доходом 10 % самых обеспеченных жителей страны и средним доходом 10 % наименее обеспеченных), по оценке Всероссийского центра уровня жизни (далее — ВЦУЖ), вырос с 13-14 раз до 18 раз. «В реальности неравенство еще выше, поскольку в нашей стране значительна доля неучтенной экономики и доходов» [7]. И это серьезно «тормозит» экономику. Согласно данным, представленным ВЦУЖ, число россиян с месячными доходами ниже среднего составляет 83 % населения страны. За средний уровень ученые из ВЦУЖ принимают семь прожиточных минимумов. К концу 1 квартала 2011 года этот минимум составлял 6,47 тыс. руб. в месяц, то есть социологическое «ниже среднего» — это доход меньше 45,3 тысяч рублей на занятого человека. Но это еще не признаки катастрофы. 48 % населения, по расчетам того же ВЦУЖ, — представители так называемых неблагополучных слоев, доход которых составляет менее трех прожиточных минимумов, или 19,41 тыс. рублей в месяц на работающего человека.

Таким образом, теперь Россия занимает первое место в мире по имущественному неравенству среди населения, уступая лишь нескольким небольшим странам Карибского бассейна. «В целом по миру миллиардеры в общей сложности владеют 1-2 % от национального благосостояния; сегодня в России 110 миллиардерам принадлежит 35 % всех богатств», — говорится в отчете о глобальном благосостоянии, подготовленном банком Credit Suisse [8].

Под прикрытием риторики о правах человека продолжается правовая политика обеспечения классового превосходства

---

* Об объявлении амнистии: постановление Государственной Думы РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД // Рос. газ. 2013. 4 июля.

** Из запланированных 5-6 тысяч человек Из заключенных амнистией воспользовались, как мы и предполагали, несколько сотен благодарных предпринимателей-преступников, хотя один из инициаторов этой амнистии — Б. Титов утверждал: «Экономическая амнистия освободит около ста тысяч человек» (см.: URL: http://www.rg.ru/2013/06/26/amnistiya-anons.html).

одного социального слоя над обществом, что углубляет кризис, упадок правовой культуры. Все новые и новые инициативы, в которых воплощена идея сословного покровительства, ведут к деградации правоохранительной системы. Что нас ждет впереди? профанация реформ в области уголовного права и судопроизводства? имитация бурной законодательной и правоохранительной деятельности?

Итогом двадцатилетних «прогрессивных» преобразований уголовной юстиции стал правовой механизм, беспомощный в борьбе с глобальной коррупцией и расхищением национальных (природных) богатств, и в то же время успешно «утрамбовывающий» ежегодно по 100 тысяч человек в места лишения свободы, превзойдя в этом отношении даже советские показатели. А системной борьбы с экономической преступностью как не было, так и нет*. Имеет место по большей части имитация этой борьбы.

До последнего времени «высший менеджмент» государства защищал олигархов от народа. На деньги богатых покупались голоса бедняков и обеспечивался статус-кво. Но такому социальному договору, кажется, приходит конец. Оказавшемуся в ситуации противостояния с западной элитой, российскому правящему классу придется менять политику. Запад своими санкциями показал, что пощады не будет. Верховная власть получила относительную самостоятельность от компрадорской олигархической буржуазии. Санкции, применяемые Западом к России, позволяют сделать более национально-ориентированной экономическую политику. А вместе с этим с необходимостью должна поменяться и уголовная политика внутри нашей страны. Российским нобилям пора приступить к само-санации. Нашей буржуазии придется стать национальной, даже пойти на некоторые жертвы («делиться надо»), а самое главное – озаботиться, наконец, развитием своей экономики. Пришло время консолидации перед лицом общей внешней угрозы, и уголовная политика должна стать одним из средств этой консолидации – как орудие борьбы с компрадорскими элементами, офшорной аристократией. Мы надеемся, что будет проявлена политическая воля, и противодействие элитарной экономической преступности будет реальным, а не декларативным. Уголовная политика должна, наконец, стать средством восстановления социальной справедливости.

В.В. Путин подчеркнул, что принцип справедливости полагает соблюдение общих правил всеми членами общества, хотя «у бизнеса особая ответственность за экономику, за рабочие места, и мы должны создать для них соответствующие условия» [9]. При этом Президент РФ отметил, что кредит доверия власти к бизнес-сообществу не безграничен ввиду того, что переток капиталов в офшоры и неконтролируемое движение средств в офшорных юрисдикциях крайне негативно сказывается на экономической безопасности России [10].

Полагаем, что исправление ошибки реформирования законодательства как раз и заключается в том, что «особые условия» обеспечения безопасности бизнеса не равнозначны «неприкасаемости» представителей предпринимательского сообщества. Современная «обвинительная власть» не способна на это без проявления политической воли первого лица государства. По выражению В.В. Путина, нужны «посадки». В том числе и в первую очередь криминальных представителей экономической и управляющей элиты. Общество ждет этого. Руководство может опереться при чистке элит на свой народ, в конце концов – на Народный фронт.

---

* И, судя по тому, как «разгромили» в этом году ГУЭБ МВД, – мало вероятно ожидать перемен. Прецедент Сердюкова также вписывается в сложившуюся стратегию уголовной политики. Есть и много других примеров (дело «Три кита», скандалы, связанные с подкупом компаниями «Mercedes-Benz», «Hewlett-Packard» наших правоохранителей на самом высоком уровне, оставшиеся без реакции). Сигналы читаемы (в том числе сотрудниками ЭБиПК) – есть неприкасаемые, которым все можно, а есть те, кого надо сажать для выполнения планов. Противодействие преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности стало избирательным, «по принципу своим – все, остальным закон».

Список литературы

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 419 с.

2. Александров А.С., Баранов В.М. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2002. С. 113-123.

3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. 480 с.

4. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. N 1 (6). С. 5-20.

5. URL: http://www.kapitalisty.ru/action (дата обращения: 26 марта 2014 г.).

6. Волков В. Статутные уклоны в судах общей юрисдикции: эмпирическое исследование влияния социального статуса подсудимого на приговор. М., 2013. 368 с.

7. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/analytics/20110706/398118861.html#13822423716374&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz2iETeZuIg (дата обращения: 6 июля 2011 г.).

8. URL: http://news.rambler.ru/21546254/ (дата обращения: 21 марта 2014 г.).

9. URL: http://news.rambler.ru/18537768/ (дата обращения: 26 марта 2014 г.).

10. URL: http://www.gazeta.ru/business/2013/06/14/5380421.shtml (дата обращения: 14 июня 2013 г.).

References

1. Aleksandrov A.S. *Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku* [Introduction to forensic linguistics]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Legal Academy, 2003. 419 p.

2. Aleksandrov A.S., Baranov V.M. *Ritorika i pravo* [Rhetoric and Law]. *Yurislingvistika-3: Problems yurislingvisticheskoy examination* [Legal Linguistics 3: Problems of legal and linguistic expertise], Barnaul, Publisher Altai University, 2002. Pp. 113-123.

3. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. Birth of the Prison]. Moscow, 1999. 480 p.

4. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. *Novaya ugolovnaya politika v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy i nalogovoy prestupnosti: est' voprosy* [New criminal policy in the sphere of combating economic crime and tax: have questions]. *Biblioteka kriminalista* – Library of criminalist, 2013, no. 1 (6), pp. 5-20.

5. Available at: http://www.kapitalisty.ru/action (Accessed 26 March 2014).

6. Volkov V. *Statutnye uklony v sudakh obshchey yurisdiktsii: empiricheskoe issledovanie vliyaniya sotsial'nogo statusa podsudimogo na prigovor* [Statutory biases in the courts of general jurisdiction: an empirical study of the influence of social status on the defendant's sentence]. Moscow, 2013. 368 p.

7. *RIA Novosti* [RIA News]. Available at: http://ria.ru/analytics/20110706/398118861.html#13822423716374&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz2iETeZuIg (Accessed 6 July 2011).

8. Available at: http://news.rambler.ru/21546254/ (Accessed 21 March 2014).

9. Available at: http://news.rambler.ru/18537768/ (Accessed 26 March 2014).

10. Available at: http://www.gazeta.ru/business/2013/06/14/5380421.shtml (Accessed 14 June 2013).

РОЗЕНКО С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
rozenko_sv@mail.ru
Юридический институт;
Югорский государственный университет,
628012, Тюменская область,
Ханты-Мансийский
автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, Чехова, 16

ROZENKO S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
rozenko_sv@mail.ru
Institute of Law;
Yugra State University,
Chekhova St. 16,
Khanty-Mansiysk, 628012,
Russian Federation

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА: НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реферат. Рассматриваются проблемные вопросы законодательной конструкции состава преступления, введенного в УК РФ в мае 2014 г. (ст. 354.1). Отмечается, что криминализация затрагивает вопросы не только права, но и морали; требует тщательной разработки понятийного аппарата (статья не может распространяться на область свободы слова, научных дискуссий); имеет бланкетный характер и требует конкретизации (ответственность предусмотрена не за принадлежность к нацистской идеологии, а за конкретное проявление – ее реабилитацию). Уголовный закон использует понятие «нацизм», но не определяет его (так же, как и термин «фашизм»). Социальная обусловленность ответственности за реабилитацию нацизма признается с одновременным предупреждением о необходимости четкого определения ее границ. Характеризуются элементы состава преступления, особое внимание уделяется терминологии, объекту и объективной стороне преступления. Критикуется формулировка «европейские страны оси» вследствие неопределенности, предлагается опираться исключительно на приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. Отрицание данных фактов определяется как опровержение законности, обоснованности и справедливости вынесения соответствующих решений в отношении нацистских руководителей. Одобрение преступлений, установленных таким приговором, автор считает исключительно оценочным признаком. Обозначаются возможные трудности и при доказывании «распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», поскольку не всегда подобная фальсификация связана с нацизмом. Резюмируется, что часть первая рассматриваемой статьи по конструкции является специальным видом клеветы. Вследствие недостаточной определенности критикуются формулы «искусственное создание доказательств обвинения» и «символов воинской славы».

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность, состав преступления.

REHABILITATION OF NAZISM: NEW GROUNDS OF CRIMINAL LIABILITY

Abstract. The topical issues of the legislative structure of corpus delicti, introduced in the RF Criminal Code in May 2014 (Art. 354.1) are considered. It's noted that criminalization affects not only law but also morality. The article requires elaboration of conceptual apparatus (it can't apply to the area of freedom of speech, academic discussions). It has reference nature and requires specification (as it provides liability for Nazism rehabilitation, not for belonging to the Nazi ideology). Criminal law uses the term "Nazism", but doesn't define it (as well as the term "fascism"). Social determination of responsibility for Nazism rehabilitation is recognized along with the warning to clearly define its limits. Elements of crime are characterized, special attention is paid to terminology, object and actus reus. The formulation "European Axis Countries" is criticized due to its vagueness. It's proposed to rely on the verdict of Nuremberg International Military Tribunal. Denial of these facts is defined as denial of the legality, validity and fairness of making appropriate decisions regarding the Nazi leaders. The author considers the approval of crimes set by such sentence as assessment element of crime. Possible difficulties of proving "the dissemination of deliberately false information about the activities of the Soviet Union during the Second World War" are indicated, because such falsification isn't always connected with Nazism. It's summarized that the first part of the Article under review is a special kind of libel by its structure. The wordings "artificial creation of evidence of guilt" and "symbols of military glory" are criticized due to their vagueness.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminal liability, corpus delicti.

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил УК РФ статьей 354.1, установившей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма*. В связи с этим необходимо отметить ряд особенностей и спорных моментов нововведения: данная криминализация затрагивает вопросы не только права, но и морали; требует тщательной разработки понятийного аппарата, поскольку действие статьи не должно распространяться на область свободы слова, научных дискуссий и т.п.; диспозиция статьи имеет бланкетный характер и требует тщательного анализа и предложений по совершенствованию, т.к. предусматривается ответственность не за принадлежность к нацистской идеологии, а за конкретное проявление — ее реабилитацию.

Наименование статьи 354.1 УК РФ содержит понятие «нацизм», но в диспозиции отсутствует его определение. В целом законодательное определение нацизма в Российской Федерации отсутствует, как и фашизма, который только упоминается в п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ: надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом. Это предопределяется тем, что данное негативное социальное явление выступает объектом исследования нескольких отраслей научного познания (история, политология, социология и др.) и, как отмечалось выше, не имеет в настоящее время точного формального юридического закрепления.

Реабилитация нацизма — это оправдание его репутации среди населения России, то есть необоснованность имеющегося запрета, восстановление утраченного «доброго» имени, признание незаконности обвинения в совершенных преступлениях. Это означает его невиновность и установление несправедливости имевшегося уголовного преследования Международным военным трибуналом в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. и незаконности его итоговых решений, когда руководителям фашистской Германии было предъявлено обвинение в совершении международных преступлений, охватываемых общим родовым понятием, — посягательства на основы международного общения: против мира (планирование, подготовка, развязывание, ведение агрессивной войны и т.д.) и человечности (убийства, порабощение, ссылки и др.), военных преступлений (нарушение законов и обычаев ведения войны) [1, с. 688-896].

А.В. Сигарев отмечает, что любое государство в той или иной степени вынуждено проводить определенную политику по защите своей истории от искажений. Для этого в его распоряжении находится целый набор средств, в том числе и такое крайнее средство, как уголовное преследование. Криминализация попыток пересмотра истории имеет, по крайней мере, одно очевидное преимущество — доступность для понимания всеми гражданами того, что данные деяния однозначно запрещены и могут повлечь для них весьма суровое наказание. Страх перед уголовной ответственностью, как правило, достаточно силен в любом обществе [2, с. 60]. Речь идет прежде всего о криминализации проявлений нацизма, имеющих овеществленную форму, включая распространение нацистской литературы, атрибутики и т.д., то есть о запрете проявлений конкретной человеконенавистнической идеологии, в соответствии с российским конституционным ограничением свободы идеологии, слова и др., когда установление карательной деятельности государства обусловлено угрозой общественному спокойствию, национальному равноправию и др. Но возникает другая проблема, связанная с тем, насколько меры уголовной репрессии устранят пробелы воспитания.

Необходимо отметить, что в нашем государстве предпринимались попытки разработать и законодательно закрепить определение термина «фашизм». В част-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 19. Ст. 2333.

ности, в Указе Президента РФ от 23 марта 1995 г. N 310 (ред. от 3 ноября 2004 г.) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» постановлялось предложить Российской академии наук в двухнедельный срок представить в Государственно-правовое управление Президента РФ научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство*.

Российской академией наук в 1995 г. было дано следующее определение: фашизм — это идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости; обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия, террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства разрешения международных проблем [3, с. 319]. Кроме того, в 1999 г. в Государственную Думу РФ вносился проект закона «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации», содержащий аналогичное определение фашизма [4, с. 67]. Однако данное определение следует признать неприемлемым в силу многозначности используемой терминологии, бланкетного содержания, противоречия уголовно-правовому постулату: мысли не наказуемы.

Социальная обусловленность закрепления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма несомненна, но предложенная редакция статьи вызывает ряд критических замечаний и предложений по ее совершенствованию, так как необходимо четко определить границы, установленные уголовным законом, между реализацией прав и свобод, злоупотреблением ими и запретом на их реализацию в области противодействия нацизму.

Родовым объектом данного общественно опасного посягательства является мир и безопасность человечества, и в частности, оно посягает на мир, мирное сосуществование государств и народов. По нашему мнению, сложность определения видового объекта предопределяется тем, что нацистская идеология имеет несколько объектов своего воздействия: личность, общество, государство, мир и безопасность человечества. Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13 Конституции РФ). Думается, что данное преступление лишает каждого конкретного человека его личных прав и свобод в форме лишения конституционных основ, поэтому данный уголовно-правовой запрет следует переместить в главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, — это итоговые решения Нюрнбергского военного трибунала, в которых нацизм осужден как преступная система и идеология. Тогда, в ходе 403 открытых заседаний, перед судом предстали 24 военных преступника, входившие в состав высшего руководства фашистской Германии, и был вынесен обвинительный приговор (12 обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение, а остальные — к длительным срокам лишения свободы).

Отрицание данных фактов — это опровержение законности, обоснованности и справедливости их вынесения в отношении нацистских руководителей. По нашему мнению, необходимо изменить имеющуюся формулировку, так как постулат о европейских странах оси не является точно определенным, а требуется упомянуть приговор именно Международного военного трибунала в Нюрнберге.

---

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 13. Ст. 1127; 2004. N 45. Ст. 4414.

Одобрение преступлений, установленных указанным приговором, — это признание положительным и допустимым совершение данных общественно опасных посягательств. К сожалению, необходимо признать оценочный характер этого признака.

Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны — это фальсификация и сообщение хотя бы одному лицу данной информации. В данном случае необходимо отметить, что используются термины, имеющие несколько значений, и не всегда они отражают борьбу с нацизмом.

Заведомость означает точное осознание виновным своих измышлений как надуманных, не соответствующих действительности.

Обязательным условием действий, предусмотренных ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, является их совершение публично, то есть они обращены к широкому кругу лиц. В целом представляется, что данный состав преступления является специальным видом клеветы.

Квалифицированный состав предусмотрен в ч. 2 данной статьи: те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения.

Под использованием виновным своего служебного положения понимается непосредственное использование специальным субъектом предоставленных ему полномочий или использование возможностей, которые имеются в связи с данным служебным положением.

Использование средств массовой информации — это прежде всего распространение указанной информации. В соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации» под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)*. Деятельность СМИ направлена прежде всего не на поиск, получение, производство, а на распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов. Под распространением продукции средства массовой информации понимается открытый перечень действий: продажа, подписка, доставка, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, вещание телеканала, радиоканала (телевизионное вещание, радиовещание), вещание телепрограммы, радиопрограммы в составе соответственно телеканала, радиоканала, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию и иные способы распространения.

Отдельные критические замечания вызывает положение об искусственном создании доказательств обвинения, что подразумевает произведение изначально фальшивых, ложных доводов и фактов, подтверждающих вывод или умозаключение, но данное положение недостаточно согласовано с ч. 1 ст. 354.1 УК РФ.

Частью 3 ст. 354.1 УК РФ закреплена уголовная ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично. Распространить такие сведения — это сделать информацию доступной, открытой и известной для многих лиц. Двойственность процесса криминализации данного деяния состоит в том, что уголовной наказуемости подлежат специальные виды клеветы и оскорбления.

Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) «О днях воинской славы и памятных датах России» устанавливает дни славы русского оружия — дни воинской славы (победные дни) России в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества**.

* Рос. газ. 1992. 8 февр.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 11. Ст. 943; 2013. N 44. Ст. 5634.

В статье 1 данного закона содержится исчерпывающий перечень дней воинской славы России в Российской Федерации: 18 апреля – День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 год); 21 сентября – День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 год); 7 ноября – День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год); 7 июля – День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении (1770 год); 10 июля – День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 год); 9 августа – День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут (1714 год); 24 декабря – День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова (1790 год); 11 сентября – День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 год); 8 сентября – День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией (1812 год); 1 декабря – День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853 год); 23 февраля – День защитника Отечества; 5 декабря – День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 год); 2 февраля – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год); 23 августа – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год); 27 января – День полного освобождения советскими войсками города Ленинграда от блокады его немецко-фашистскими войсками (1944 год); 9 мая – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (1945 год); 4 ноября – День народного единства. Однако с точки зрения российской истории подобных событий гораздо больше.

В статье 1.1 установлены памятные даты России, но категория дат, связанных с защитой Отечества, отсутствует. По нашему мнению, ими являются: 15 февраля – День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества; 26 апреля – День участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф; 22 июня – День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны (1941 год); 29 июня – День партизан и подпольщиков; 1 августа – День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914-1918 годов; 2 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 год); 3 сентября – День солидарности в борьбе с терроризмом; 7 ноября – День Октябрьской революции 1917 года; 9 декабря – День Героев Отечества.

Обязательным условием является то, что данные сведения обнаруживают явное неуважение к обществу, то есть это оценочный критерий, выражающийся в непосредственном, пренебрежительном, вызывающем и циничном отношении к данным фактам, что, думается, потребует подтверждения экспертным заключением.

Под осквернением символов воинской славы России понимается совершение действий, имеющих непристойный, циничный характер, посредством которых такие символы подвергаются поруганию, унижению, оскорблению, утрате общественной значимости. Но символы воинской славы России в федеральном законодательстве исчерпывающим образом не определены и, таким образом, это могут быть: боевые знамена воинских частей, военные геральдические знаки, медали, воинские государственные символы и др. Публичность содеянного означает совершение действия в присутствии хотя бы одного человека.

Субъективная сторона преступления характеризуется только прямым умыслом.

В целом следует признать, что закрепление уголовной ответственности за реабилитацию нацизма является социально обусловленным, но настоящая редакция ст. 354.1 УК РФ требует дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 898 с.

2. Сигарев А.В. Наказание за отрицание: к вопросу о юридической ответственности за искажение исторических фактов // История государства и права. 2014. N 1. С. 59-63.

3. Конституционное право зарубежных стран / под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2004. 320 с.

4. НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика) / П.В. Головненков, Г.А. Есаков, И.М. Мацкевич, У. Хелльманн; под общ. ред. И.М. Мацкевича. М.: Проспект, 2014. 264 с.

References

1. Traynin A.N. *Zashchita mira i bor'ba s prestupleniyami protiv chelovechestva* [The defense of peace and the fight against crimes against humanity]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 898 p.

2. Sigarev A.V. *Nakazanie za otritsanie: k voprosu o yuridicheskoy otvetstvennosti za iskazhenie istoricheskikh faktov* [Punishment for denial: the question of legal responsibility for the distortion of historical facts]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law, 2014, no. 1, pp. 59-63.

3. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, Norma Publ., 2004. 320 p.

4. Golovnenkov P.V., Esakov G.A., Matskevich I.M., Khell'mann U. *NeObyknovennyy fashizm (kriminologicheskaya i ugolovno-pravovaya kharakteristika)* [Unusually fascism (criminological and criminal legal description)]. Moscow, Prospect Publ,, 2014. 264 p.

ЯРОСЛАВЦЕВ С.Ф.,
кандидат юридических наук,
tumlawin@mail.ru
Отдел координации научных исследований
и внедрения передового опыта;
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

YAROSLAVTSEV S.F.,
Candidate of Legal Sciences,
tumlawin@mail.ru
Department of Scientific
Research Coordination
and Best Practices Application;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ АВТОТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ПРИРОДООХРАННЫЙ АСПЕКТ)

Реферат. Проведено терминологическое исследование категорий «политика», «экологическая политика» и «эколого-правовая политика» на основе анализа определений, сформулированных ведущими специалистами в области теории права и экологического права. Анализируются объем и содержание понятий, их соотношение, гносеологический потенциал, приводятся основные позиции авторов, внесших наибольший вклад в исследование вопроса. Предлагаются к введению в устойчивый научный оборот понятия «эколого-автотранспортные отношения», «эколого-автотранспортные правоотношения» и «эколого-правовая политика в сфере регулирования автотранспортных отношений». Терминологические изыскания проводятся исходя из природоохранной направленности такой политики. Под эколого-правовой политикой регулирования автотранспортных отношений предлагается понимать деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования эколого-автотранспортных отношений. Обосновываются основные признаки эколого-автотранспортной правовой политики: властный характер; преобразовательная роль в изменении эколого-автотранспортных отношений; закрепленность в нормах права; реализация посредством специального механизма правового регулирования. Констатируется, что эколого-правовая политика в области регулирования автотранспортных отношений (или эколого-автотранспортная правовая политика) направлена на снижение уровня неблагоприятного воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, жизнь и здоровье человека. При этом эколого-автотранспортная правовая политика является направлением эколого-правовой политики, предметом которой выступают эколого-автотранспортные отношения. Критикуется декларативность норм экологического права (статья 42 Конституции Российской Федерации) в сравнении с реальной эколого-правовой политикой Российского государства; отсутствие синхронности между такой политикой и земельной, дорожно-строительной и градостроительной политикой. Дается отрицательная оценка возможностям реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Отмечаются основные недостатки механизма эколого-правового регулирования.

Ключевые слова: политика, экологическая политика, эколого-правовая политика, эколого-автотранспортные отношения, эколого-автотранспортные правоотношения.

THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF MOTOR TRANSPORT RELATIONS (ENVIRONMENTAL ASPECT)

Abstract. Terminological research of the categories "policy", "environmental policy", "environmental and legal policy", based on analysis of definitions formulated by leading experts in the field of theory of law and environmental law and environmental dimension of such policies, is conducted. The concept's scope and content, their correlation and epistemological potential are analyzed. The main standpoints of those who contributed most to the study of the problem are presented. It's proposed to introduce the concepts "environmental and motor transport relations", "environmental and motor transport legal relations", "environmental and legal policy in the sphere of motor transport relations regulation" into scientific use. Environmental and legal policy of motor transport relations regulation is interpreted as state activities to establish an effective mechanism of environmental and motor transport relations' legal regulation. The main features of environmental and motor transport legal policy are substantiated: imperious character, transformative role in changing environmental and motor transport relations, legislative fixa-tion, implementation by special mechanism of legal regulation. It's stated that environmental and legal policy in the sphere of motor transport relations regulation (environmental and

motor transport legal policy) is aimed at reducing the adverse effect of motor vehicles on the environment, human life and health. This policy is the area of environmental and legal policy, which subject is environmental and motor transport relations. Declarative nature of environmental law as compared with the real Russian environmental and legal policy is criticized. Possibility to exercise victim's right to compensation for damage caused by environmental offence is negatively estimated. The drawbacks of environmental and legal regulation mechanism are noted.

Keywords: policy, environmental policy, environmental and legal policy, environmental and motor transport relations, environmental and motor transport legal relations.

Рассуждая о правовой охране окружающей природной среды от негативного воздействия на нее автомобильного транспорта, необходимо конкретизировать указанные охраняемые общественные отношения и отграничить их от иных схожих и смежных отношений. В этих целях можно ввести новое понятие, характеризующее общественные отношения, возникающие в сфере охраны окружающей природной среды, но не всякие отношения, а лишь те, неотъемлемыми атрибутами которых являются автотранспортные средства и все, что связано с их созданием, обслуживанием, эксплуатацией, хранением и утилизацией.

В существующих научных изданиях нет определения данного понятия, между тем, учитывая специфический предмет исследования, необходимо выделить обозначенные выше отношения из всей совокупности отношений, возникающих в сфере охраны окружающей природной среды, и предложить следующую их дефиницию.

Поскольку необходимым атрибутом таких отношений является автотранспортное средство и все, что с ним связано, будем называть их эколого-автотранспортными отношениями. Иными словами, **эколого-автотранспортные отношения** – это общественные отношения, возникающие по поводу охраны окружающей природной среды от вредных химических и физических воздействий в процессе создания, обслуживания, эксплуатации и утилизации автотранспортных средств.

Для дальнейшего построения и развития темы статьи необходимо ввести понятие «эколого-автотранспортные правоотношения».

Таким образом, используя предложенное выше понятие эколого-автотранспортных отношений, резюмируем, что **эколого-автотранспортные правоотношения** – это урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие по поводу охраны окружающей природной среды от вредных химических и физических воздействий в процессе создания, обслуживания, эксплуатации и утилизации автотранспортных средств.

Эколого-правовая политика в области регулирования автотранспортных отношений (или эколого-автотранспортная правовая политика) направлена на снижение уровня неблагоприятного воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду, жизнь и здоровье человека. При этом эколого-автотранспортная правовая политика является одним из направлений эколого-правовой политики, предметом правового регулирования которой выступают эколого-автотранспортные отношения.

Эколого-правовая политика в государстве проявляется в реализации особо значимых для общества интересов, а именно интересов сохранения (воссоздания) благоприятных условий для жизни человека, недопущении деградации окружающей природной среды. Таким образом, правовая политика, направленная на решение столь важных вопросов, должна являться одним из главных звеньев государственной правовой политики. Реализация мер эколого-правовой политики должна обеспечивать выполнение государством экологической функции, которую многие ученые-правоведы справедливо расценивают как одну из важнейших функций государства [1; 2].

Залогом эффективности действующих правовых норм является понятийная определенность используемых законодателем правовых категорий, позволяющая отождествить их с категориями фактическими. Это исключает субъективный критерий толкования правовых терминов. При этом следует отметить особое значение четкой понятийной определенности в экологическом праве, что связано не только с трудностями выделения самостоятельных экологических объектов правового регулирования, но и с возможностью отображения их фактических признаков в право-

вых дефинициях. Это обусловлено прежде всего органическим взаимодействием и неразрывностью всех элементов, составляющих окружающую природную среду. Однако так или иначе законодательное определение этих категорий необходимо, ибо они выражают объект нормативно-правового регулирования и позволяют установить границы действия правовых норм.

Таким образом, невозможно говорить о правовом регулировании эколого-автотранспортных отношений и, соответственно, об эколого-автотранспортной правовой политике, не обозначив четко понятия указанных объектов, поскольку именно понятие изучаемого явления служит отправной точкой в его исследовании.

В связи с этим считаем уместным привести слова В.К. Бабаева о том, что «будучи формой мышления, понятие в абстрактном виде содержит в себе наиболее значимые стороны и элементы этого явления. Общее определение анализируемого понятия должно в концентрированном виде отражать все его существенные признаки» (Бабаев В.К., 1978).

Следовательно, рассуждая об эколого-правовой политике регулирования автотранспортных отношений (понятие эколого-автотранспортной правовой политики будем принимать за тождественное), необходимо сформулировать это понятие и определить его взаимосвязь с такими правовыми категориями, как «политика», «правовая политика» и «экологическая политика».

Поскольку понятие «политика» является родовым по отношению к различным ее видам, постольку целесообразно в первую очередь привести существующие в научной литературе и известные подходы ученых-правоведов в определении правовой категории «политика».

По словам Н.В. Путило, который подчеркивает социальную направленность политики, «политика – это особая социальная деятельность, связанная с использованием рычагов публичной власти» [3, с. 124]. Макс Вебер также отмечал, что сущность политики – в использовании власти (Вебер М., 1990).

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие волеизъявления властных структур и использование властных полномочий – один из необходимых признаков политики.

Карл Манхейм характеризовал политику как «более или менее сознательное участие всех слоев данного общества в деле преобразования посюстороннего мира» (Манхейм К., 1994).

В соответствии с подходом А.И. Демидова политика – это «объективно обусловленное и целенаправленное участие больших масс людей, организованных социальных групп в делах государства, в решении проблем, относящихся к жизни общества в целом, с помощью использования властных механизмов» [4, с. 4].

Следовательно, второй признак политики – ее преобразовательная направленность, нацеленность на решение каких-либо общественно важных задач, проблем, а третий признак – участие в этой преобразовательной деятельности больших масс людей, включающих в себя различные социальные слои.

Не противоречит этим выводам и приведенное ниже мнение А.И. Демидова, который также обращает внимание на деятельный, активный характер политики, позволяющий людям через нее влиять на многие стороны своей жизни. По словам автора, политика всегда в той или иной мере связана с действиями больших масс людей, что вполне естественно для нее в силу связи с отражением и выражением интересов значительных социальных групп, и реализуется как их солидарное действие [4, с. 1].

Итак, родовое понятие «политика» имеет собирательное значение и в основном отражает властный характер политики и ее активную деятельную сущность, направленную на преобразование каких-либо общественных отношений.

Далее для сопоставления понятий «политика» и «правовая политика», для обозначения того, как эти понятия соотносятся между собой, приведены различные мнения ученых-правоведов, которые сводятся в основном к мнению о том, что правовая политика и политика соотносятся как часть и целое, или правовая политика – один из видов политики. Так, правовая часть присутствует во всех разновидностях политики.

В.И. Минеева, говоря о правовой политике как об особой форме выражения государственной политики, как об особом средстве преобразования общества, замечает, что любая разумная политика должна

быть правовой в принципе, то есть вырабатываться и реализовываться на основе юридических норм [5, с. 278].

В связи с этим уместно привести мнение Н.И. Матузова, который указывает, что «правовая политика – один из видов политики как родового интеграционного понятия, и поэтому нельзя уяснить суть ее, не зная, что такое политика вообще. Иными словами, любое определение правовой политики не должно расходиться с общим представлением о политике в ее традиционном смысле, которая в наиболее абстрактной форме обычно интерпретируется как область взаимодействия между различными социальными группами, партиями, нациями, народами, государствами, властью и населением, гражданами и их объединениями. Это важнейший и сложнейший пласт общественной жизни, самостоятельный мир политических ценностей» [6, с. 76].

Указанный автор, характеризуя правовую политику, также отождествляет с ней политику «в сфере права», осуществляемую «посредством действия права», «с помощью правовых средств», подчеркивая при этом более широкое значение политики как таковой (Матузов Н.И., 1998).

В.И. Минеева среди мер реализации политики называет и правовые: «...при анализе нормативно-правовых актов обнаруживались не только организационные, финансовые, технические и иные меры реализации политики в определенной сфере, но и правовые» [5, с. 275].

Также следует заметить, что правовая политика не всегда воспринималась как реально существующее явление. Исторически она рассматривалась как набор определенных идей, взглядов, представлений о праве и неправе, как прикладная наука, призванная оценивать действующее законодательство и способствовать выработке более совершенного права.

Н.А. Беляев характеризует правовую политику как «выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности государственных и общественных органов и организаций по охране интересов трудящихся» [7, с. 12]. Ю.А. Титенко указывает, что правовая политика является основополагающим фактором правового развития общества и государства [8, с. 65-69].

Проанализировав известные подходы к пониманию правовой политики, можно сделать вывод, что именно понимание такой ее важной стороны, как осуществление ее «посредством действия права», «с помощью правовых средств», необходимо для того, чтобы выделить ее главную особенность, отличающую правовую политику от политики как социального феномена, и охарактеризовать ее как феномен правовой.

По мнению ряда исследователей, правовая политика – это явление, относящееся именно к сфере права, а не политики. Но в действительности существование политического аспекта правовой политики неизбежно, ибо он состоит в особой направленности правовых действий, ориентированности на политический эффект как их желаемый результат.

Н.В. Путило подчеркивает двойственную природу правовой политики, которая, по его мнению, проявляется, с одной стороны, в том, что это политика, но основанная на праве, а с другой стороны – это право, используемое в качестве средства властвования и управления в политической сфере общества [3, с. 126].

В.А. Хохлов, акцентируя внимание на правовой (а не политической) составляющей правовой политики, определяет ее как совокупность правовых действий, ориентированных на политический эффект [9, с. 10].

С точки зрения И.М. Приходько, подчеркивающего властный, обязательный для всех принцип реализации правовой политики, «правовая политика – это система мероприятий, осуществляемых государственными органами от имени государства в связи с правом» [10, с. 156].

Н.И. Матузов рассматривает правовую политику как комплекс целей, мер, задач, программ, установок. При этом имеется в виду область отношений, связей и интересов, охватываемых понятием «правовое пространство» и объективно нуждающихся в регулятивном опосредовании (упорядочении) со стороны публичной власти. По его мнению, «разработка эффективной правовой политики государства, обоснование концепции правового развития на ближайшее время и на перспективу – одна из неотложных задач современной юридической науки» [11, с. 77, 75].

Следовательно, применительно к понятию «эколого-правовая политика»

таким правовым пространством является комплекс целей, мер, задач, программ, установок, направленных на урегулирование эколого-правовых отношений, возникающих в повседневной деятельности граждан и их объединений, юридических лиц, органов власти и местного самоуправления и т.п. При этом итогом реализации такого комплекса правовых средств должно стать снижение (в идеале – нивелирование) неблагоприятного воздействия техногенной и антропогенной деятельности на окружающую природную среду, повышение качества среды обитания человека, животного и растительного мира на территории государства.

Соглашаясь со справедливостью приведенных выше мнений относительно определения понятия правовой политики, заметим, что наиболее удачно отражена суть данной правовой категории в подходе А.В. Малько, в соответствии с которым «правовая политика – это деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования» [12, с. 149].

Используя указанный подход, можно сформулировать следующее определение: **эколого-правовая политика** – это деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования отношений, возникающих в сфере охраны окружающей природной среды.

Учитывая предложенную выше дефиницию эколого-автотранспортных отношений, дадим определение понятия эколого-правовой политики регулирования автотранспортных отношений. Под **эколого-правовой политикой регулирования автотранспортных отношений** будем понимать деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования эколого-автотранспортных отношений.

При этом основными признаками эколого-автотранспортной правовой политики являются: 1) ее властный характер, 2) активная, преобразовательная сущность, направленная на изменение (совершенствование) эколого-автотранспортных отношений, 3) обязательное закрепление в нормах права, 4) реализация посредством специально для этого созданного механизма правового регулирования.

Также целесообразно отразить различные подходы к определению экологической политики и эколого-правовой политики, поскольку эти понятия не являются тождественными, исходя из проведенного выше анализа понятий «политика» и «правовая политика».

Экологическая политика является одним из направлений государственной политики. В справочной литературе под экологической политикой понимается «основанное на общечеловеческом подходе общегосударственное решение практических проблем экологии и охраны природы, стоящих перед обществом и связанных с возрастающим воздействием хозяйственной деятельности человека на среду обитания живых существ (включая самого человека)» [13, с. 452], а глобальная экологическая политика характеризуется как «проведение международно-правовых, политических и внешнеэкономических акций с учетом экологических ограничений в социально-экономическом развитии, запасов имеющихся в мире ресурсов и их распределения» [14, с. 175].

При этом Н.В. Шуленина считает, что «основой экологической политики должно стать определение экологической проблемы как проблемы нормализации жизненных условий» [15, с. 43-54].

С точки зрения А.А. Панфилова и И.А. Сосуновой, государственная экологическая политика – это «система специфических политических, экономических, юридических и иных мер, принимаемых государством для управления экологической ситуацией и обеспечения рационального использования природных ресурсов на территории страны» [16, с. 28-38].

В рамках социальной экологии экологическая политика представлена как «сознательная и организованная регулирующая деятельность, с помощью которой и при посредничестве государства и общественных, а особенно политических организаций регулируется отношение общества к природе с целью защиты и развития окружающей среды» [17, с. 359].

Таким образом, все обозначенные подходы к определению экологической политики аналогичны в том, что экологическая политика – это совокупность каких-либо действий, мер, акций, предпринимаемых на уровне государства и направленных на охрану окружающей среды.

Отмечая важность существования и реализации в государстве экологической политики, Н.В. Шуленина констатирует, что экология пока не является сферой повышенного интереса отечественной политической науки. Несмотря на то, что в течение последних десяти лет происходит реформирование политической системы, формирование и совершенствование нормативно-правовой базы деятельности по охране природы и, как следствие, осознание необходимости решения экологических проблем постепенно проникает на государственный уровень, не следует ограничиваться общей декларацией важности подхода к эффективности реализации экологической политики. Экологическая политика должна формироваться как практический инструмент обеспечения надежной системы приоритетов и индикации различных моделей устойчивого развития, охраны природы, обеспечения разумного природопользования и здоровья человека [18, с. 51].

При отражении различных подходов к характеристике экологической политики заслуживает внимания мнение В.С. Степаненко, которая отмечает, что в процессы осуществления экологической политики вовлечены разные субъекты: органы государственной и исполнительной власти различного уровня, партии, специализированные объединения, предприниматели и граждане. Их интересы нередко не совпадают, а поиск компромиссов наталкивается на сопротивление отдельных социальных групп [19, с. 5].

Замечание указанного автора подчеркивает отсутствие определенности, постоянства и стабильности экологической политики в целом как вида политической деятельности.

Эколого-правовая политика должна быть лишена таких недостатков, так как она является отражением экологической политики, закрепленной в нормах права, то есть более стабильным и нормативно определенным проявлением экологической политики, будучи при этом составной частью государственной правовой политики. С другой стороны, экологическая политика, выступая в роли «практического инструмента... обеспечения разумного природопользования и здоровья человека» [18, с. 51], обладает мобильностью и реактивностью – достоинствами, которых лишена политика эколого-правовая. При этом необходимо учитывать инертность и неповоротливость механизма законотворчества.

В связи с этим можно привести высказывание М.И. Васильевой, которая считает, что «законодательство есть не более, чем правовая форма политики», а также отмечает несовпадение декларированной и реальной экологической политики, в связи с чем сохраняется известная автономность теоретических конструкций от экологической политики, экономических и иных реалий развития страны [20, с. 9].

Между тем необходимость подведения правовой основы под существующие и планируемые направления экологической политики подчеркивается в работах многих авторов-правоведов в области экологического права. Таким образом, в истинно правовом государстве экологическая политика должна иметь нормативно-правовую основу, то есть совпадать с эколого-правовой политикой. Только тогда будет достигаться максимальный эффект в реализации целей, закрепленных в правовых нормах посредством законных методов.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что эколого-правовая политика – это составная часть государственной правовой политики, предметом правового регулирования которой являются отношения, возникающие в сфере охраны окружающей среды. С другой стороны, эколого-правовая политика – это выраженная в нормах законодательства экологическая политика государства. Законодательное закрепление экологической политики осуществляется посредством введения в действие эколого-правовых норм – норм права, содержащих дозволения, обязанности и запреты в сфере охраны окружающей природной среды.

Экологическая политика может быть шире эколого-правовой политики в случае отсутствия закрепления отдельных положений первой в нормах законодательства, а также может не совпадать или идти вразрез с эколого-правовой политикой в силу отличия реальных политических шагов от декларативных норм.

Одним из примеров является несовпадение эколого-правовой нормы, закрепленной в статье 42 Конституции РФ

(«Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»), с реальной действительностью, когда по политическим мотивам благоприятная окружающая среда приносится в жертву экономическим и иным интересам власть имущих, подлинная информация об окружающей среде скрывается или искажается.

Гарантия благоприятной окружающей среды, провозглашенная в Основном законе — Конституции РФ, в отношении жителей городских поселений перечеркивается антиэкологическими мерами «компетентных» органов, утверждающих планы городов, в основу которых ложится не экологическая идея создания благоприятной окружающей среды для горожан, а идея экономии земельных участков, дорожных материалов, инженерных сетей и др. В результате дома в городах строятся скученно, с минимальными по размеру дворами и зонами зеленых насаждений, в непосредственной близости от узких и неудобных автодорог, которые не справляются с пропуском все возрастающих автомобильных потоков.

Также довольно проблематичной на практике является реализация закрепленного в действующем законодательстве права потерпевшего на получение возмещения ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В связи с этим государственная политика по направленности воздействия на правопорядок может быть как поддерживающей право, так и разрушающей его.

По мнению В.Н. Путило, государственная политика не должна идти впереди права, то есть политическая целесообразность обязана обладать и качеством правовой необходимости [3, с. 127].

Теоретически указанное замечание вполне справедливо, однако имеются основания предполагать, что такое теоретическое положение не всегда будет согласоваться с практикой, поскольку экологическая политика является базисом, на котором строится эколого-правовая политика. Причем, учитывая инертность законотворческого процесса, логично сделать вывод, что экологическая политика будет всегда изменяться быстрее и соответствовать реальной жизни больше, чем политика эколого-правовая. Однако последняя, в силу своего нормативного правового характера, имеет свойство реально воздействовать посредством правовых норм на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды.

Учитывая, что экологическая политика проявляется на различных уровнях — глобальном (межгосударственном), государственном, межрегиональном, региональном, муниципальном, локальном, то и соответствующие правовые нормы должны приниматься также на различных уровнях. Более того, необходимо своевременное принятие эколого-правовых норм, подкрепляющих на законодательном и нормативном уровне прогрессивные направления экологической политики государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, отдельных организаций.

При этом приходится констатировать, что со дня издания этих норм до начала их реального исполнения проходит значительный промежуток времени, поскольку «действие права зависит от совместных усилий многих субъектов. Для примера достаточно представить необходимость соблюдения норм о чистоте атмосферного воздуха в большом городе. Отсюда возникают организационные проблемы увязки правоисполнительной деятельности, разработки комплексных и целевых программ, создания единых управленческих органов».

Список литературы

1. Бринчук М.М. Экологическая функция Российского государства: проблемы реализации // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конференций. Вып. 3 / сост.: А.К. Голиченков, И.А. Игнатьева, А.О. Миняев; под ред. А.К. Голиченкова. М.: Тиссо, 2002.

2. Миронов В.С. Экологическая функция государства: понятие, содержание, формы и методы осуществления (сравнительный анализ на примере России и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 25 с.

3. Социология права: учеб. пособие / под ред. В.М. Сырых. М.: Юстицинформ, 2001. 480 с.

4. Демидов А.И. Политика: понятие и природа // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003.

5. Минеева В.И. Экологическая политика, ее место и роль в системе правовой политики Российского государства // Сборник научных трудов юридического факультета СевКавГТУ. Ставрополь: Северо-Кавказский гос. технический ун-т, 2004. Вып. 6.

6. Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003.

7. Беляев Н.А. Уголовная политика на современном этапе // Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. СПб., 1992.

8. Титенко Ю.А. Роль правовой политики в правовом развитии общества и государства // Право и государство. 2007. N 4. С. 65-69.

9. Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. 320 с.

10. Приходько И.М. Роль юридических организаций в осуществлении правовой политики в России // Правоведение. 1997. N 4. С. 156-157.

11. Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: курс лекций. М.: НОРМА, 2003.

12. Малько А.В. Правовая политика как способ организации правовой жизни // Российская правовая политика: курс лекций. М.: НОРМА, 2003.

13. Экология и охрана окружающей среды: толковый терминологический словарь / С.М. Вишнякова, Г.А. Вишняков, В.И. Алешукин, Н.Г. Бочарова. М.: Всемирный следопыт, 1998. 480 с.

14. Экология человека. Словарь-справочник / Н.А. Агаджанян [и др.]. М., 1997. 208 с.

15. Шуленина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. N 4. С. 43-54.

16. Панфилов А.А., Сосунова И.А. Государственная экологическая политика: узловые проблемы формирования // Социально-политический журнал. 1997. N 6. С. 28-38.

17. Маркович, Данило Ж. Социальная экология: монография. М.: Изд-во РУДН, 1997. 436 с.

18. Шуленина Н.В. К вопросу об определении понятия «экологическая политика» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2006. N 8. С. 51-63.

19. Степаненко В.С. Реализация экологической политики в условиях крупного города: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 215 с.

20. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. N 2. С. 8-18.

References

1. Brinchuk M.M. *Ekologicheskaya funktsiya Rossiyskogo gosudarstva: problemy realizatsii* [The ecological function of the Russian state: problems of implementation]. *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental Law of Russia]. Moscow, Tisso Publ., 2002. Edition 3.

2. Mironov V.S. *Ekologicheskaya funktsiya gosudarstva: ponyatie, soderzhanie, formy i metody osushchestvleniya (sravnitel'nyy analiz na primere Rossii i Germanii). Avtoref. Kand. Diss.* [Ecological function of the state: the concept, content, forms and methods (comparative analysis of the case of Russia and Germany). Autoabstract Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 25 c.

3. *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2001. 480 p.

4. Demidov A.I. *Politika: ponyatie i priroda* [Policy: concept and nature]. *Rossiyskaya pravovaya politika* [Russian legal policy]. Moscow, Norma Publ., 2003.

5. Mineeva V.I. *Ekologicheskaya politika, ee mesto i rol' v sisteme pravovoy politiki Rossiyskogo gosudarstva* [Environmental policy, its place and role in the legal policy of the Russian State]. *Sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta SevKavGTU* [Collection of scientific works of the law faculty North Caucasus State Technical University]. Stavropol, North Caucasus State Technical University, 2004, Edition 6.

6. Matuzov N.I. *Pravovaya politika: sushchnost', kontseptsiya, real'nost'* [Legal Policy: essence, the concept of reality]. *Rossiyskaya pravovaya politika* [Russian legal policy]. Moscow, NORMA Publ., 2003.

7. Belyaev N.A. *Ugolovnaya politika na sovremennom etape* [Criminal policy at the present stage]. *Ugolovnoe pravo na sovremennom etape: problemy prestupleniya i nakazaniya* [Criminal Law at the present stage: the problems of crime and punishment]. St. Petersburg, 1992.

8. Titenko Yu.A. *Rol' pravovoy politiki v pravovom razvitii obshchestva i gosudarstva* [The role of legal policy in the legal development of society and the state]. *Pravo i gosudarstvo* – Law and the State, 2007, no. 4, pp. 65-69.

9. Khokhlov V.A. *Otvetstvennost' za narushenie dogovora po grazhdanskomu pravu* [Liability for breach of contract in civil law]. Togliatti, 1997. 320 p.

10. Prikhod'ko I.M. *Rol' yuridicheskikh organizatsiy v osushchestvlenii pravovoy politiki v Rossii* [The role of legal institutions in the implementation of legal policy in Russia]. *Pravovedenie* – Jurisprudence, 1997, no. 4, pp. 156-157.

11. Matuzov N.I. *Pravovaya politika: sushchnost', kontseptsiya, real'nost'* [Legal Policy: essence, the concept of reality]. *Rossiyskaya pravovaya politika* [Russian legal policy]. Moscow, NORMA Publ., 2003.

12. Mal'ko A.V. *Pravovaya politika kak sposob organizatsii pravovoy zhizni* [Russian legal policy]. Moscow, NORMA Publ., 2003.

13. Vishnjakova S.M., Vishnjakov G.A., Aleshukin V.I., Bocharova N.G. *Ekologiya i okhrana okruzhayushchey sredy: tolkovyy terminologicheskiy slovar'* [Ecology and Environment: definitions and terminology]. Moscow, Vsemirnyy sledopyt Publ., 1998. 480 p.

14. Agadzhanjan N.A. [i dr.]. *Ekologiya cheloveka. Slovar'-spravochnik* [Human Ecology. Reference Dictionary]. Moscow, 1997. 208 p.

15. Shulenina N.V. *Ekologicheskaya politika sovremennoy Rossii: ot imperativov k argumentam* [Environmental policy of modern Russia: from the imperatives of the arguments]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* – Herald of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Politics, 2003, no. 4, pp. 43-54.

16. Panfilov A.A., Sosunova I.A. *Gosudarstvennaya ekologicheskaya politika: uzlovye problemy formirovaniya* [State environmental policy: the key problems of formation]. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal* – Socio-political magazine, 1997, no. 6, pp. 28-38.

17. Markovich, Danilo Zh. *Sotsial'naya ekologiya* [Social ecology]. Moscow, Publishing House People's Friendship University, 1997. 436 p.

18. Shulenina N.V. *K voprosu ob opredelenii ponyatiya «ekologicheskaya politika»* [Environmental policy of modern Russia: from the imperatives of the arguments]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* – Herald of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Politics, 2006, no. 8, pp. 51-63.

19. Stepanenko V.S. *Realizatsiya ekologicheskoy politiki v usloviyakh krupnogo goroda. Kand. Diss.* [Implementation of environmental policy in the context of a large city. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 215 p.

20. Vasil'eva M.I. K*ontseptual'nye voprosy sovershenstvovaniya ekologicheskoy politiki i zakonodatel'stva ob okhrane okruzhayushchey sredy* [Conceptual issues of improving environmental policy and legislation on environmental protection]. *Ekologicheskoe pravo* – Environmental Law, 2007, no. 2, pp. 8-18.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

ДЕРИШЕВ Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
derishev.omsk@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Омская юридическая академия,
644010, г. Омск, Короленко, 12

DERISHEV Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
derishev.omsk@mail.ru
Chair of Criminal Procedure
and Criminalistics;
Omsk Law Academy,
Korolenko St. 12, Omsk, 644010,
Russian Federation

ЗЕМЛЯНИЦИН Е.И.,
ez.lawyer.omua@gmail.com
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Омская юридическая академия,
644010, г. Омск, Короленко, 12

ZEMLYANITSIN E.I.,
ez.lawyer.omua@gmail.com
Chair of Criminal Procedure
and Criminalistics;
Omsk Law Academy,
Korolenko St. 12, Omsk, 644010,
Russian Federation

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Реферат. В 2013 году de jure появился новый участник уголовного судопроизводства — лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Констатируется отсутствие должной законодательной регламентации процессуального статуса этого лица (с позиций его права на защиту и возможности участвовать в процессуальных отношениях). Делается четкое отграничение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, от обвиняемого, такое лицо — de facto подозреваемый. Исследуются источники международного и европейского права, международные договоры Российской Федерации в сфере действия презумпции невиновности и оснований уголовного преследования. Определено, что такое преследование связано исключительно с фигурой обвиняемого. Обусловленность появления такого лица правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации и самим назначением уголовного судопроизводства не повлекли закрепление его реального процессуального статуса (прав и обязанностей), что не позволяет ему использовать законные гарантии от уголовного преследования. Близость положения такого лица к статусу подозреваемого определяется отсутствием на этапе подозрения и на стадии проведения проверки достаточных данных, позволяющих сделать вывод о причастности и предъявить обвинение. Предлагается распространить процессуальный статус подозреваемого на стадию возбуждения уголовного дела: «Подозреваемым лицо считается с момента осуществления фактических действий, направленных на его изобличение в совершении преступления до момента предъявления обвинения в установленном законом порядке». Это позволит решить проблему периодически расширяемого перечня оснований для признания лица подозреваемым. Целесообразно ввести акт процессуального уведомления о начале уголовного преследования, с вынесением которого лицо ставилось бы в статус подозреваемого.

Ключевые слова: предварительная проверка сообщения о преступлении, подозреваемый, обвиняемый, уголовное судопроизводство, международное законодательство.

PROCEDURAL STATUS OF THE PERSON AGAINST WHOM A PRELIMINARY VERIFICATION OF REPORTING A CRIME IS CONDUCTED

Abstract. Since 2013, de jure, there's a new party to criminal proceedings: a person under verification of reporting a crime. Lack of proper legislative regulation of such person's procedural status (concerning his right to defence and participation in procedural relations) is stated. Clear distinction of a person against whom a check of reporting a crime is conducted (de facto suspect) from accused is made. The international and European law sources, the RF international treaties relating to presumption of innocence and grounds of prosecution are examined. It's determined that such prosecution is connected with the accused. Emergence of new party was caused by the legal position of the RF Consti-

tutional Court and the purpose of criminal proceedings, but it didn't result in fixing its real procedural status (rights and obligations). That doesn't allow a person to use legal guarantees against prosecution. The proximity of such person's status to the suspect's status is determined by lack of sufficient data allowing to draw a conclusion about participation in crime and bring charges at the stages of suspicion and verification. It's proposed to extend the suspect's procedural status to the stage of bringing a criminal case: "a person is considered a suspect from the moment of performing actions aimed at accusing him of committing a crime till the moment of bringing charges in accordance with law". This can solve the problem of grounds for recognizing a person as a suspect. The authors propose to introduce the notification procedure concerning the prosecution initiation, which would mean recognizing a person as a suspect.

Keywords: preliminary verification of reporting a crime, suspect, accused, criminal proceedings, international legislation.

Федеральный закон от 4 марта 2013 года N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» среди отдельных новелл уголовного судопроизводства в рамках расширения его субъектного состава предложил ранее de jure неизвестного участника уголовно-процессуальных отношений – *лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении**. Предпосылки данного решения были заложены более 10 лет назад в известном постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»**.

В частности, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации указывает на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. В связи с этим право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным. Таким образом, Конституционный Суд РФ не связывает возможность привлечения к участию в уголовно-процессуальных отношениях адвоката в качестве защитника с наделением лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого

Мотивация законодателя относительно введения п. 6 ч. 2 ст. 49 УПК РФ, оговаривающего особенности процессуального положения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, понятна. Вместе с тем подобная норма видится нам не безупречной.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов *подозреваемых и обвиняемых* и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Таким образом, анализ положений ч. 3 ст. 49 УПК РФ, применяемых в правовом единстве с ч. 1 ст. 49 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что закон связывает появление в уголовном судопроизводстве защитника с наделением лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Можно заметить некоторое несоответствие положений ч. 1 и ч. 3 ст. 49 УПК РФ, поскольку ст.ст. 46 и 47 УПК РФ четко устанавливают моменты наделения лица статусом подозреваемого или обвиняемого и среди них нет такого основания, как «проведение в отношении лица предварительной проверки сообщения о преступлении». Следовательно, возникает вопрос о возможности уравнять правовые статусы этого лица, с одной стороны, и подозреваемого, обвиняемого – с другой.

Содержание рассматриваемого постановления Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что наделение лица правом на защиту основано только на осуществлении в отношении его «изобличительной» деятельности, или, иными словами, уголовного преследования.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 9. Ст. 875.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 27. Ст. 2882.

В определенной степени именно поэтому Верховный Суд РФ в новой редакции абз. 1 п. 17 постановления от 31 октября 1995 г. N 8 ведет речь уже обо всех случаях, когда обеспечение участия защитника в уголовном деле признается обязательным в силу ч. 1 ст. 51 УПК РФ*. Логический анализ всего текста п. 17 названного постановления позволяет утверждать, что, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, закрепленные в ч. 1 ст. 51 УПК РФ положения, касающиеся подозреваемого, обвиняемого, полностью распространяются и на лиц, о которых идет речь в пп. 5 и 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ [1].

Статья 144 УПК РФ дополнена частью 1.1, которая закрепила положение пользоваться услугами адвоката на этапе возбуждения уголовного дела. В литературе по этому поводу отмечается расхождение между положениями ст. 49 и ст. 144 УПК РФ. В первой говорится о защитнике, полномочия которого регламентированы ст. 53 УПК РФ, а во второй речь идет о праве на услуги адвоката, полномочия которого законом не регламентированы [2, с. 14].

Такой подход представляется необоснованно «зауженным», поскольку в нем не учитываются формы участия адвоката в уголовном судопроизводстве. Кроме того, не принимается во внимание тот факт, что помимо лиц, «в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлении», есть еще и лица, «дающие объяснения», заявители, очевидцы и другие участники, имеющие равное право на участие адвоката. Статья 49 УПК РФ регламентирует лишь процессуальные возможности уголовно преследуемых лиц, в то время как ст. 144 УПК РФ предусматривает право на квалифицированную юридическую помощь и для иных участников стадии возбуждения уголовного дела. Защитник же по определению может быть только у преследуемого лица, имеющего определенный процессуальный статус.

Во-вторых, процессуальное положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, абсолютно не детализировано. В УПК РФ отсутствует норма, которая позволила бы с точностью определить перечень процессуальных возможностей данного лица. Вследствие этого закономерным является вопрос, которым задается М.В. Махмутов: «Почему нельзя было сразу назвать это лицо подозреваемым? Почему у этого лица должно быть меньше прав, чем у подозреваемого?» [3, с. 40]. Действительно, при буквальном толковании положений п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ во взаимосвязи с п. 55 ст. 5 УПК РФ становится очевидным, что законодатель признает деятельность органов предварительного расследования по проверке сообщения о преступлении в отношении конкретного лица уголовным преследованием. Безусловно, некоторые противоречия наблюдаются и при регламентации иных процессуальных прав данного участника уголовного судопроизводства. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос о процессуальном статусе лица, подозреваемого (заподозренного) в совершении преступления, однако по сей день ведется полемика среди ученых-процессуалистов относительно необходимости совершенствования процессуального статуса данного лица [4, с. 3; 5, с. 10].

В то же время в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. N 1-П уточняется: «...в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой... принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел».

Верховный Суд РФ в одном из своих определений также констатировал, что задержание лица законно, если для этого были основания, предусмотренные законом, согласно которому задержание подозреваемого *не ставится* в зависимость от возбуждения против него уголовного дела. Исходя из этого, и статус подозреваемого лицо приобретает независимо от наличия возбужденного уголовного дела. Это соответствует позиции Конституционного Суда, высказанной в упоминавшемся выше постановлении от 27 июня 2000 г. N 11-П. В свою очередь, задержание лица

---

* О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. N 8: ред. от 16 апр. 2013 г. // Рос. газ. 1995. N 247; 2013. N 89.

на стадии возбуждения уголовного дела свидетельствует о том, что в отношении этого лица проводится (или будет проводиться) предварительная проверка. Следуя правилам логики, можно утверждать, что субъект, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении, является подозреваемым.

Отсутствует в законе и легальное определение термина «подозрение», что позволяет толковать его расширительно. Данное обстоятельство подтверждается и тем, что осуществление органом (лицом) уголовного преследования в отношении конкретного участника уголовно-процессуальных отношений без наличия «...основанных на разумных сомнениях предположений следователя, дознавателя, прокурора и суда о совершении конкретным лицом деяния, запрещенного уголовным законом», незаконно [6, с. 42].

Таким образом, фактически лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и подозреваемый — одно и то же лицо. Данный вывод соответствует и положениям ч. 1 ст. 49 и ст. 51 УПК РФ, которые предусматривают наличие права на защиту только у подозреваемого и обвиняемого.

В то же время, как представляется, нельзя отождествлять лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и обвиняемого, поскольку положения ст. 171 УПК РФ устанавливают требования относительно достаточности доказательств при предъявлении обвинения, выполнить которые на стадии возбуждения уголовного дела в подавляющем большинстве случаев не представляется возможным.

В-третьих, в нормах международного права и российского национального законодательства понятие лица, преследуемого в связи с преступлением, определяется по-разному. В большинстве международно-правовых актов слово «обвиняемый» применяется к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Кроме того, в различных правовых системах встречаются и иные наименования указанного субъекта уголовно-процессуальных отношений.

В статье 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. указано на необходимость обоснования органами преследования *обвинения* без упоминания о *подозрении**.

Подобным образом раскрывает сущность презумпции невиновности и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — Пакт), в ст. 9 которого названы такие субъекты, как *арестованный, лицо, ожидающее судебного разбирательства, задержанный.* В статье 10 Пакта, устанавливающей право лиц, лишенных свободы на гуманное обращение и уважение достоинства, упоминается только один субъект уголовно-процессуальных отношений — *обвиняемый*. Положения о презумпции невиновности в ст. 14 Пакта также связываются лишь с *обвиняемым*; при этом устанавливается, что «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»**.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. устанавливает минимальные права и свободы *обвиняемого*. Положения принципа презумпции невиновности указанная Конвенция связывает только с *обвиняемым****.

Европейская конвенция о выдаче 1957 г. называет лиц в зависимости от осуществляемых в отношении их действий: «лица, в отношении которых компетентные органы запрашивающей Стороны осуществляют судопроизводство в связи с каким-либо преступлением», «лицо, требуемое в связи с преступлением или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача»****.

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г. содержит в своих положениях наименование *«предполагаемый преступник»*, применяемое по отношению к лицу, в отношении которого имеются доказательства, достаточные

---

* Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.) // Рос. газ. 1995. N 67.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. N 12.

*** Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

**** Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 дек. 1957 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 23. Ст. 2348.

для установления prima facie, что оно совершило одно или более преступлений*.

В статье 17 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. (далее — Статут), регламентирующей вопросы приемлемости, упоминается *«лицо, которого касается уголовное преследование»*. Очевидно, что данный документ намеренно уходит от того, чтобы именовать преследуемых лиц подозреваемыми или обвиняемыми. Так, например, ч. 2 ст. 55 рассматриваемого Статута уточняет право лица быть уведомленным до начала допроса о наличии основания полагать, что им совершено преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда**. Аналогом в российском праве являются положения п. 1 ч. 4 ст. 46 и п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, с той лишь разницей, что лицо в этих статьях поименовано законодателем.

Кроме того, в Статуте упоминаются такие участники, как *арестованный, лицо, подвергнутое аресту, лицо, в отношении которого выдан ордер на арест*. И только лишь когда дело начинает касаться судебной стадии производства по уголовному делу, после производства предварительного слушания с целью утверждения обвинения, появляется обвиняемый.

В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), 1990 г. такие лица названы *правонарушителями*, независимо от того, обвиняются ли они или уже осуждены***.

В положениях ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Республикой Колумбией о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2010 года также отсутствует упоминание о подозреваемом. Вместо этого употребляется формулировка *«лица, в отношении которых ведется расследование или судебное разбирательство»*****.

Таким образом, нормы международного права не используют фигуру подозреваемого при определении процедуры привлечения лица к уголовной ответственности. Основным участником уголовно-процессуальных отношений является обвиняемый. Кроме того, международное законодательство признает даже первоначальные версии органов, осуществляющих расследование, обвинением и не считает необходимым наделять лицо «промежуточным» процессуальным статусом.

Исследование правового статуса «нового» участника уголовного судопроизводства позволяет сделать следующие выводы.

1. Несмотря на то, что статус лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении, был продиктован позицией Конституционного Суда Российской Федерации и нашел свое отражение в положениях УПК РФ, определяющих назначение уголовного судопроизводства, права и обязанности данного участника уголовно-процессуальных отношений фактически предусмотрены не были. Кроме того, отсутствие закрепленных в действующем законодательстве прав и обязанностей данного субъекта уголовно-процессуальных отношений лишает его процессуальных возможностей реализации права на защиту от уголовного преследования.

2. Процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка сообщения о преступлении, по своему содержанию схоже с процессуальным положением подозреваемого. Обусловлено это тем, что и на этапе подозрения, и на стадии проведения проверки в отношении лица еще отсутствуют достаточные данные, поз-

---

* Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Заключена в г. Нью-Йорке 14 дек. 1973 г.) // Борьба с терроризмом касается каждого. Библиотечка «Российской газеты». М., 2003. Вып. 13. С. 150-155.

** Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (Приняты 14 дек. 1990 г. Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Договор между Российской Федерацией и Республикой Колумбией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Подписан в г. Москве 6 апр. 2010 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воляющие сделать вывод о совершении лицом преступного деяния (*читай:* предъявить обвинение), т.е. имеются лишь предположения о возможной причастности лица к совершенному преступлению. Следовательно, целесообразно было бы расширить процессуальный статус подозреваемого и на стадию возбуждения уголовного дела, указав в положениях ст. 46 УПК РФ, что «Подозреваемым лицо считается с момента осуществления фактических действий, направленных на его изобличение в совершении преступления до момента предъявления обвинения в установленном законом порядке». Данное изменение позволило бы решить проблему периодически расширяемого перечня оснований для признания лица подозреваемым. Кроме того, целесообразно ввести акт процессуального уведомления о начале уголовного преследования, с вынесением которого лицо ставилось бы в статус подозреваемого.

Список литературы

1. Рыжаков А.П. Пленум Верховного Суда РФ требует соблюдения конституционных прав в уголовном, гражданском и административном процессах. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ведищев Н.П. Новый закон – новые проблемы у адвокатов // Адвокат. 2013. N 9. С. 13-16.

3. Махмутов М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. N 7. С. 39-43.

4. Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид. ин-та МВД России, 2001. 48 с.

5. Аверченко А.К., Лонь С.Л. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе. Томск: издательство НТЛ, 2003. 196 с.

6. Деришев Ю.В., Земляницин Е.И. Онтология и аксиология подозрения в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. N 3 (50). С. 39-42.

References

1. Ryzhakov A.P. *Plenum Verkhovnogo Suda RF trebuet soblyudeniya konstitutsionnykh prav v ugolovnom, grazhdanskom i administrativnom protsessakh* [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation demands observance of constitutional rights in criminal, civil and administrative processes]. Available at: Reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Vedishchev N.P. *Novyy zakon – novye problemy u advokatov* [The new law – new problems for lawyers]. *Advokat* – Lawyer, 2013, no. 9, pp. 13-16.

3. Makhmutov M.V. Zakon o doznanii v sokrashchennoy forme i reforma stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [The law on inquiry in the reduced form and reform of a stage of initiation of legal proceedings]. *Zakonnost'* – Legality, 2013, no. 7, pp. 39-43.

4. Panteleev I.A. *Podozrenie v ugolovnom protsesse Rossii* [Suspicion in Russian criminal procedure]. Ekaterinburg, Publisher Urals Law Institute Russian Ministry of Internal Affairs, 2001. 48 p.

5. Averchenko A.K., Lon' S.L. *Podozrevaemyy i realizatsiya ego prav v ugolovnom protsesse* [The suspect and realization of his rights in criminal procedure]. Tomsk, 2003. 196 p.

6. Derishev Yu.V., Zemlyanitsin E.I. *Ontologiya i aksiologiya podozreniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Ontology and axiology of suspicion in criminal proceedings]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* – Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013, no. 3 (50), pp. 39-42.

ЗАВОДНОВА С.В.,
zavodnova.sveta@mail.ru
Правовой отдел;
Управление Министерства
внутренних дел
Российской Федерации
по Тюменской области,
625000, г. Тюмень,
Водопроводная, 38

ZAVODNOVA S.V.,
zavodnova.sveta@mail.ru
Legal Department;
Department of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
on the Tyumen region,
Vodoprovodnaya St. 38,
Tyumen, 625000,
Russian Federation

ОБЯЗАННОСТИ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Реферат. Обосновано значение обязанностей должностных лиц, обеспечивающих права других участников уголовного судопроизводства (корреспондирующих им). Производство по уголовному делу, сама процессуальная деятельность целиком и полностью зависят от государственных органов и должностных лиц, наделенных полномочиями по принятию решения по сообщению о преступлении, возбуждению уголовного дела, производству всех следственных и процессуальных действий, принятию процессуальных решений, рассмотрению ходатайств участников процесса. Надлежащее закрепление и исполнение таких обязанностей непосредственно влияет на реализацию прав участников процесса. Обязанности должностных лиц, связанные с обеспечением прав участников уголовного процесса, недостаточно регламентированы в УПК РФ, а сами эти права закреплены в УПК РФ нечетко и не в полном объеме. Рассматриваются основные обязанности должностных лиц, направленные на обеспечение прав участников уголовного процесса, которые заключаются в разъяснении их процессуальных прав (в том числе права на обжалование), в своевременном ознакомлении с постановлениями, затрагивающими их права, своевременном вручении определенных постановлений, обеспечении участия в следственных действиях переводчика, защитника, законного представителя и т.д. Закон не содержит действенного механизма обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Обязанности властных субъектов являются одним из элементов данного механизма, гарантией обеспечения прав участников судопроизводства. С учетом правоприменительной практики предлагается закрепить в УПК РФ понятие процессуальных прав, новые обязанности должностных лиц, направленные на обеспечение процессуальных прав, действенную процедуру по обеспечению процессуальных прав. Процессуальные права должны обеспечиваться не только должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, но и должностными лицами в рамках осуществления прокурорского надзора и процессуального контроля.

Ключевые слова: обязанности, процессуальные права, следователь, прокурор, руководитель следственного органа.

THE DUTIES OF GOVERNMENT ENTITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS, AIMED AT ENSURING THE RIGHTS OF ITS PARTICIPANTS

Abstract. The importance of the duties of officials ensuring the rights of other criminal proceedings participants is substantiated. Criminal proceedings and procedural activity itself entirely depend on government bodies and officials empowered to decide on the report of a crime, initiate a criminal case, produce all investigative and procedural actions, take procedural decisions, consider petitions of process participants. Proper regulation and performance of such duties directly affects the implementation of rights of process participants. The duties of officials related to ensuring the rights of participants in criminal proceedings are insufficiently regulated by the RF Criminal Procedure Code, and the rights themselves aren't fixed clearly and fully. The main duties of officials to ensure the rights of participants in criminal process are examined. They are to explain participants' procedural rights (including the right to appeal), timely familiarize them with the regulations affecting their rights and deliver certain regulations, provide the participation of interpreter, defender, legal representative, etc. in investigative actions. The law doesn't contain an effective mechanism to ensure the procedural rights of participants in criminal proceedings. The duties of government entities are one of the elements of this mechanism and guarantee ensuring the rights of participants in the proceedings. Taking into account the law enforcement practice, it's proposed to fix in the RF Criminal Procedure Code the concept of procedural rights, new duties of officials and effective procedure to ensure procedural rights. Procedural rights should be

ensured not only by officials exercising criminal proceedings, but also by officials through prosecutor's supervision and procedural control.

Keywords: duties, procedural rights, investigator, prosecutor, head of the investigative body.

В системе обязанностей должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, важное место принадлежит обязанностям, направленным на обеспечение и реализацию прав участников уголовного судопроизводства, которые принято называть корреспондирующими. Так, например, право обвиняемого на защиту свидетельствует о корреспондирующей обязанности следователя (дознавателя) разъяснить ему это право и обеспечить участие защитника при производстве по уголовному делу (ст. 16 УПК РФ). У обвиняемого имеется право на заявление ходатайства; в свою очередь, следователь (дознаватель) обязан рассмотреть ходатайство в установленный законом срок. Обвиняемый имеет право на ознакомление с материалами уголовного дела, следователь (дознаватель) обязан по окончании предварительного расследования ознакомить обвиняемого с материалами уголовного дела и т.д. «Существенной гарантией уголовно-процессуальных прав одних субъектов правоотношения является безусловное выполнение корреспондирующих обязанностей другими участниками правоотношения» [1, с. 37]. «Право на чужие действия всегда требует корреспондирующей обязанности, поскольку, если поведение лица не связать юридической обязанностью, то право реализовать будет невозможно» [2, с. 113].

Уголовный процесс характеризуется властным, императивным методом правового регулирования, производство по уголовному делу, сама процессуальная деятельность целиком и полностью зависят от государственных органов и должностных лиц, поскольку именно они наделены полномочиями по принятию решения по сообщению о преступлении, полномочием на возбуждение уголовного дела, на производство всех следственных и процессуальных действий, принятие процессуальных решений, на рассмотрение ходатайств участников процесса. В связи с этим надлежащее исполнение обязанностей должностными лицами, их полное закрепление в УПК РФ непосредственно влияют на реализацию прав участников уголовного судопроизводства.

Обязанности должностных лиц в качестве одной из гарантий обеспечения прав лиц в уголовном процессе рассматривались в трудах Л.М. Володиной, В.Ю. Мельникова, Е.Г. Мартынчика, Э.Ф. Куцовой, В.С. Шадрина и др.

Термин «обеспечение» имеет несколько значений: а) предоставить достаточные материальные средства к жизни; б) снабдить чем-нибудь в нужном количестве; в) сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым; г) оградить, охранить [3, с. 364]. Обеспечить процессуальные права участников уголовного судопроизводства надлежит властным субъектам уголовного процесса путем исполнения соответствующих обязанностей. В то же время эти обязанности недостаточно регламентированы в УПК РФ, а сами эти права закреплены в УПК РФ нечетко и не в полном объеме.

В.Ю. Мельников отмечает, что уголовно-процессуальный закон должен содержать в себе только те права, реализация которых обеспечена соответствующими процессуальными обязанностями лица, производящего расследование [4, с. 32].

Л.М. Володина, рассматривая систему гарантий прав личности в уголовном процессе, пишет, что «гарантии прав участников уголовного процесса в самом общем виде представляют собой закрепленные в законе правовые средства, направленные на обеспечение реализации их субъективных прав, на защиту и восстановление прав, нарушенных в ходе производства по уголовному делу» [5, с. 265]. Одним из таких правовых средств, направленных на обеспечение субъективных прав, являются обязанности властных субъектов уголовного судопроизводства.

Э.Ф. Куцова подчеркивает: «Ответственное место в системе гарантий прав и законных интересов обвиняемого принадлежит соответствующим обязанностям следователя (лица, производящего дознание, органа дознания, прокурора, суда (судьи)... Деятельность этих должностных лиц и органов в направлении обеспечения, защиты процессуальных прав и законных интересов личности, в том числе обвиняемого, тем больше гарантирована, чем пол-

нее, последовательнее идея обеспечения, защиты процессуальных прав и законных интересов личности воплощена в обязанностях указанных органов и должностных лиц» [6, с. 64].

Основные обязанности должностных лиц, направленные на обеспечение прав участников уголовного процесса, заключаются в разъяснении их процессуальных прав (в том числе права обжалования), в своевременном ознакомлении с постановлениями, затрагивающими их права, своевременном вручении определенных постановлений, обеспечении участия в следственных действиях переводчика, защитника, законного представителя и т.д. Изученная нами правоприменительная практика свидетельствует о том, что должностные лица не всегда исполняют перечисленные выше обязанности. Потерпевший, обвиняемый, подозреваемый могут не обладать юридическими знаниями и, конечно, чтобы не оказаться беспомощными перед мощным арсеналом уголовно-процессуальных средств правоохранительных органов, им необходимо знать о правах, которыми их наделил закон. Часть 1 ст. 11 УПК РФ определяет, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства должно быть зафиксировано в протоколах следственных действий. Следователь должен своевременно знакомить участников уголовного судопроизводства с протоколами следственных действий, постановлениями о продлении срока предварительного следствия, срока содержания под стражей, о приостановлении предварительного следствия, с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта и т.д.

Ученые говорят об обязанностях следователя, направленных на обеспечение прав участников уголовного процесса, которые не нашли своего закрепления в УПК РФ. При установлении обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по делу, следователь обязан (а в некоторых случаях вправе) прекратить уголовное дело по основаниям, указанным в ст.ст. 24-28 УПК РФ, и вручить при этом копию постановления о прекращении уголовного дела заинтересованным лицам (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). В юридической литературе отмечается, что в случае прекращения, приостановления производства по делу, а также отказа в возбуждении уголовного дела потерпевшему должна быть предоставлена возможность ознакомления с материалами дела до вынесения соответствующего постановления [5, с. 269].

Предлагается предусмотреть в УПК РФ «обязанность следователя при прекращении уголовного дела объявлять обвиняемому и его защитнику о предстоящем прекращении дела по нереабилитирующим основаниям и предоставить возможность знакомиться с материалами дела до вынесения постановления о прекращении уголовного дела... Наделить потерпевшего, гражданского истца и ответчика аналогичными правами и предоставить им возможность также знакомиться с материалами дела до вынесения постановления о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям» [7, с. 173]. В специальной литературе отмечается, что было бы полезно закрепить в уголовно-процессуальном законе обязанность должностного лица, отказывающего в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, при обнаружении им признаков гражданского правонарушения в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела разъяснять заинтересованным лицам их право обратиться за защитой нарушенных прав в порядке гражданского судопроизводства [8, с. 96].

Л.М. Володина и А.Н. Володина отмечают: «Не предусматривается в нормах УПК РФ и обязанности следователя ознакомить потерпевшего, гражданского истца с постановлениями о передаче уголовного дела по подследственности, о соединении уголовных дел, о выделении уголовного дела в отдельное производство» [7, с. 174]. По мнению этих авторов, необходимо также знакомить потерпевшего с постановлением о создании следственной группы [7, с. 174].

В статье 114 УПК РФ говорится о временном отстранении от должности подозреваемого или обвиняемого, но не закрепляется обязанность следователя вручить

обвиняемому, подозреваемому, потерпевшему копию постановления о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, разъяснить порядок обжалования данного постановления. Ученые-процессуалисты настаивают на необходимости предоставлять копию указанного постановления не только подозреваемому, обвиняемому, но и потерпевшему [7, с. 172-173].

В части 4 ст. 148 УПК РФ сказано, что копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования. Целесообразно копию указанного постановления направлять и лицу, в отношении которого вынесено это постановление. Так, на практике имеют место случаи, когда лицо не знало, что в отношении его выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (по нереабилитирующим основаниям), и об этом обстоятельстве ему стало известно лишь спустя более 5 лет, когда его уволили из ОВД по той причине, что в отношении его было прекращено уголовное преследование в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности (хотя уголовного преследования здесь не было, поскольку уголовное дело не возбуждалось). При этом лицо было лишено права на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела своевременно, поскольку указанное постановление не было ему вручено.

Иными словами, следователь (дознаватель) обязан ознакомить участников уголовного судопроизводства и разъяснить им право и порядок обжалования любого постановления, вынесенного при производстве предварительного расследования, которое в той или иной мере затрагивает их права. Безусловно, все указанные предложения ученых по вопросу обязанностей должностных лиц заслуживают должного внимания, поскольку исполнение данных обязанностей направлено на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 УПК РФ. Кроме того, в п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ закреплено право подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту. Об ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы составляется протокол. Однако на практике следователи зачастую несвоевременно, спустя продолжительный период времени знакомят подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, защитников с постановлением о назначении судебной экспертизы. Несвоевременное ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы препятствует праву участников уголовного судопроизводства внести вопросы, которые должны быть поставлены перед экспертом. Как верно отмечается в литературе, «Особо УПК устанавливает обязанность следователя ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и затем с заключением эксперта... Это гарантия права обвиняемого ходатайствовать о постановке перед экспертом дополнительных вопросов, об отводе эксперта, о назначении других экспертов» [9, с. 180].

Например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 105 УК РФ, установлен подозреваемый, 18.01.2009 г. ему предъявлено обвинение. В тот же день следователем было вынесено постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы. Заключение эксперта дано 21.01.2009 г. Обвиняемый ознакомлен с постановлением следователя о назначении судебно-медицинской экспертизы лишь 12.03.2009 г.*

Кроме того, что обвиняемый имеет право на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, он вправе заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении (ст. 198 УПК РФ). Несвоевременное ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы лишает его возможности

* Уголовное дело N 200900003/77 // Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

реализовать права, закрепленные в ст. 198 УПК РФ.

В связи с этим полагаем, что ч. 3 ст. 195 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса, до направления материалов эксперту для проведения судебной экспертизы. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением».

Одним из важных прав потерпевшего является право на возмещение вреда, причиненного преступным деянием. На стадии предварительного расследования следователь должен принимать меры к возмещению ущерба, причиненного потерпевшему преступным деянием (в том числе и морального вреда), меры к обеспечению гражданского иска. Однако прямо в УПК РФ об этом не сказано, что позволяет на практике должностным лицам не разъяснять потерпевшим их право на возмещение причиненного преступлением ущерба и не принимать меры, направленные на обеспечение гражданского иска (см. пример ниже). Одна из мер по обеспечению гражданского иска закреплена в ст. 115 УПК РФ (наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия). В части 3 ст. 42 УПК РФ определено, что потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 УПК РФ. Часть 4 ст. 42 УПК РФ предусматривает, что по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства. Гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Т. Владыкина справедливо отмечает: «...признание гражданским истцом целесообразно осуществлять на стадии досудебного производства. Это позволит своевременно (до сокрытия или уничтожения преступником имущества) принять меры по обеспечению гражданского иска... Наиболее эффективной мерой обеспечения гражданского иска является арест имущества (ч. 1 ст. 115 УПК РФ)... Хотя следственной практике известны граничащие с комичными случаи избрания следователем в качестве меры обеспечения гражданского иска подписки о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) и домашнего ареста обвиняемого (ст. 104 УПК РФ)» [10, с. 87]. Кроме того, на практике известны случаи, когда потерпевшие сами вынуждены заниматься поиском имущества обвиняемых. По уголовному делу, возбужденному по факту смерти Н., скончавшемуся от ожогов, потерпевшая заявила ходатайство о наложении ареста на имущество обвиняемого В.. Следователь отказал в удовлетворении ходатайства в связи с тем, что не установлено конкретное имущество обвиняемого. Из материалов уголовного дела видно, что следователь не принимал меры по установлению имущества обвиняемого. Потерпевшей был заявлен гражданский иск о возмещении морального вреда. При ознакомлении с материалами уголовного дела потерпевшей повторно было заявлено ходатайство о наложении ареста на имущество обвиняемого (автомобиль «Ниссан»), но следователь вновь отказал в удовлетворении ходатайства, мотивировав это тем, что обвиняемый находится в СИЗО под стражей, а для продажи автомобиля необходима нотариально заверенная доверенность, поэтому обвиняемый не сможет продать автомобиль*.

Отказ следователя в данном случае представляется неправомерным. В приведенном примере потерпевшая потребовала обеспечения гражданского иска, воспользовавшись своим правом на заявление ходатайства (п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК РФ). Однако удовлетворение ходатайства потерпевшего не является обязательным для следователя.

С.М. Прокофьева предлагает закрепить в уголовно-процессуальном законо-

* Уголовное дело N 200800028/01 // Архив Тюменского областного суда.

дательстве норму, согласно которой доказывание размера морального ущерба, связанного с причинением физического или имущественного вреда, должно осуществляться органами предварительного расследования, отмечая при этом, что «...обязанность потерпевшего доказывать размер морального ущерба, причиненного ему в связи с совершением в отношении его имущественного преступления, нарушает принцип публичности уголовного судопроизводства» [11, с. 49]. Исходя из анализа правоприменительной практики, мнений ученых полагаем, что следователя нужно наделить и обязанностью в случае предъявления потерпевшим гражданского иска о возмещении морального вреда принять меры по обеспечению гражданского иска и установлению имущества обвиняемого, закрепить право потерпевшего требовать обеспечения гражданского иска. Данные обязанности можно закрепить в самостоятельной главе УПК РФ, как, например, предлагают П.Н. Кобец и К.А. Краснова: «...положения, относящиеся к возмещению вреда, причиненного преступлением, закрепить в одной главе общей части УПК РФ, в которую включить действующие ст.ст. 44, 54, 115 УПК РФ. Глава УПК должна носить наименование: "Возмещение вреда, причиненного преступлением". Кроме названных статей, в нее должны войти правовые понятия вреда, причиненного преступлением, включая физический, имущественный (экономический) и моральный вред; а также понятие и способы возмещения (компенсации) вреда, причиненного преступлением» [12, с. 25]. Кроме того, полагаем, что в ст. 115 УПК РФ (ч. 8) надлежит закрепить обязанность следователя вручить копию протокола о наложении ареста на имущество, в том числе и потерпевшему. Пункт 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ после слов «решений судов кассационной и апелляционной инстанций» дополнить словами «постановлений о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, протокола о наложении ареста на имущество, на ценные бумаги».

В УПК РФ отсутствует действенный механизм обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Обязанности властных субъектов являются одним из элементов данного механизма, гарантией обеспечения прав участников судопроизводства.

«В уголовно-процессуальном законодательстве у следователя, дознавателя, прокурора не предусмотрено в обязанностях обеспечения прав личности в ходе уголовного преследования, недостаточно разработаны процессуальная форма, процедура ограничения прав личности в установленных законом пределах. В законодательстве нет четких последствий ответственности должностных лиц в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязанностей субъектов уголовно-процессуальной деятельности» [4, с. 29]. Как отмечает О.И. Андреева, «...отсутствие в УПК РФ механизма защиты прав участников уголовного судопроизводства ведет к возможному произволу со стороны управомоченных лиц» [13, с. 101].

Значительные нарушения процессуальных прав участников уголовного процесса имеют место не только ввиду неполного закрепления обязанностей должностных лиц по обеспечению процессуальных прав, но и в связи с неоднозначным толкованием правоприменителями норм УПК РФ, о чем свидетельствует и практика Конституционного Суда РФ. Так, гражданину А., который был признан потерпевшим по уголовному делу, органы следствия отказали в удовлетворении заявленных в ходе предварительного расследования дела ходатайств об ознакомлении с постановлениями о создании следственной группы, о привлечении в качестве обвиняемых и о назначении экспертиз, а также ходатайств об ознакомлении с заключениями экспертов и принесенными по делу жалобами и представлениями. Жалобы А. на соответствующие процессуальные решения судами общей юрисдикции оставлены без удовлетворения.

В определении Конституционного Суда РФ отмечено, что согласно п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Это предполагает обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку.

Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию. Это же относится – с учетом особенностей правового положения потерпевшего на стадии предварительного следствия – и к закрепленному в п. 20 ч. 2 ст. 42 УПК РФ праву потерпевшего знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения. Содержащаяся в ч. 2 ст. 163 УПК РФ норма, предусматривающая обязанность объявить о составе следственной группы обвиняемому и подозреваемому, не может истолковываться как исключающая право других лиц, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты, знать состав следственной группы и при наличии к тому оснований заявлять отводы входящим в нее лицам*.

Механизм обеспечения прав участников уголовного судопроизводства должен включать в себя: понятие этих прав; их полное закрепление в законе; обязанности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, процессуальный контроль и прокурорский надзор, направленные на их обеспечение; определенную процедуру их обеспечения.

Считаем, что, во-первых, в статье 5 УПК РФ следует закрепить понятие процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, которые обязательны для обеспечения должностными лицами уголовного процесса, сформулировав его следующим образом: «процессуальные права участников уголовного судопроизводства – предусмотренные настоящим Кодексом обязательные для обеспечения должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, права потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, подозреваемого, обвиняемого, законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, защитника, гражданского ответчика, представителя гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, а также лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении».

Во-вторых, в УПК РФ необходимо закрепить действенную процедуру по обеспечению процессуальных прав. Так, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства предусмотрено 2 процедуры по обеспечению прав участников процесса:

1) в статье 119 УПК РФ (глава 15) закреплено право заявления ходатайств о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации.

О. Химичева подчеркивает, что ходатайства различаются в зависимости от того, направлены ли они на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, либо касаются обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство. Ко второму виду относятся ходатайства о предоставлении лицу возможности реализовать права, предусмотренные законом применительно к каждому из участников уголовного судопроизводства (об ознакомлении потерпевшего с материалами уголовного дела; о приглашении подозреваемым, обвиняемым защитника; об отводе дознавателя, следователя, прокурора или судьи и т.д.) [14].

В части 2 ст. 120 УПК РФ установлена возможность и отклонения ходатайства, а в ст. 122 УПК РФ предполагается обжалование решения по ходатайству. Соответственно ходатайство участника уголовного судопроизводства об обеспечении процессуальных прав может быть отклонено следователем. Однако, если права лиц закреплены в процессуальном законе, то они в обязательном порядке должны быть обеспечены должностными лицами при производстве по уголовному делу. Например, если подозреваемый имеет право получить копию постановления о возбуждении уголовного дела и протокола за-

---

* Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. N 300-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 47. Ст. 4940.

держания, то, соответственно, обеспечение данного права является обязанностью следователя. В связи с этим ходатайство подозреваемого по обеспечению указанного права не может быть отклонено (о чем свидетельствует и практика Конституционного Суда РФ).

При этом, по нашему мнению, производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений зависит от волеизъявления следователя (дознавателя) (в некоторых случаях), обеспечение процессуальных прав – это его обязанность;

2) в главе 16 УПК РФ закреплена вторая процессуальная процедура, направленная на обеспечение прав и законных интересов участников процесса, предполагающая обжалование действий и решений властных субъектов (в том числе и посредством судебного контроля). В случае, если жалоба лица будет признана прокурором, руководителем следственного органа или судом подлежащей удовлетворению, соответственно, процессуальные права лица были нарушены и подлежат восстановлению.

Процессуальные права должны обеспечиваться своевременно, поэтому обжалование решений следователя по необеспечению процессуальных прав в порядке главы 16 УПК РФ не является эффективным. Так, О.А. Максимов отмечает, что жалобы и ходатайства представляют собой разновидность правовых средств защиты своих процессуальных прав и законных интересов лицами, вовлеченными в уголовный процесс. При этом жалоба имеет ретроспективный характер, ходатайство – перспективную направленность. Жалоба является инструментом защиты от имевшего место, по мнению жалобщика, ограничения прав и свобод личности. Более сложная процедура своевременного разрешения жалоб (по сравнению с ходатайством) является гарантией правильного и всестороннего ее разрешения, поскольку в ряде случаев допущенные нарушения, на которые приносится жалоба, в дальнейшем производстве неустранимы и невосполнимы [15].

Предлагаем в отдельной норме УПК РФ предусмотреть процедуру, отличную от указанных выше процессуальных процедур (ст.ст. 119-122 УПК РФ), предполагающую заявление ходатайств об обеспечении прав участников уголовного процесса, исключающую возможность отказа должностного лица в удовлетворении ходатайства об обеспечении процессуальных прав. А именно: предусмотреть право заявления «ходатайств участниками уголовного процесса об обеспечении их процессуальных прав», предусмотренных в УПК РФ (в том числе в статьях, закрепляющих их правовой статус).

Дополнить УПК РФ статьей 120.1, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 120.1. Заявление ходатайств об обеспечении процессуальных прав

1. Потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представитель потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, подозреваемый, обвиняемый, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика, свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, вправе заявить ходатайство об обеспечении их процессуальных прав.

Ходатайство об ознакомлении и вручении постановлений, затрагивающих процессуальные права, разъяснении прав, об установлении имущества подозреваемого (обвиняемого) в целях обеспечения гражданского иска не может быть отклонено должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

2. Ходатайство заявляется должностному лицу, осуществляющему производство по уголовному делу.

3. Ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания.

4. В случае установления в ходе рассмотрения ходатайства о том, что процессуальные права лиц, указанных в части 1 настоящей статьи, предусмотрены настоящим Кодексом, должностное лицо, осуществляющее производство по делу, выносит постановление об обеспечении процессуального права с обязательным уведомлением лица, заявившего ходатайство. Должностное лицо не вправе отказать в удовлетворении ходатайства об обеспече-

нии процессуальных прав, если они прямо предусмотрены настоящим Кодексом.

5. Ходатайство рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса».

В-третьих, в УПК РФ следует закрепить обязанности должностных лиц, направленные на обеспечение процессуальных прав.

Процессуальные права должны обеспечиваться не только должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, но и должностными лицами, осуществляющими прокурорский надзор и процессуальный контроль. Так, В.Ю. Мельников пишет: «...следует отметить, что уголовно-процессуальный закон напрямую не рассматривает случаи в полномочиях руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания отмены незаконных или необоснованных постановлений следователя, дознавателя по причинам нарушения или необеспечения прав личности, выполнения задач уголовного судопроизводства в рамках проводимого процессуального контроля» [4, с. 27].

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ прокурор наделен полномочием требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства. При изучении материалов правоприменительной практики нами отмечено, что в требованиях прокурора об устранении нарушений федерального законодательства содержатся в основном требования о допросе свидетелей, потерпевших, производстве экспертиз и т.д. и не содержится требований об обеспечении прав участников уголовного процесса.

По нашему мнению, в полномочия прокурора и руководителя следственного органа необходимо включить обязанность при проверке материалов уголовных дел в случае установления нарушения (необеспечения) процессуальных прав участников уголовного судопроизводства выносить постановление об обеспечении этих прав.

С учетом предложенной нами редакции ст. 120.1 УПК РФ предлагаем включить в УПК РФ следующие обязанности должностных лиц:

1. В обязанности следователя (ст. 38 УПК РФ), дознавателя (ст. 41 УПК РФ) включить обязанность по исполнению постановлений руководителя следственного органа, прокурора об обеспечении процессуальных прав лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 120.1 УПК РФ.

2. Часть 2 ст. 38 УПК РФ дополнить пунктом 2.2 следующего содержания: «2.2) знакомить участников процесса, вручать копии и разъяснять им право и порядок обжалования любого постановления, вынесенного при производстве предварительного следствия, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы».

3. Дополнить ч. 1 ст. 37 УПК РФ пунктом 3.2 следующего содержания: «3.2) в случае установления необеспечения процессуальных прав лиц, перечисленных в части 1 статьи 120.1 настоящего Кодекса, органами дознания, дознавателем выносить постановление об обеспечении процессуальных прав участников процесса, в случае установления необеспечения процессуальных прав следователем – выносить постановление и направлять его руководителю следственного органа».

4. Дополнить ч. 1 ст. 39 УПК РФ пунктом 3.1 следующего содержания: «3.1) рассматривать жалобы лиц, перечисленных в части 1 статьи 120.1 настоящего Кодекса, на необеспечение их процессуальных прав. В случае установления необеспечения процессуальных прав лиц, перечисленных в части 1 статьи 120.1 настоящего Кодекса, следователем выносить постановление об обеспечении процессуальных прав участников процесса. Постановление руководителя следственного органа обязательно для исполнения следователем».

Список литературы

1. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

2. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985.

4. Мельников В.Ю. Структурная характеристика механизма обеспечения и реализации защиты прав личности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2012. N 7. С. 27-32.

5. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. М.: Юрист, 2006.

6. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

7. Володина Л.М., Володина А.Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010.

8. Диваев А.Б. Отсутствие события преступления как обстоятельство, влекущее отказ в возбуждении уголовного дела // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: материалы науч.-практ. конф. / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2004.

9. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции, очерки. М.: БЕК, 1997.

10. Владыкина Т. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. N 1. С. 86-92.

11. Прокофьева С.М. Некоторые проблемы возмещения вреда в уголовном судопроизводстве // Юридический мир. 2012. N 8. С. 48-51.

12. Кобец П.Н., Краснова К.А. Некоторые вопросы возмещения вреда потерпевшим на стадии предварительного расследования // Российская юстиция. 2011. N 9. С. 23-25.

13. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск, 2004.

14. Химичева О. Уголовно-процессуальная регламентация права заявлять ходатайства // Законность. 2004. N 2.

15. Максимов О.А. Правовой институт ходатайств и жалоб на досудебных стадиях уголовного процесса РФ как способ защиты прав граждан: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 223 с.

References

1. El'kind P.S. *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The essence of the Soviet criminal procedure law]. Leningrad, 1963.

2. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. Obshchaya chast'* [Course of Soviet criminal procedure. General part]. Moscow, 1989.

3. Ozhegov S.I. S*lovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, 1985.

4. Mel'nikov V.Yu. *Strukturnaya kharakteristika mekhanizma obespecheniya i realizatsii zashchity prav lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Structural characterization and implementation of a mechanism to ensure the protection of individual rights in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2012, no. 7, pp. 27-32.

5. Volodina L.M. *Problemy ugolovnogo protsessa: zakon, teoriya, praktika* [Problems of criminal procedure: law, theory and practice]. Moscow, Yurist Publ., 2006.

6. Kutsova E.F. *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugolovnom protsesse* [Guarantees of individual rights in the Soviet criminal trial]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1972.

7. Volodina L.M., Volodina A.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: pravo na spravedlivuyu i glasnuyu sudebnuyu zashchitu* [Criminal proceedings: the right to a fair and public judicial protection]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010.

8. Divaev A.B. *Otsutstvie sobytiya prestupleniya kak obstoyatel'stvo, vlekushchee otkaz v vozbuzhdenii ugolovnogo dela* [The lack of evidence of a crime as a circumstance entailing refusal to institute criminal proceedings]. *Problemy teorii i praktiki ugolovnogo protsessa, prokurorskogo nadzora i pravookhranitel'noy deyatel'nosti v svete novogo rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of the theory and practice of criminal trial, public prosecutor's supervision and law enforcement in the light of the new Russian legislation]. Tomsk, 2004.

9. Larin A.M., Mel'nikova E.B., *Savitskiy V.M. Ugolovnyy protsess Rossii. Lektsii, ocherki* [Criminal trial in Russia. Lectures and essays]. Moscow, BEK Publ., 1997.

10. Vladykina T. *Grazhdanskiy isk v ugolovnom sudoproizvodstve* [A civil action in criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2013, no. 1, pp. 86-92.

11. Prokof'eva S.M. *Nekotorye problemy vozmeshcheniya vreda v ugolovnom sudoproizvodstve* [Some problems of redress in criminal proceedings]. *Yuridicheskiy mir* – Legal world, 2012, no. 8, pp. 48-51.

12. Kobets P.N., Krasnova K.A. *Nekotorye voprosy vozmeshcheniya vreda poterpevshim na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Some questions of redress for victims at the stage of preliminary investigation]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice. 2011, no. 9, pp. 23-25.

13. Andreeva O.I. *Sootnoshenie prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v pravovom gosudarstve i spetsifika ego proyavleniya v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva (teoreticheskiy aspekt)* [The ratio of the rights and responsibilities of the state and the individual in a state of law and the specifics of its manifestation in criminal proceedings (theoretical aspect)]. Tomsk, 2004.

14. Khimicheva O. *Ugolovno-protsessual'naya reglamentatsiya prava zayavlyat' khodataystva* [Criminal procedure regulation of the right to submit petitions]. *Zakonnost'* – Legality, 2004, no. 2.

15. Maksimov O.A. *Pravovoy institut khodataystv i zhalob na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa RF kak sposob zashchity prav grazhdan. Kand. Diss.* [Legal institution of petitions and complaints of pre-trial stage of the criminal process, the Russian Federation as a way to protect the rights of citizens. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 223 p.

СТЕЛЬМАХ В.Ю.,
vlstelmah@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66

STELMACH V.Yu.,
vlstelmah@mail.ru
Chair of Criminal Procedure;
Urals Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057,
Russian Federation

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, УЧАСТНИКИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Реферат. Анализируются процессуальные особенности проверки показаний на месте, которая по познавательной сущности объединяет признаки осмотра и допроса. Функционально данное следственное действие предназначено для воспроизведения каких-либо действий и основано на восприятии органами зрения. С учетом этого обстоятельства проверку показаний на месте необходимо расценивать как вид осмотра с отдельными элементами допроса. Из этого следует, что в ходе проверки показаний на месте допускается изъятие предметов материального мира, как при осмотре. Вместе с тем полученные в ходе проверки показаний на месте устные сведения нельзя полностью уравнивать с показаниями. Для их конкретизации необходимо произвести дополнительный допрос соответствующего участника очной ставки. Устанавливается, что судебного разрешения в случаях проведения проверки показаний в жилище не требуется. К участникам проверки показаний на месте относятся: следователь; лицо, показания которого проверяются (основной участник проверки показаний на месте); лица, участие которых необходимо для признания допустимыми показаний лица в ходе следственного действия (защитник, законный представитель, педагог, переводчик); лица, участие которых требуется для признания допустимыми осмотра (понятые, специалист); лица, обеспечивающие техническую сторону проверки показаний на месте и возможность ее проведения (сотрудники охранно-конвойной службы); лица, привлекаемые для дачи пояснений к показаниям основного участника следственного действия (потерпевшие). Подробно рассматривается процессуальный порядок проверки показаний на месте и фиксации ее результатов. Главное в ходе данного следственного действия – обеспечить сопоставление показаний, полученных ранее от лица, с данными обстановки.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, проверка показаний на месте.

THE LEGAL NATURE, PARTICIPANTS AND PROCEDURAL ORDER OF VERIFICATION OF TESTIMONY ON-SITE

Abstract. Procedural features of verification of testimony on-site, which combines cognitive features of examination and interrogation, are analyzed. This investigative action is aimed at reconstruction of some actions and is based on visual perception. Taking into account this circumstance, verification of testimony on-site should be regarded as a kind of examination with certain elements of interrogation. Thus, during verification of testimony on-site it's allowed to withdraw the objects of material world as during examination. However, the oral information obtained during verification of testimony on-site can't be fully equated with testimony. To specify them it's necessary to interrogate the corresponding participant of confrontation additionally. It's determined that in case the verification of testimony is conducted in dwellings, judicial authorization isn't required. The participants of verification of testimony on-site include: investigator; a person whose testimony is checked (the main participant of verification of testimony on-site); persons whose participation is necessary to admit admissibility of person's testimony during investigative action (defender, legal representative, teacher, interpreter); persons whose participation is required to admit the examination admissible (witness, expert); persons providing the technical support of verification of testimony on-site and the possibility of the action (guard and convoy service); persons engaged to provide explanations to the testimony of the main participant of investigative action (victim). The procedural order of verification of testimony on-site and fixation of its results are considered in details. The main objective of this investigative action is to provide a comparison of testimony previously given by a person with the data of environment.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, investigative actions, verification of testimony on-site.

Вступивший в 2002 году в законную силу УПК РФ ввел новое следственное действие – проверку показаний на месте. Фактически такое следственное действие производилось и ранее, однако в качестве самостоятельного предусмотрено не было и в силу этого осуществлялось в форме иных следственных действий (осмотра места происшествия, допроса на местности, следственного эксперимента). Вместе с тем было ясно, что процессуальные конструкции данных следственных действий не в полной мере соответствовали той деятельности, которая осуществлялась в рамках проверки показаний на месте. В связи с этим многие ученые и практики предлагали обособить проверку показаний и выделить ее в качестве самостоятельного следственного действия, что было сделано только в 2002 году. Несмотря на достаточно длительный срок существования данного следственного действия, в теории и на практике продолжают оставаться многочисленные вопросы, касающиеся правовой сущности и процессуального порядка его производства.

Анализ положений УПК РФ позволяет выделить специфические условия его проведения, обусловленные функциональным предназначением проверки показаний на месте. Некоторые из данных условий в законе прямо не названы, однако объективно они существуют, поэтому их необходимо проанализировать.

Во-первых, рассматриваемое следственное действие предполагает наличие к моменту его проведения показаний лица, которое будет основным участником проверки показаний на месте. Недопустимо проводить данное следственное действие до допроса лица по тем обстоятельствам, которые планируется проверить. В уголовно-процессуальном смысле показаниями считаются сведения, сообщенные исключительно в ходе допроса. Не могут служить основанием для проверки показаний сведения, зафиксированные в форме объяснений или содержащиеся в рапортах сотрудников органа дознания.

Во-вторых, проверка показаний на месте носит добровольный характер. Ее инициатива может исходить как от следователя, так и от соответствующего участника уголовного судопроизводства, но принудить данное лицо к проведению проверки его показаний следователь не вправе. Это вытекает из самой сущности данного следственного действия, которое заключается в демонстрации лицом каких-либо действий в определенном месте. Возможность принуждения к этому УПК РФ не предусматривает. В связи с этим следует возразить В.С. Шадрину, утверждающему, что свидетель и потерпевший обязаны принять участие в проведении проверки их показаний на месте [1, с. 356]. Данное предложение является верным по существу, однако в настоящий момент подобных обязанностей для свидетелей и потерпевших в уголовно-процессуальном законе не установлено, поскольку проверка показаний на месте не является допросом.

В-третьих, анализируемое следственное действие направлено на сопоставление показаний лица со следами (в широком смысле этого слова), имеющимися в определенном месте. Важнейшим достоинством проверки показаний на месте является ее наглядность. Никакие словесные описания, сколь бы подробными и детальными они ни были, не могут заменить зрительного восприятия того или иного предмета или явления. При этом проверка показаний на месте не должна превращаться в простое тиражирование показаний, ранее данных лицом во время допроса [2, с. 200].

В связи с этим целесообразно рассмотреть две сходные ситуации, в одной из которых проведение проверки показаний на месте будет оправданным, а в другой – нет.

Первая ситуация. Лицо, задержанное с наркотическим средством, поясняет, что приобрело их в тайнике, оборудованном в определенном месте. В данной ситуации проведение проверки показаний полностью оправданно, поскольку оно позволит установить сам факт наличия тайника и путем сопоставления этих обстоятельств с показаниями лица убедиться в их правдивости и прийти к выводу, что изъятые наркотические средства действительно были извлечены из указанного тайника. Так, по уголовному делу, расследовавшемуся ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области, обвиняемая М., задержанная с наркотическим средством, пояснила, что достала его из тайника, оборудованного за почтовым ящиком в подъезде дома. В ходе проверки показаний на месте было установлено, что в указанном М. месте имеется ниша, прикрытая почтовым ящиком. Данный факт послужил дополнительным

подтверждением правдивости показаний М. о приобретении наркотического средства из указанного ею места*.

Вторая ситуация. Лицо, у которого изъяты наркотики, утверждает, что приобрело их на открытом участке местности, называя соответствующий район. В этом случае смысл проведения проверки показаний на месте отсутствует, поскольку в ходе такой проверки не происходит никакого сопоставления показаний с иными объективными данными. По сути, лицо может показать любое место и сказать, что именно здесь было совершено то или иное действие, а каким-то образом проверить правильность или неправильность его утверждений невозможно. Соответственно, хотя на практике проверка показаний на месте в подобных случаях производится достаточно часто, большой доказательственной ценности ее результаты не имеют. Так, обвиняемый А. пояснил, что приобрел наркотическое средство у незнакомых лиц в районе Привокзальной площади г. Екатеринбурга. Следователем была произведена проверка показаний А. на месте, в ходе которой обвиняемый указал на участок возле дома, пояснив, что приобрел наркотик именно здесь. Однако впоследствии А. изменил показания относительно места приобретения наркотика. Очевидно, что проверка показаний на месте, носившая столь неопределенный характер, никак не способствовала ни установлению фактических обстоятельств происшедшего, ни предотвращению изменения обвиняемым своих показаний**.

В части 1 ст. 194 УПК РФ в качестве обязательной цели проверки показаний на месте названо установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Буквальное толкование данной нормы может привести к выводу о том, что рассматриваемое следственное действие не может производиться для уточнения имеющихся показаний [3, с. 237]. Вместе с тем с такой позицией согласиться нельзя. Термин «проверка» означает «удостоверение в правильности» [4]. Следовательно, основной целью анализируемого следственного действия, закрепленной в самом его названии, является удостоверение правильности (или неправильности) показаний, ранее данных лицом. Эта цель настолько очевидна, что законодатель не посчитал необходимым выделять ее особо. Если бы под «установлением новых обстоятельств» понималось лишь выявление неизвестных до этого фактов преступной деятельности либо обнаружение предметов, которые на момент принятия решения о проведении проверки показаний на месте не были изъяты, то доказательственные возможности проверки показаний на месте были бы неоправданно уменьшены.

В философии, как отмечает Л. Серебряков, под «новым» понимается конечный или промежуточный результат развития, рассмотренный с точки зрения его отношения к предшествующим состояниям объекта. Понимание под «новым» только «того, чего не было раньше», будет упрощенным, поскольку в нем не учтен момент развития и закономерного перехода объекта от одной ступени организации к другой [5].

Диалектическое понимание термина «новые обстоятельства» применительно к проверке показаний на месте заключается в том, что до выполнения рассматриваемого следственного действия следователь располагает показаниями лица и в ряде случаев — результатами осмотра места происшествия. В ходе проверки показаний лицо на месте, бывшем объектом осмотра, наглядно воспроизводит свои показания. В результате происходит «наложение» указанных сведений друг на друга и их последующее сопоставление, что, в свою очередь, с неизбежностью приводит к формированию нового, не существовавшего до этого знания. Так, обвиняемый в совершении разбойного нападения Б. в ходе проверки показаний на месте в квартире потерпевшей И. указал диван, на который он и соучастники положили связанную потерпевшую, сервант, откуда они доставали похищенные ценности. Данные сведения совпали с результатами осмотра места происшествия и показаниями И., что явилось дополнительным доказательством виновности Б.***.

С другой стороны, если бы законодательная конструкция рассматриваемого

---

* Уголовное дело N 203819 // Архив Верхнепышминского городского суда Свердловской области. 2011 г.

** Уголовное дело N 939909 // Архив Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга. 2011 г.

*** Уголовное дело N 1-183/12 // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области. 2012 г.

следственного действия не включала указание на возможность установления новых обстоятельств, то предмет проверки показаний был бы излишне жестко связан содержанием допроса лица. Неразрешимая ситуация возникала бы в случаях, когда лицо во время проверки показаний на месте вспомнило какое-либо обстоятельство, о котором не сообщило в ходе допроса. С формальной точки зрения фактические данные, не содержащиеся в показаниях, просто не могли бы стать предметом проверки показаний на месте. Так, обвиняемый К. пояснил, что совершил несколько краж из гаражей, расположенных в гаражно-строительном кооперативе, описав ворота гаражей, их внутреннюю обстановку и похищенные предметы. С К. была произведена проверка показаний на месте, в ходе которой обвиняемый указал еще на один гараж, не указанный в протоколе допроса, из которого совершил кражу*. Очевидно, что такие сведения было бы нельзя зафиксировать в протоколе проверки показаний на месте, если бы данное следственное действие не могло производиться для установления новых обстоятельств.

Вместе с тем, несмотря на очевидность изложенных обстоятельств, полагаем, что в целях устранения коллизии следует прямо указать в ч. 1 ст. 194 УПК РФ на возможность проведения проверки показаний как для уточнения имеющихся показаний, так и для установления новых обстоятельств, представляющих значение для уголовного дела.

Проверка показаний на месте синтезирует черты осмотра и допроса. Вместе с тем ни законодательно, ни в теории уголовного процесса до сих пор не решено, является ли рассматриваемое следственное действие полноценным осмотром или допросом. От ответа на этот вопрос напрямую зависят определение процессуального порядка проверки показаний на месте и оценка ее результатов. Так, если анализируемое следственное действие представляет собой разновидность осмотра, то в ходе его проведения должно допускаться изъятие обнаруженных предметов. В случае признания проверки показаний на месте частным случаем допроса сообщенные ее участниками сведения необходимо рассматривать как самостоятельные показания [6, с. 8].

Для уяснения правовой природы проверки показаний на месте надо учитывать, что в основе всех следственных действий лежит восприятие, то есть «формирование при помощи активных действий субъективного образа целостного предмета, непосредственно воздействующего на анализаторы» [7], которыми выступают органы чувств человека. Выделяют пять видов восприятия: а) зрительное; б) слуховое; в) обонятельное; г) осязательное (тактильное); д) вкусовое.

Существующие в настоящее время следственные действия построены в основном на двух видах восприятия – зрительном и слуховом, поскольку на современном этапе развития науки и техники методики фиксации до необходимой степени точности информации, получаемой путем остальных видов восприятия, не до конца разработаны. Следственные действия, основанные на зрительном восприятии, заключаются в фиксации «физических признаков того или иного объекта» [8, с. 15-16]. Их содержание, как правило, состоит в визуальном обозрении какого-либо объекта и (или) изъятии материальных предметов. В этом случае информация исходит «от вещи», то есть от любого объекта материального мира. В ходе следственных действий, основанных на слуховом восприятии, получаются сведения, передаваемые посредством человеческой речи, то есть в словесной и устной форме [8, с. 15]. В данной ситуации информация исходит «от человека».

Естественно, в ходе каждого конкретного следственного действия происходит восприятие информации не только в чистом виде посредством органов зрения или слуха, а путем их сочетания. Так, в ходе осмотра следователь выслушивает пояснения участвующих лиц (например, потерпевшего), и исходя из этого принимает решение об обозрении во время данного следственного действия того или иного участка. С другой стороны, во время допроса следователь следит за внешне проявляющимися физиологическими и психологическими реакциями допрашиваемого и имеет возможность с учетом этого корректировать тактику допроса. Однако один из способов восприятия информации (зрительный или слуховой) для конкретного следственного действия всегда является превалирующим, а второй – вспомогательным. При этом

---

* Уголовное дело N 111237157 // Архив Байкаловского районного суда Свердловской области. 2012 г.

иногда вспомогательный способ восприятия выступает исключительно ориентирующим, его результаты не фиксируются в протоколе следственного действия и не учитываются при оценке его результатов (например, наблюдение за реакциями допрашиваемого). В других случаях вспомогательный способ восприятия играет более существенную роль (это характерно для следственных действий, основанных на комбинации зрительного и слухового восприятия).

Очевидно, что ключевой момент в конструкции проверки показаний на месте – демонстрация каких-либо действий на месте события. В широком смысле проверка показаний, ранее данных лицом, осуществляется постоянно в процессе доказывания. При этом деятельность следователя, заключающаяся в сопоставлении содержания показаний с другими доказательствами по делу, может производиться и без выхода с допрошенным лицом на место события. Очевидно, что законодатель ввел рассматриваемое следственное действие в качестве самостоятельного именно для того, чтобы предоставить возможность демонстрации на месте события каких-либо действий, ранее описанных в ходе допроса.

Этот довод, как представляется, позволяет расценивать проверку показаний на месте как вид осмотра с элементами дачи показаний. При этом в полной мере дачей показаний проверка показаний на месте не является, поскольку, как было отмечено, данное следственное действие функционально предназначено прежде всего для фиксации действий ранее допрошенного лица в каком-либо месте.

Исходя из этого, представляется правильным сделать следующие выводы:

– во-первых, в ходе проверки показаний на месте допускается проведение всех действий, характерных для следственного осмотра: визуальное обозрение предметов материального мира, находящихся в месте производства проверки показаний, и их изъятие. Проведения дополнительного следственного действия, состоящего в изъятии предметов, зафиксированных во время проверки показаний на месте (осмотра места происшествия, обыска, выемки), не требуется;

– во-вторых, если сведения, сообщенные лицом в ходе проверки показаний на месте, расходятся с ранее изложенными им на допросе либо содержат новые данные, для устранения образовавшихся противоречий необходимо производство дополнительного допроса. Сведения, сообщенные в ходе проверки показаний на месте, нельзя в процессуальном смысле приравнивать к показаниям. Именно поэтому представляется нецелесообразным превращать проверку показаний на месте в некую разновидность очной ставки, когда содержание следственного действия заключается не только в воспроизведении своих действий лицом, ранее давшим показания, но и в определенной дискуссии данного лица с другими участниками уголовного судопроизводства.

Правовая природа проверки показаний на месте обусловливает круг ее участников и объем их процессуальных прав и обязанностей во время производства данного следственного действия.

При анализе этих вопросов необходимо исходить из того, что проверка показаний на месте представляет собой комбинацию осмотра и допроса. В ее ходе основной участник сообщает сведения в устной форме, сопровождаемые демонстрацией определенных действий. Хотя сообщение данных сведений, как отмечалось ранее, не будет являться в полном смысле дачей показаний, основному участнику проверки показаний на месте должны быть предоставлены те же самые процессуальные права и гарантии, как и при производстве допроса. Исходя из этого, при проведении проверки показаний на месте обеспечивается участие тех же лиц, которые в силу предписаний закона должны присутствовать при осмотре и допросе соответствующего участника уголовного судопроизводства.

Всех участников проверки показаний на месте можно распределить по следующим группам:

1. Лицо, проводящее следственное действие, то есть следователь. По общему правилу проверку показаний на месте, как и любое другое следственное действие, производит следователь, в производстве которого находится уголовное дело, а в случае расследования его следственной группой – любой из следователей, включенных в состав группы, по устному указанию ее руководителя.

2. Лицо, показания которого проверяются (основной участник проверки показаний на месте). В силу прямого указания

закона, им может быть только обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший, то есть те участники уголовного судопроизводства, показания которых отнесены законом к самостоятельному виду доказательств.

3. Лица, участие которых необходимо для признания допустимыми показаний лица в ходе следственного действия:

а) защитник (если проверяются показания обвиняемого или подозреваемого);

б) законный представитель (если осуществляется проверка показаний несовершеннолетнего);

в) педагог (когда лицо, показания которого проверяются, не достигло 16-летнего возраста);

г) переводчик (если лицо, чьи показания проверяются, не владеет языком уголовного судопроизводства).

4. Лица, участие которых требуется для признания допустимым осмотра как следственного действия:

а) понятые;

б) специалист (если следственное действие осуществляется с использованием технических средств фиксации).

5. Лица, обеспечивающие техническую сторону проверки показаний на месте и возможность ее проведения. К таким участникам относятся сотрудники охранно-конвойной службы (если проверяются показания обвиняемого или подозреваемого, находящегося под стражей).

6. Лица, привлекаемые для дачи пояснений к показаниям основного участника следственного действия. Такими лицами обычно являются потерпевшие, представители юридических лиц, на территории которых совершено преступление. Цель участия этих лиц заключается в том, что они, выслушав показания основного участника следственного действия, дают к ним комментарии. Например, обвиняемый в ходе проверки показаний указывает место на территории предприятия, откуда он совершил хищение каких-либо товарно-материальных ценностей. Присутствующий при проведении следственного действия представитель предприятия может сообщить правильное название помещения, где совершено преступление. Другой пример. Обвиняемый при проверке показаний по поводу совершенной им кражи из квартиры указывает на шкаф, в котором находилось похищенное имущество. Потерпевший подтверждает, что данные вещи хранились именно в этом шкафу.

Важнейшей особенностью участия таких лиц в рассматриваемом следственном действии является то, что они вправе давать пояснения только по поводу показаний основного участника следственного действия и продемонстрированных им действий. Недопустимо, чтобы эти лица в рамках проверки показаний давали какие-либо пояснения относительно личности того, чьи показания проверяются, в том числе его связи с обстоятельствами совершения преступления. Например, незаконным будет заявление такого лица о том, что оно узнает обвиняемого и утверждает, что именно этот человек совершил преступление. В этих случаях в рамках проверки показаний на месте фактически будут произведены другие следственные действия (предъявление для опознания и очная ставка).

Участие указанных лиц, если оно осуществляется в обозначенных пределах, нельзя расценивать как одновременную проверку показаний нескольких лиц, поскольку следственное действие направлено на проверку и уточнение показаний лишь его основного участника. Названные же лица лишь кратко комментируют пояснения основного участника проверки показаний на месте, чтобы следователь мог составить более полную картину произошедшего.

Характерной особенностью проверки показаний на месте является возможность участия указанных лиц только в некоторых действиях, составляющих содержание следственного действия. Так, при проведении проверки показаний лица, обвиняемого в нескольких эпизодах преступной деятельности, производятся выезды на многие места совершения преступлений. Очевидно, что совершенно не обязательно обеспечивать участие каждого потерпевшего на всем протяжении проверки показаний на месте, с ее начала и до окончания. Потерпевшие участвуют в производстве следственного действия только в части, связанной с демонстрацией действий, относящихся к тому эпизоду преступной деятельности, в котором посягательство производилось на данного потерпевшего. Так, по уголовному делу по факту совершения бандитизма и разбойных нападений с обвиняемыми проводились проверки их показаний по 5-ти адресам, где были совершены преступления. Потерпевшие по

данным делам ожидали приезда следственной группы в своих квартирах и участвовали в той части следственного действия, которая касалась проверки показаний обвиняемых только в соответствующей квартире. При этом процессуальные права, обязанности и ответственность разъяснялись потерпевшим непосредственно после прибытия в их квартиру, в присутствии всех остальных участников проверки показаний, до начала воспроизведения обвиняемым своих действий*.

Описывая процессуальный порядок проверки показаний на месте, закон ограничивается лишь указанием на то, что данное следственное действие начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться. Лицу, показания которого проверяются, после свободного рассказа и демонстрации действий могут быть заданы вопросы (ч. 4 ст. 194 УПК РФ). Такая регламентация является рамочной, поскольку устанавливает только важнейшие правила проведения следственного действия.

Вместе с тем процессуальный порядок производства проверки показаний достаточно подробно разработан в следственной практике.

Проверка показаний на месте производится по устному решению следователя, доводимому до сведения соответствующих участников уголовного судопроизводства. Некоторые исследователи полагают, что если проверка показаний на месте производится в жилище, то на ее проведение требуется судебное разрешение [8, с. 10]. Данное мнение отражает имеющуюся в УПК РФ правовую коллизию. С одной стороны, по общему правилу все следственные действия, сопровождающиеся ограничением права на неприкосновенность жилища, производятся по разрешению суда. С другой стороны, конструкция некоторых конкретных следственных действий, которые полностью или частично осуществляются в жилище, получения такого разрешения не предусматривает. Суды, как правило, не идут на дачу разрешений на производство следственных действий, если такая необходимость прямо не закреплена в УПК РФ. Данный вопрос имеет общий характер и относится не только к проверке показаний на месте, поэтому его подробный анализ выходит за рамки настоящей статьи. Однако очевидно, что Конституция Российской Федерации не расценивает сам факт производства следственного действия в жилище как нарушение его неприкосновенности. Следовательно, необходимость в судебном разрешении усматривается только в тех случаях, когда в жилище предполагается производить какие-либо поисковые действия, что для проверки показаний на месте не характерно.

Начиная проверку показаний на месте, следователь собирает ее участников (как правило, в месте дислокации следственного органа), объявляет их данные, и разъясняет указанным лицам соответствующие процессуальные права, предусмотренные УПК РФ.

Поскольку, как уже отмечалось, проверка показаний на месте обладает признаками допроса, то лицам разъясняются те же права, которые они имеют при производстве данного следственного действия. Обвиняемому, подозреваемому, свидетелю и потерпевшему разъясняется предусмотренное статьей 51 Конституции Российской Федерации право не давать показания против самого себя и близких родственников. Свидетель и потерпевший, кроме того, предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В научной литературе справедливо подчеркивается, что в протоколе следственного действия необходимо не только указать номер соответствующей статьи УПК РФ, но и изложить ее содержание [9, с. 33-36].

После этого лицу, показания которого будут проверяться, предлагается воспроизвести свои показания. Лицо в присутствии понятых кратко повторяет существо показаний, ранее данных им в ходе допроса. Просто ссылаться на факт дачи показаний недопустимо. Указанные действия необходимы, чтобы у понятых сформировалось понимание того, что именно сделало лицо, показания которого будут проверяться, и что именно эти обстоятельства лицо желает продемонстрировать в ходе проверки показаний. Для этого лицо должно по возможности как можно более конкретно описать место совершения им того или иного деяния.

Вслед за этим группа выезжает на место. Во время выезда не обязательно придерживаться того же маршрута, по которому лицо прибывало к данному месту во время совершения проверяемых действий. Четкое

* Уголовное дело N 121145167// Архив Свердловского областного суда. 2008 г.

следование первоначальному маршруту требуется лишь в том случае, когда лицо собирается указывать на места, расположенные по ходу передвижения, в которых совершались те или иные значимые действия (например, где соучастники встретились, надели маски, зарядили оружие, распределили похищенное имущество, откуда наблюдали за потерпевшим или объектом преступного посягательства и т.п.). Также не требуется описывать в протоколе следственного действия весь маршрут следования группы к месту проверки показаний, если только на этом маршруте не совершалось каких-либо действий, значимых для установления обстоятельств преступления.

В некоторых учебниках и методических рекомендациях содержится требование о том, чтобы лицо, показания которого проверяются, в случае передвижения к месту проверки в автомобиле, обязательно находилось на переднем сиденье, а при передвижении пешком — шло первым [10, с. 454; 11, с. 352]. По мнению авторов, эти правила призваны обеспечить невозможность влияния других лиц на действия проверяемого. Думается, что такие рекомендации, во-первых, не совсем реалистичны, а во-вторых, просто надуманны. В соответствии с инструктивными актами МВД России обвиняемый и подозреваемый, содержащийся под стражей, во время проведения следственного действия передвигаются исключительно в сопровождении конвоя и в спецавтомобиле. Иной порядок является грубейшим нарушением требований ведомственных нормативных актов. При таких правилах возможность нахождения обвиняемого (подозреваемого) на переднем сиденье автомобиля исключена в принципе. Кроме того, очевидно, что главной гарантией законности проведения проверки показаний на месте, и прежде всего добровольности участия в ней лица, показания которого проверяются, служит детализированное описание последним объекта, куда необходимо прибыть для проверки показаний, отсутствие со стороны следователя наводящих вопросов и принуждения в какой бы то ни было форме данного лица к даче показаний. Поэтому во время движения к месту, указанному лицом, показания которого проверяются, вполне допустимо нахождение подозреваемого или обвиняемого лица внутри спецавтомобиля, предназначенного для перевозки указанных лиц.

После прибытия на место следователь предлагает лицу, показания которого проверяются, дать соответствующие пояснения. Лицо в присутствии понятых должно указать на то или иное место и пояснить, какие действия в этом месте совершались. При этом в протоколе проверки показаний на месте указываются пояснения лица, а также кратко описываются существенные детали и признаки соответствующего места. Изложение в протоколе пояснений лица производится по правилам, предусмотренным для допроса, а описание места — в порядке, установленном для осмотра места происшествия.

Если проверка показаний будет производиться в квартире или ином строении, то лицо, показания которого проверяются, вначале указывает на строение или дом и поясняет, что именно в данном строении (доме) и произошло то или иное событие. Затем группа прибывает к соответствующей квартире.

Вслед за этим следователь объявляет данные лица, находящегося в квартире, и разъясняет ему права, которым данное лицо обладает как соответствующий участник уголовного судопроизводства.

После этого следователь предлагает лицу, показания которого проверяются, дать пояснения по поводу своих действий в указанном месте в период совершения преступления. Остальные участники проверки показаний на месте, в том числе и владельцы помещений, в это время должны воздерживаться от любых замечаний.

Далее следователь предлагает дать пояснения владельцу квартиры, который может сообщить об обстановке в квартире на момент совершения преступления, местах, откуда похищалось имущество, о своем собственном местонахождении и т.п.

После дачи пояснений всеми участниками проверки показаний на месте следователь должен исследовать материальную обстановке в месте проверки [12, с. 14], осмотреть указанные лицами предметы и описать обстановку в необходимых пределах. В научной литературе ограничение проверки показаний на месте только пояснениями лица справедливо расценивается как ошибка [10, с. 456].

«Обнаружив нелогичность в действиях лица, показания которого проверяются, его усилия ввести в заблуждение или попытку уничтожить выявленные следы,

следователь обязан сделать замечание и принять меры для изменения его негативного поведения. Вместе с этим следователь не вправе ограничиваться имеющимися сведениями, которые получены от проверяемого лица. Анализируя ход и результаты проверки показаний, по личной инициативе производить действия, направленные на обнаружение следов и выявление различных вещественных доказательств, даже в том случае, когда о них не сообщило лицо, чья информация проверяется» [13, с. 314].

После этого вопрос о наличии или отсутствии замечаний предлагается всем остальным лицам, участвующим в проверке показаний на месте. Необходимо иметь в виду, что специалист, понятые, конвоиры вправе делать замечания только по поводу действий следователя и других участников проверки показаний на месте именно в ходе следственного действия. Если данные лица знают что-либо по существу проверяемых обстоятельств, то они не могут привлекаться к участию в проверке показаний в качестве специалистов или понятых.

Особенности имеет и применение средств видеофиксации проверки показаний на месте. Так, допускается прерывание видеосъемки в период передвижения от одного места до другого. При этом о прерывании и возобновлении видеозаписи следователем делается соответствующее объявление с обязательным указанием времени и причины прерывания и возобновления, которое заносится в протокол. «Недопустимо снимать группу навстречу движению, поскольку нахождение снимающего специалиста впереди группы может быть истолковано как определение ее маршрута следователем» [14, с. 310].

Факт, ход и результаты проверки показаний на месте фиксируются в соответствующем протоколе. Протокол проверки показаний на месте, как и протокол любого следственного действия, состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной.

Во вводной части указывается:

— наименование протокола;

— место составления протокола (под ним понимается населенный пункт, в котором производится следственное действие; если проверка показаний производится в нескольких населенных пунктах, то они все перечисляются во вводной части протокола в той последовательности, в какой производились сами действия);

— дата и время начала и окончания составления протокола (необходимо понимать, что дата и время составления протокола должны в обязательном порядке отражать дату начала и окончания того следственного действия, содержание которого удостоверяет протокол, поэтому временем от начала и до окончания следственного действия понимается весь временной промежуток, в течение которого выполнялись действия, являющиеся содержанием проверки показаний на месте);

— данные следователя, производящего следственное действие;

— данные всех лиц, принимающих участие в проверке показаний на месте, с указанием их процессуального статуса, и факт разъяснения всем этим лицам соответствующих процессуальных прав, обязанностей и ответственности;

— факт применения технических средств, с указанием их вида, наименования.

В описательной части фиксируется весь ход проверки показаний на месте:

— пояснения лица по существу своих действий до начала выезда на место;

— факт выезда группы в определенном составе;

— факт прибытия в соответствующее место;

— пояснения лица по поводу общей характеристики места;

— детальные пояснения лица по поводу конкретных действий на месте;

— краткое описание признаков места;

— пояснения лица (потерпевшего и т.п.), находившегося в месте в момент совершения преступления.

Пояснения лица в протоколе указываются от первого лица, по общим правилам, установленным для допроса. В то же время описание места должно осуществляться в соответствии с требованиями, предусмотренными для осмотра места происшествия.

В заключительной части протокола проверки показаний на месте содержатся:

— данные об изъятых предметах, способе их упаковки;

— сведения о поступивших от участников следственного действия замечаниях по поводу его проведения;

– подписи лиц, принимавших участие в производстве следственного действия (лица, показания которого проверялись, его защитника, законного представителя, специалиста, педагога, сотрудников охранно-конвойной службы, понятых, потерпевшего, следователя).

Список литературы

1. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. 704 с.

2. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., Юристъ, 1997. 591 с.

3. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009. 496 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www: sheba.spb.ru (дата обращения: 4 марта 2014 г.).

5. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия. URL: http://www:dic.academic.ru (дата обращения: 4 марта 2014 г.).

6. Новиков С.А. Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2010. N 2. С. 7-11.

7. Глоссарий психологических терминов [Электронный ресурс] / под ред. Н. Губина. URL: http://www: dic.academic.ru (дата обращения: 4 марта 2014 г.).

8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

9. Тарабан Н.А. Пределы действия свидетельского иммунитета в уголовном процессе // Российский следователь. 2012. N 24. С. 33-35.

10. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2010. 784 с.

11. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2004. 704 с.

12. Таркинский А.И., Юсупкадиева С.Н. Тактические приемы проверки показаний на месте // Российский следователь. 2012. N 24. С. 13-14.

13. Криминалистика: тактика, организация и методика расследования преступлений: учебник / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной, Ю.В. Харченко. Волгоград: ВА МВД России, 2000. 328 с.

14. Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин, Я.М. Злоченко, А.Е. Шуклин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 768 с.

References

1. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow, Spark Publ., 2002. 704 p.

2. *Ugolovno-processual'noe pravo* [Criminal Law]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 591 p.

3. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow, Norma Publ., 2009. 496 p.

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Available at: http:// www:sheba.spb.ru (Accessed 4 March 2014).

5. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Encyclopedia of Philosophy. In 5 volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. Available at: http://www:dic.academic.ru (Accessed 4 March 2014).

6. Novikov S.A. *Proverka pokazaniy na meste: problemy pravovogo regulirovaniya* [Checking the location on Legal Issues]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2010, no. 2, pp. 7-11.

7. *Glossariy psikhologicheskikh terminov* [Glossary of psychological terms]. Available at: http://www: dic.academic.ru (Accessed 4 March 2014).

8. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.

9. Taraban N.A. *Predely deystviya svidetel'skogo immuniteta v ugolovnom protsesse* [Scope of witness immunity in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2012, no. 24, pp. 33-35.

10. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. *Kriminalistika* [Forensic science]. Moscow, INFRA-M, KONTRAKT Publ., 2010. 784 p.

11. Ryzhakov A.P. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow, Norma Publ., 2004. 704 p.

12. Tarkinskiy A.I., *Yusupkadieva S.N. Takticheskie priemy proverki pokazaniy na meste* [Tactics on-site verification of testimony]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2012, no. 24, pp. 13-14.

13. *Kriminalistika: taktika, organizatsiya i metodika rassledovaniya prestupleniy* [Forensics: tactics, organization and methods of investigation of crimes: the textbook]. Volgograd, Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2000. 328 p.

14. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N., Zlochenko Ya.M., Shuklin A.E. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 768 p.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

АЛЕКСЕЕВ В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
tipkmvd@rambler.ru
Кафедра оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75

ALEKSEEV V.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
tipkmvd@rambler.ru
Chair of detective activities and crime detection technical actions of the Interior;
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ПЕСТРУИЛОВА Н.Н.,
chig-nn@bk.ru
Кафедра специальных дисциплин;
Новороссийский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
353911, г. Новороссийск,
Сухумское шоссе, 12-й км

PESTRUILOVA N.N.,
chig-nn@bk.ru
Chair of Special Disciplines;
Novorossiysk branch,
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Suhumskoe highway, 12 km.,
Novorossiysk, 353911,
Russian Federation

ВОЗМОЖЕН ЛИ ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ БЕЗ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Реферат. Круг задач субъектов оперативно-розыскной деятельности не ограничивается проведением только оперативно-розыскных мероприятий, также проводятся оперативно-технические, оперативно-поисковые и ряд других мероприятий. Тем не менее в соответствии с законодательством оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых является исчерпывающим. Обосновывается внесение изменений в законодательство: 1) расширяющих объем понятия «оперативно-розыскная деятельность»; 2) разграничивающих оперативно-розыскные, оперативно-технические и оперативно-поисковые мероприятия; 3) закрепляющих дефиницию оперативного эксперимента. Под ним предлагается понимать действия субъектов оперативно-розыскной деятельности, не относящиеся к оперативно-розыскным, оперативно-техническим и оперативно-поисковым мероприятиям. Если такие действия ограничивают конституционные права человека и гражданина, то они должны осуществляться на основании судебного решения. Констатируется, что существующий статус оперативного эксперимента порождает постоянные дискуссии при его отграничении от провокации преступления. Рассматривается эффективность применения оперативного эксперимента в сфере противодействия коррупции. Обосновывается, что статья 304 Уголовного кодекса РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа») изначально формирует правоприменительную практику в лояльном для коррупционеров направлении (любой сотрудник, проводивший эксперимент, – потенциальный провокатор). С учетом предусмотренных оснований оперативного эксперимента авторы моделируют четыре правомерные ситуации проведения эксперимента, в каждой из которых при желании можно вычленить элементы провокации. Эффективное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений невозможно, если оставаться пассивным наблюдателем, необходима наступательная позиция. Противодействие преступности всегда предполагает работу оперативных подразделений на опережение. Первостепенное значение при отграничении эксперимента от провокации имеет добровольность выбора своих действий. Осуществление оперативно-розыскной деятельности не может исчерпываться лишь проведением оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, оперативно-розыскная дея-тельность, эффективность борьбы с преступностью, оперативная обстановка, провокация.

IS IT POSSIBLE TO CONDUCT THE EXPERIMENT IN CRIME DETECTION WITHOUT PROVOCATION OF CRIME?

Abstract. The range of tasks of crime detection activities' subjects isn't limited by crime detection actions but also includes technical, search and other activities. Nevertheless, according to legislation, crime detection activity is carried out by crime detection actions, the list of which is comprehensive. The following changes to legislation are proposed: 1) expanding the scope of the concept "crime detection activity"; 2) distinguishing crime detection, technical and search actions; 3) fixing the definition of experiment in crime detection. It's proposed to define it as the actions of crime detection activities' subjects not related to crime detection, technical and search actions. If such actions restrict constitutional rights of man and citizen, they should be based on court decision. It's stated that the existing status of the experiment in crime detection is the reason of constant debates concerning its distinguishing from crime provocation. The effectiveness of this experiment in the field of countering corruption is considered. It's proved that Article 304 of the RF Criminal Code (provocation of bribe or commercial bribery) initially forms law enforcement practice which is loyal to corrupt officials (any employee who conducted the experiment is a potential provocateur). Taking into account the provided grounds for experiment in crime detection, the authors model four legitimate situations of its conducting, each of which has elements of provocation. Effective prevention, suppression and detection of crime are impossible if being a passive observer. The offensive position is necessary. Combating crime always involves advanced work of operational units. Voluntary choice of actions is of primary importance in distinguishing experiment from provocation.

Keywords: experiment in crime detection, crime detection activities, effectiveness of fight against crime, operational situation, provocation.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что сфера деятельности оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), не ограничивается лишь проведением оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) [1]. Так, в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, кроме оперативно-розыскных, применяются оперативно-технические, оперативно-поисковые и ряд других мероприятий. Более того, в МВД России существуют специальные структурные подразделения, которые их осуществляют:

— Управление оперативно-розыскной информации;

— Бюро специальных оперативно-технических мероприятий;

— Бюро оперативно-поисковых мероприятий*.

Возникает парадокс: структурные подразделения есть, они являются субъектами ОРД** в составе Министерства внутренних дел и проводят соответствующие мероприятия (подобные подразделения существуют в структуре и других органов, имеющих право осуществлять ОРД на территории Российской Федерации), однако в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон «Об ОРД») «оперативно-розыскная деятельность... осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий...»***. При этом перечень оперативно-розыскных мероприятий является исчерпывающим и может быть изменен только Законом «Об ОРД». Следует отметить, что такое положение неизбежно снижает эффективность работы оперативных подразделений, осуществляющих ОРД.

В быстро меняющейся оперативной обстановке, для того чтобы успешно противостоять вызовам преступности, перечень ОРМ придется достаточно регулярно пересматривать. Однако учитывая процедуру принятия поправок к любому закону, такая работа всегда будет занимать большой промежуток времени, следовательно, оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, не смогут эффективно и наступательно противостоять преступности.

По нашему мнению, этого можно избежать, применив один из следующих вариантов изменения оперативно-розыскного законодательства:

---

* Вопросы Министерства внутренних дед Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»): указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. N 248 // Рос. газ. 2011. 2 марта.

** О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 19 июня 2012 г. N 608 // Рос. газ. 2013. 3 авг.

*** Рос. газ. 1995. 18 авг.

1. Понятие ОРД, закрепленное в Законе «Об ОРД», можно сформулировать следующим образом: «**Оперативно-розыскная деятельность** – система организационных, оперативно-розыскных, оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, а также иных действий, осуществляемых гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Федеральным законом, в пределах их компетенции в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Используя опыт законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности ряда стран СНГ, в Законе «Об ОРД» также следует сформулировать и закрепить основные понятия.

При этом, на наш взгляд, в обязательном порядке необходимо разграничить понятия «оперативно-розыскное мероприятие», «оперативно-техническое мероприятие», «оперативно-поисковое мероприятие».

2. Если первый вариант в настоящее время выглядит слишком радикально, то можно предложить на переходный период некий промежуточный, законодательно закрепив следующее определение понятия оперативного эксперимента: «**Оперативным экспериментом** являются иные действия субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, для решения возложенных на них задач, не вошедшие в перечень оперативно-розыскных, оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий. При этом если такие действия ограничивают конституционные права человека и гражданина, то осуществляются на основании судебного решения».

Считаем, что это позволит повысить эффективность противодействия преступности. Для того чтобы аргументировать вышесказанное, проанализируем существующий в настоящее время «статус» рассматриваемого ОРМ.

Термин «оперативный эксперимент», обозначающий одно из оперативно-розыскных мероприятий, в российском законодательстве, регламентирующем сферу оперативно-розыскной деятельности, появился в 1995 году. К сожалению, в Законе «Об ОРД», в отличие от аналогичных законов ряда государств, возникших на постсоветском пространстве, нет определений используемых в нем понятий. Закрытыми нормативными правовыми актами субъектов, осуществляющих ОРД на территории Российской Федерации, регламентируется не только организация и тактика оперативно-розыскной деятельности, что вполне естественно, но и основные понятия, применяемые в данной сфере. Такое положение, по нашему мнению, приводит к различным трактовкам субъектами ОРД тех или иных понятий [2, с. 8-12].

В широком смысле эксперимент (от лат. experimentum – проба, опыт) – это метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности.

Проанализировав зарубежное законодательство, можно сделать вывод, что оперативный эксперимент – искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо воспроизведение события или проведение определенных опытов в полностью управляемых условиях и под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об участии в оперативном эксперименте в целях подтверждения совершения данным лицом противоправных действий, а также предупреждения, выявления, пресечения тяжкого, особо тяжкого преступления или преступления, могущего принести вред национальной безопасности; (ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В соответствии с российским законодательством первоначально проведение оперативного эксперимента также допускалось в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжкого или особо тяжкого преступления. Федеральным законом от 24 июля 2007 г. N 211-ФЗ действие данного ОРМ было распространено и на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений средней тяжести*.

Следует отметить, что этим же нормативным правовым актом в статью 5 Закона «Об ОРД» было внесено положение о том, что органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается «под-

* Рос. газ. 2007. 1 авг.

стрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)».

С этого момента с новой силой разгорелась дискуссия об отграничении оперативного эксперимента от провокации, которая продолжается до сих пор.

Не ставя перед собой задачу рассмотреть все точки зрения по этому вопросу в рамках данной статьи, отметим, что поскольку оперативный эксперимент чаще всего используется в деятельности сотрудников оперативных подразделений для противодействия преступлениям коррупционной направленности, то мы солидарны с авторами следующей позиции: коррупция превратилась в угрозу национальной безопасности России, и меры для устранения этой угрозы должны быть предприняты экстраординарные.

По заявлению официального представителя Следственного комитета Российской Федерации В.И. Маркина, за 9 месяцев 2013 года в производстве следователей Следственного комитета находилось около 30 тысяч уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, что на 4 тысячи больше, чем за весь период 2012 года. Направлено в суд 7 861 уголовное дело о преступлениях коррупционной направленности. Из них 45 уголовных дел — в отношении организованных групп (за весь период 2012 г. — 36) и 3 — в отношении преступных сообществ (преступных организаций), совершивших коррупционные преступления. За 9 месяцев 2013 года в суд было направлено 19 011 уголовных дел, возбужденных по фактам совершения коррупционных преступлений должностными лицами (за весь период 2012 г. — 21 263). В 2013 году следственными органами Следственного комитета по направленным в суд уголовным делам за совершение преступлений коррупционной направленности привлекались в качестве обвиняемых и лица, обладающие особым правовым статусом: депутаты законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации — 9 (2012 г. — 10); представители органов исполнительной власти — 52 (2012 г. — 56); представители органов местного самоуправления — 771 (2012 г. — 840); судьи и представители органов судебной власти — 15 (2012 г. — 14); прокуроры (их заместители) и помощники прокуроров — 11 (2012 г. — 14); сотрудники Следственного комитета — 11 (2012 г. — 14); сотрудники МВД России — 987 (2012 г. — 1 268); сотрудники органов ФСКН России — 64 (2012 г. — 65). В анализируемый период 2013 года следственные органы Следственного комитета до направления уголовного дела в суд проводили работу по возмещению ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности государству, гражданам и юридическим лицам. Размер причиненного ущерба по уголовным делам указанной категории, находящимся в производстве следователей СКР, составил 9,3 млрд рублей, возмещено 3,8 млрд рублей, или 40,8 % (при этом за этот же период 2012 г. ущерб составил 7,9 млрд рублей, возмещено 1,2 млрд рублей (15,8 %). Наложен арест на имущество на сумму 3,9 млрд рублей [3].

Приведенные цифры, конечно, могут впечатлить, однако, по словам главы Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванова, после гуманизации ответственности за преступления, связанные со взяточничеством, из 20 млрд рублей штрафа, назначенного судом, виновными возмещено всего 20 млн рублей*. Таким образом, виновные не только не отбывают реальное наказание в виде лишения свободы, но и не платят штрафы.

Между тем отечественные правоведы — специалисты уголовного права, уголовного процесса, криминологии, криминалистики немало поработали над тем, чтобы в очередной раз создать себе клубок неразрешимых проблем. Ими проделана колоссальная и «плодотворная» работа с тем, чтобы лишить органы уголовного преследования сколько-нибудь реальных правовых средств по изобличению взяточников.

Задел для этого был создан УК РФ 1996 г., восстановившим состав «провокация взятки», что было воспринято широкими массами (включая коррупционеров) как важный шаг в гуманизации и демократизации российского уголовного права. Уже само по себе введение в Кодекс статьи 304 подействовало деморализующе на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Субъектом провокации взятки может быть любое лицо, производящее по данному уголовному делу оперативно-

* Из выступления на телеканале «НТВ», 9 декабря 2013 г. См.: URL: http://www.ntv.ru/peredacha/Bez_kupur/m20980/o175665/

розыскные мероприятия. Именно такую версию всегда выдвигают в суде ретивые защитники обвиняемых во взяточничестве. И, надо признать, это – сильный ход. Существование статьи 304 УК РФ означает, что на любом сотруднике, осуществлявшем оперативный эксперимент, изначально лежит «пятно» провокатора. В глазах присяжных, суда он должен зачастую оправдываться в том, что не является таковым. Между тем все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. «Если есть хоть какое-то подозрение в том, что имела место провокация, – рушится все дело обвинения» [3, с. 45-52].

Отметим, что перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (включая оперативный эксперимент), направленных на изобличение предполагаемых преступников, исчерпывающим образом определен ст. 7 Закона «Об ОРД». К ним относятся, в частности, «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о: признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела» (п. 1 ч. 1 ст. 7 Закона «Об ОРД»).

С учетом определения понятия «оперативный эксперимент», закрепленного в законодательстве Республики Беларусь, смоделируем несколько ситуаций, в которых субъектом будет выступать оперативное подразделение, а объектом – вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

1. Гражданину «А», являющемуся носителем сведений, составляющих государственную тайну, поступает предложение передать секретные сведения за вознаграждение гражданину «Б». «А» соглашается и в момент сделки оказывается задержанным сотрудниками оперативного подразделения.

2. В городе участились случаи краж автомобилей марки «Мерседес» неизвестными лицами. Гражданин «В» оказался в микрорайоне, где ранее совершено несколько подобных краж. Он видит незапертый автомобиль «Мерседес», садится в него, находит ключ от замка зажигания, запускает двигатель, трогается с места и, проехав несколько десятков метров, оказывается задержанным сотрудниками оперативного подразделения.

3. Гражданин «Г» обедает в кафе. Разговорился со случайным собеседником, который предложил помочь найти покупателя героина на сумму один миллион рублей. «Г» категорически отказался, заявив, что он такими делами не занимается и подобных связей не имеет. Через некоторое время к «Г» обратился другой человек, который искал возможность приобрести героин на сумму в полтора миллиона рублей (вес искомого наркотического средства совпал с ранее предложенным для сбыта). Решив подзаработать на разнице в цене, «Г» в момент сделки был задержан сотрудниками оперативного подразделения.

4. К чиновнику «Д», ведающему распределением земельных участков под строительство, обратился предприниматель с просьбой решить вопрос в его пользу за вознаграждение. «Д» согласился и в момент получения денег был задержан сотрудниками оперативного подразделения.

В смоделированных нами ситуациях объект («А», «В», «Г», «Д») может обладать разным имущественным, должностным, социальным положением и жизненным опытом. Однако всех их, как лиц вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности, объединяет то, что, оказавшись в рассмотренных ситуациях, они имели возможность выбрать, как поступить:

– «А» понимал, что может быть обвинен в государственной измене, по условиям контракта он был обязан сообщить о полученном предложении в компетентные органы, но предпочел неправомерно обогатиться;

– «В» мог сообщить о «находке» в правоохранительные органы, но предпочел неправомерно завладеть транспортным средством;

– «Г» также мог сообщить о поступивших ему предложениях в правоохранительные органы, но решил неправомерно обогатиться;

– «Д» не только мог, но обязан был сообщить о сделанном ему предложении в правоохранительные органы, но предпочел неправомерно обогатиться.

Будет ли предпринята попытка со стороны защиты найти в действиях оперативных подразделений элементы провокации? Вполне вероятно. Например, если бы автомобиль

«Мерседес» не находился в то время и в том месте, где и гражданин «В», то последний не совершил бы противоправного деяния. Но оправдывает ли это его? Проанализировав всю цепочку причинно-следственных связей, которая привела к рассмотренным последствиям, каждый при желании увидит то, что захочет. Так можно дойти и до абсурда, предположив, что первопричиной является производитель автомобилей «Мерседес».

Важнейшей задачей оперативных подразделений является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. При этом важно понимать, что правоохранительные органы в целом и оперативные подразделения в частности не могут пассивно наблюдать за складывающейся оперативной обстановкой, они должны занимать наступательную и последовательную позицию по выявлению и установлению лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления.

Еще раз подчеркнем, что в рассмотренных выше ситуациях объект («А», «В», «Г», «Д»), находился перед добровольным выбором, но внутренне уже был готов к противоправным действиям и совершил их. Субъекты – оперативные подразделения – правомерно, в рамках российского законодательства выполняли поставленные перед ними задачи.

Даже незнание закона не освобождает от ответственности лицо, совершившее преступление. А если лицо, вполне осознавая противоправность своих действий, умышленно их совершает, то говорить о провокации по отношению к нему со стороны правоохранительных органов, по нашему мнению, по меньшей мере странно.

В заключение отметим:

– для эффективного противодействия преступности оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, должны иметь возможность работать на опережение противоборствующей стороны;

– в вопросе об отграничении правомерного поведения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, от провокации, первостепенное значение имеет добровольность выбора противоборствующей стороной своих действий;

– при осуществлении ОРД оперативные подразделения не могут ограничиваться лишь проведением оперативно-розыскных мероприятий;

– для придания легитимности деятельности всех субъектов, осуществляющих ОРД, необходимо изменить закрепленное в Законе «Об ОРД» определение понятия оперативно-розыскной деятельности, дополнить его определениями основных понятий, используемых в нем.

Список литературы

1. Алексеев В.В. Перспективы развития оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // Современные научные исследования. Вып. 2. Концепт. 2014. URL: http://e-koncept.ru/ext/61/50/6 (дата обращения: 1 июня 2014 г.).

2. Алексеев В.В. К вопросу о понятийном аппарате в сфере оперативно-розыскной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. (1-2 ноября 2013 г.). Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюм. гос. академия мировой экономики, управления и права, 2013. С. 8-12.

3. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: http:/www.sledcom.ru/actual/368052/ (дата обращения: 11 дек. 2013 г.).

4. Александрова И.А., Шевелев А.В. К вопросу о пересмотре границы между провокаций взятки и оперативным экспериментом // Вестник МВД России. 2007. N 1. С. 45-52.

References

1. Alekseev V.V. *Perspektivy razvitiya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Prospects for the development of operational-search activity in the Russian Federation]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya. Vyp. 2. Kontsept. 2014* – Modern scientific research. Edition 2. Concept. Available at: http://e-koncept.ru/ext/61/50/6 (Accessed 1 June 2014).

2. Alekseev V.V. *K voprosu o ponyatiynom apparate v sfere operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [On the conceptual apparatus in the field of operational and investigative activities]. *Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh* [Improvement of law enforcement agencies to combat crime in the modern world]. Tyumen, Tyumen State Academy of World Economics, Management and Law Publ., 2013. Edition 10. In 2 parts. Part 2. Pp. 8-12.

3. *Ofitsial'nyy sayt Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [The official website of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Available at: http://www.sledcom.ru/actual/368052/ (Accessed 11 December 2013).

4. Aleksandrova I.A., Shevelev A.V. *K voprosu o peresmotre granitsy mezhdu provokatsiy vzyatki i operativnym eksperimentom* [On the question of the revision of the boundaries between provocation bribes and operational experiment]. *Vestnik MVD Rossii* – Herald of Russian Interior Ministry, 2007, no. 1, pp. 45-52.

ТОЛДИЕВ А.Б.,
кандидат юридических наук,
Shomik788@mail.ru
Кафедра огневой подготовки;
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
360016, Кабардино-Балкарская
Республика,
г. Нальчик, Мальбахова, 123

TOLDIEV A.B.,
Candidate of Legal Sciences,
Shomik788@mail.ru
Chair of Fire Training;
North Caucasus Advanced
Training Institute (branch),
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Malbakhova St. 123, Nalchik, 360016,
Kabardino-Balkar Republic,
Russian Federation

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ СОВРЕМЕННАЯ ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ?

Реферат. Дежурные части территориальных органов МВД России, являясь центрами оперативного реагирования, в полном объеме испытывают на себе воздействие всех негативных последствий, возникающих вследствие происходящих в стране преобразований и реформ, возрастания социально-политической активности населения, увеличения числа особо тяжких преступлений, связанных с вооруженными нападениями, использованием взрывчатых веществ. Известно, что от эффективности работы дежурных частей во многом зависят результаты деятельности органов внутренних дел. От дежурного зависит своевременность прибытия следственно-оперативной группы и эффективность ее работы на месте происшествия; он инициирует механизм расследования преступлений; руководит всеми нарядами и патрулями, которые работают по плану «единой дислокации» на улицах городов и поселков. Дежурные части некоторых территориальных органов внутренних дел обеспечивают работу видеосистем «Безопасный город». Аргументируется, что на сегодняшний день важно укрепить централизованное управление нарядами, задействованными в системе единой дислокации, построить четкую иерархическую структуру во главе с дежурной частью органов внутренних дел, исключить дублирование функций. Рассмотрены особенности организации работы дежурных частей органов внутренних дел по управлению подконтрольными силами и средствами, даны рекомендации, следование которым окажет ощутимое влияние как на деятельность дежурных частей, так и на имидж их сотрудников и состояние правопорядка на обслуживаемой территории. Обосновываются направления реформирования работы дежурных частей для укрепления доверия населения к полиции путем формирования нового облика самой дежурной части, сотрудники которой способны эффективно защитить права и свободы граждан.

Ключевые слова: дежурные части органов внутренних дел, взаимодействие, наряды комплексных сил, компетентность и профессионализм.

MODERN EMERGENCY DISPATCH CENTER OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES – WHAT SHOULD IT BE?

Abstract. Being rapid response centers, emergency dispatch centers of the territorial bodies of MIA of Russia fully experience the impact of negative effects arising from changes and reforms taking place in the country, increasing social and political activity of the population, increasing numbers of serious crimes related to armed assaults, using explosives. It's known that the results of internal affairs bodies' activities largely depend on the efficiency of emergency dispatch centers. The duty officer is responsible for the timely arrival of investigative-operational group and effectiveness of its work at the crime scene. He initiates a mechanism to investigate crimes and manages all patrols. Some emergency dispatch centers ensure the operation of video systems "Safe City". It's proved that today, it's important to strengthen the centralized management of the police squads involved in the system of a single dislocation, to construct a clear hierarchical structure headed by emergency dispatch center of the internal affairs bodies, to avoid overlapping of functions. The features of the organization of work of the internal affairs bodies' emergency dispatch centers to manage controlled forces and means are considered. Some recommendations are given. Following these guidelines will have a significant effect on the emergency dispatch centers activities, the image of their employees, law and order in the service area. The directions of reforming the emergency dispatch centers to strengthen public confidence in the police are substantiated. Reform can be carried out by forming new image of emergency dispatch centers, which employees are able to protect citizens' rights and freedoms effectively.

Keywords: emergency dispatch centers of the internal affairs bodies, interaction, integrated police forces squads, competence and professionalism.

Формирование правового государства, укрепление законности и правопорядка, общественное мнение, наконец, требуют повышения эффективности работы всех правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, и успешное решение ими этих задач в значительной мере зависит от того, насколько отлажен в них механизм оперативного управления подконтрольными силами и средствами. Ведущую роль в этом механизме играют дежурные части Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Дежурные части территориальных органов МВД России (отдела, отделения полиции), являясь центрами оперативного реагирования, в полном объеме испытывают на себе воздействие всех негативных последствий, возникающих по причине происходящих в стране преобразований, возрастания общественной активности всех слоев населения, увеличения числа тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с вооруженными нападениями, использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств*.

Необходимо отметить, что руководством МВД России адекватно обстановке проводится тезис о том, что от эффективности работы дежурных частей во многом зависят результаты деятельности органов внутренних дел и в целом МВД России. Вопросы совершенствования деятельности дежурных частей обсуждаются постоянно.

От дежурного зависит своевременность прибытия следственно-оперативной группы (СОГ) и эффективность ее работы на месте происшествия. Именно оперативный дежурный «включает» сложный механизм расследования преступлений, руководит всеми нарядами и патрулями, которые работают по плану «единой дислокации» на улицах городов и поселков, а дежурные части некоторых территориальных органов внутренних дел, кроме того, обеспечивают работу видеосистем «Безопасный город». Эффективность внедрения в населенных пунктах технических средств объективного контроля оперативной обстановки в общественных местах растет из года в год. В некоторых крупных городах идет процесс замены камер и серверов на более мощные, чтобы данные хранились как можно дольше. Для обеспечения обзора не только подъездов, но и дворов, устанавливаются обзорные камеры на крышах жилых домов.

На сегодняшний день важно укрепить централизованное управление нарядами, задействованными в системе единой дислокации, построить четкую иерархическую структуру во главе с дежурной частью органов внутренних дел, исключить дублирование функций. Дежурный должен по-настоящему руководить нарядами, а не просто передавать тревожные сигналы по инстанциям. Он как никто другой должен знать формы и методы, и самое главное – алгоритм действий в той или иной ситуации и осознанно решать задачи на основе инновационных технологий, которые сегодня имеются в органах внутренних дел.

Изменения уже происходят по всем составляющим управленческого процесса – правовая база, схема несения службы, материально-техническое обеспечение, процесс обучения и критерии оценки деятельности. Основная задача проводимой работы – добиться четкого и слаженного взаимодействия нарядов комплексных сил и средств органов внутренних дел под руководством дежурной части.

Этому способствует внедрение навигационно-мониторинговых систем для позиционирования служебного автотранспорта, а также формирование в муниципальных образованиях элементов аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город» и введение в эксплуатацию рабочих мест Единой информационно-телекоммуникационной сети органов внутренних дел (ЕИТКС) [1].

В большинстве дежурных частей помещения и оборудование не соответствуют предъявляемым к ним требованиям, поэтому одним из важных направлений совершенствования организационной структуры дежурных частей следует при-

* Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 10 июля 2013 г. N 535. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

знать безотлагательное решение вопроса о приведении в соответствие предъявляемым требованиям их помещений, оборудования и материально-технического обеспечения.

В МВД России принято решение о том, что эти самые важные для обычных граждан подразделения будут работать в принципиально новом качестве. Сами помещения полностью перестроят и переоборудуют так, что они станут похожи на европейские офисы, а не «мини-тюрьмы», как сейчас. Ни для кого не секрет, что зачастую посещение полиции оставляет у посетителей тягостное впечатление: «обезьянник» для задержанных; туалет; дежурный, отгороженный от посетителей стальной решеткой. Через узкое окошечко полицейский общается с посетителями и принимает от них заявления. Весь этот нерадостный «видеоряд» дополняется соответствующими запахами, а нередко и пьяными репликами тех, кто «в клетке».

Не потому ли люди обращаются в полицию только в самых крайних случаях, когда уже произошло что-то чрезвычайное? Полагаем, что если бы обстановка была другой, многие приходили бы сюда поделиться своими тревогами и опасениями, просто посоветоваться. Как следствие, значительного числа преступлений, а значит, человеческих трагедий можно было бы избежать, предотвратить.

На Западе уже давно решили эту проблему. Там полицейские участки напоминают, скорее, стандартный офис, как, скажем, у любого муниципального чиновника. Отличие только в одном — посетителя встречает человек в форме. Для посетителей предусмотрена комната или холл с диванчиком, журнальным столиком, питьевой водой. Цветы на подоконнике, нейтральные картинки на стенах. Гражданам нет необходимости даже видеть нарушителей закона.

Дежурный за застекленной стойкой обязательно встает, как только человек зайдет в помещение. Посетителю предложат стандартный бланк, если ему надо подать заявление. Или попросят подождать в удобном кресле в холле, если он желает встретиться с конкретным офицером. Можно доверительно пообщаться наедине с полицейским офицером, который подскажет, как правильно написать заявление, нужно ли его вообще писать, даст совет, пообещает помощь или вмешательство в ситуацию. Кстати, такое доверие населения к своей полиции порой заменяет агентурную сеть. Теперь это стремятся реализовать и в России. По рекомендациям специалистов — дизайнеров и психологов — интерьеры помещений дежурных частей территориальных органов будут оформлять в теплой, спокойной цветовой гамме. От этого зачастую зависит настроение посетителей, их предрасположенность к беседе. А применение современных средств охраны позволит отказаться от привычных сегодня в отделениях металлических решеток.

Такой пилотный проект по созданию совершенно новых дежурных частей полиции запущен в Тульской области.

Наименование службы органа внутренних дел, призванного выполнять функции оперативного управления силами и средствами (дежурная часть), в настоящее время не соответствует ни выполняемым функциям, ни ее организационно-штатной структуре.

В настоящее время круг обязанностей сотрудников дежурной части настолько широк и разнообразен, что применительно к ним слово «дежурный» приобретает новое качественное значение. Кроме того, об этом свидетельствуют и наименования должностей в соответствии с Типовыми штатными расписаниями дежурных частей органов внутренних дел: «начальник смены», «помощник начальника дежурной части — оперативный дежурный», «помощник начальника отдела — оперативный дежурный».

Кроме того, понятия «дежурная часть» и «дежурная служба» тождественны, и это объясняется тем, что дежурная часть является координирующим органом оперативного управления силами и средствами (служебными нарядами, СОГ, группой немедленного реагирования (ГНР), находящимися в распоряжении оперативного дежурного), а все эти силы и средства, включая оперативного дежурного и его помощников, несут дежурную службу в течение дежурных суток [2].

Изложенное выше свидетельствует о необходимости рассмотрения современных дежурных частей не как части, а как относительно самостоятельного системного образования. Кроме того, оперативный

характер выполняемых дежурной частью функций и как органа оперативного управления, и как аппарата непосредственного исполнения позволяет сделать вывод о том, что наиболее правильным было бы рассматриваемую организационную структуру именовать «служба оперативного реагирования».

Для поддержания высокой работоспособности в течение дежурных суток сотрудникам дежурной смены должны быть созданы необходимые условия для выполнения ими своих служебных обязанностей. Зал (комната) оперативного дежурного должен иметь достаточную освещенность на протяжении круглосуточного дежурства, эффективную вентиляцию и надежную звукоизоляцию.

Дежурные части органа внутренних дел, в зависимости от их уровня в системе дежурных частей МВД России, должны быть обеспечены техническими средствами и оборудованием в полном объеме.

Очень много вопросов и нареканий вызывает на практике наличие и функционирование в дежурной части телевизора. Место его расположения нормативно не определено, и некоторые руководители органов внутренних дел категорически против нахождения телевизора в зале (комнате) оперативного дежурного. Здесь имеются как плюсы, так и минусы. Наличие в Центре управления нарядами, где функционируют в реальном режиме десятки мониторов, на которые поступают изображения с сотен видеокамер, работающего телевизора недопустимо, но в дежурных частях, особенно в ночное время, когда несколько снижается количество поступающих сообщений и заявлений, наоборот, поможет дежурной смене получать дополнительную информацию, а также бодрствованию и психологической релаксации.

Важным направлением в работе дежурной части является организация постоянной готовности сил и средств органа внутренних дел к действиям при чрезвычайных обстоятельствах и при раскрытии преступлений по «горячим следам». В зависимости от тяжести и последствий преступного деяния с целью его раскрытия дежурный может задействовать иногда и силы соседних органов внутренних дел. Как показывает практика, эффективное раскрытие преступления по «горячим следам» возможно лишь при условии, если оно обнаружено через непродолжительное время после его совершения [3]. В связи с этим исключительное значение имеет быстрота прохождения до дежурной части информации как непосредственно от граждан, так и от других источников.

На практике распространены случаи, когда при поступлении сообщения о правонарушении оперативный дежурный, не выяснив до конца обстоятельства случившегося или не имея такой возможности, в принудительном порядке отправляет участкового уполномоченного полиции на место происшествия «для выяснения обстоятельств». Зачастую получаемые сообщения не содержат всех необходимых и достаточных оснований для принятия такого решения. Основными причинами такого решения являются не только неудовлетворительная материально-техническая оснащенность дежурных частей, но и неумение оперативного дежурного правильно использовать имеющиеся в его распоряжении силы и средства.

Рассмотренные аспекты деятельности дежурных частей позволяют сформулировать некоторые рекомендации и предложения, направленные на повышение эффективности их деятельности:

1. Необходимо изыскать возможность для внедрения моделей охраны общественного порядка: АПК «Безопасный город» и ЕИТКС. Внедрение в АПК «Безопасный город» комплексов технических средств, обеспечивающих выполнение требований, предъявляемых к аппаратуре видеонаблюдения и регистрации видеоизображений, с возможностью проведения последующих идентификационных исследований. Изображения, полученные с применением такого оборудования, могут в дальнейшем использоваться в качестве доказательной базы в судебных инстанциях, что позволит существенно повысить эффективность деятельности дежурных частей.

2. Наряды полиции, несущие службу на маршрутах и постах, должны иметь возможность получить удаленный доступ к необходимым базам данных, электронным досье, а патрульные машины должны быть оборудованы навигационно-мониторинговыми системами.

3. Центры управления нарядами должны иметь возможность видеть «кар-

тинки» не только со своих установок видеонаблюдения, но и с наружных и внутренних видеокамер предприятий, учреждений, организаций, в том числе государственных органов.

4. Необходимо снабдить устройствами экстренной связи «гражданин – полиция» общественные места.

5. В целях повышения работоспособности, добросовестного отношения к своему делу дежурных смен дежурной части руководством органа внутренних дел должны приниматься меры по улучшению условий несения ими службы, но в то же время необходимо автоматизировать контроль за работой дежурных частей. Для этого установить системы видеонаблюдения на рабочих местах оперативных дежурных с возможностью круглосуточной записи их телефонных переговоров и даже устных диалогов с гражданами, которые лично обратились в дежурную часть.

6. Хороший эффект в улучшении деятельности даст акция «Обратная связь», когда работа сотрудников дежурных частей оценивается с помощью специальных карточек. Для удобства они делятся на три вида: красные, зеленые или желтые, что означает соответственно отрицательную, положительную и удовлетворительную оценку. Карточки может заполнять каждый посетитель отдела внутренних дел. Накопление карточек того или иного цвета позволит руководству органа внутренних дел решать вопрос о целесообразности нахождения конкретного сотрудника дежурной части на занимаемой должности или поощрения.

7. Проводить ежегодно Всероссийский конкурс профессионального мастерства среди сотрудников дежурных частей МВД России (поэтапно, начиная с низшего звена и заканчивая высшим звеном: дежурная часть пункта, отделения, отдела полиции территориального органа МВД России на районном уровне – дежурная часть территориального органа МВД России на региональном уровне – дежурная часть окружного уровня – дежурная часть МВД России).

Участникам конкурса могут быть предложены испытания по следующим направлениям:

– физическая подготовка;

– медицинская подготовка;

– профессиональная подготовка;

– огневая подготовка;

– правовая подготовка;

– технико-криминалистическая подготовка.

Победителей конкурса поощрять правами Министра внутренних дел Российской Федерации.

8. Систематически в рамках профессиональной служебной и физической подготовки проводить с сотрудниками дежурных частей занятия, предполагающие отработку совместных действий нарядов комплексных сил и органов управления на практических занятиях, тренировках, тактико-специальных или тактико-строевых занятиях, в групповых упражнениях и учениях, а также обучение на методических занятиях и сборах, штабных тренировках, командно-штабных учениях.

9. Реализуемые во многих регионах Российской Федерации многочисленные программы, проекты, акции, такие как: «Дежурная часть ОВД – зона соблюдения прав человека», «Дежурная часть слушает Вас», «Самый вежливый сотрудник дежурной части», «Самый открытый отдел внутренних дел» и другие, имеют информационно-пропагандистский характер, направлены на совершенствование доверительных партнерских отношений с населением. Особенно важно, чтобы с самого начала своего пути по казенным коридорам человек ощутил, что здесь царят закон и порядок. Вежливое и культурное обращение с гражданами – одно из основных требований к сотрудникам дежурной части. Ведь их умение вежливо общаться с людьми, способность оказать моральную поддержку и помочь в рамках своей компетенции – это такие же важные составляющие профессионализма, как и специальные полицейские навыки, знания, опыт.

10. В каждом регионе должны быть созданы базовые дежурные части с необходимым материально-техническим оснащением, где должны быть организованы периодическая стажировка сотрудников дежурных частей, изучение и распространение передовых форм и методов работы, прежде всего в раскрытии преступлений по «горячим следам», и все рациональные рекомендации, предложения по организации, совершенствованию деятельности

дежурных частей должны браться на вооружение.

11. Сотрудникам подразделений организации работы с личным составом ОВД необходимо проводить выборку личных дел и в плановом порядке направлять сотрудников дежурных частей в учебные заведения МВД России для повышения квалификации. Именно это определяет сегодня компетентность и профессионализм сотрудников полиции.

Полагаем, что изложенные выше рекомендации окажут позитивное влияние не только на совершенствование деятельности дежурных частей, состояние правопорядка на обслуживаемой территории, но и повлияют на повышение имиджа сотрудников дежурных частей органов внутренних дел, укрепление доверия населения к полиции, позволят сформировать новый облик сотрудника полиции, способного надежно защищать конституционные права, свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. М.: Проспект, 2012. 552 с.

2. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / О.И. Бекетов [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 790 с.

3. Кобозев А.А. Правовые и организационные вопросы деятельности дежурных частей горрайорганов внутренних дел по обеспечению общественного порядка и безопасности: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2001.

References

1. Avrutin Yu.E., Bulavin S.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu «O politsii»* [Comments to the Federal Law "On Police"]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 552 p.

2. Beketov O. [i dr.]. *Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del* [Administrative activities of the Interior]. Moscow, 2008. 790 p.

3. Kobozev A.A. *Pravovye i organizatsionnye voprosy deyatel'nosti dezhurnykh chastey gorrayorganov vnutrennikh del po obespecheniyu obshchestvennogo poryadka i bezopasnosti* [Legal and organizational issues of the activity of active-duty units of the municipal and district bodies of internal Affairs to ensure public order and safety]. Domodedovo, VIPK the Ministry of internal Affairs of Russia, 2001.

ШМИДТ А.А.,
кандидат юридических наук,
artem-shmidt@yandex.ru
Главное управление
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
по Челябинской области,
454091, г. Челябинск, Елькина, 34

SCHMIDT A.A.,
Candidate of Legal Sciences,
artem-shmidt@yandex.ru
The Main Department of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
on the Chelyabinsk region,
Elkina St. 34, Chelyabinsk, 454091,
Russian Federation

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРУЖИИ: ВЗГЛЯД ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

Реферат. Исследуются технико-юридическое оформление действующего российского законодательства об обороте оружия и практика его применения. С позиций оптимизации государственной лицензионно-разрешительной политики рассматриваются отдельные положения Федерального закона «Об оружии», Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, других правовых актов, регламентирующих лицензионно-разрешительную систему. Приводятся примеры логических ошибок, допущенных законодателем при построении юридических конструкций, определяющих порядок получения лицензии на приобретение оружия, разрешений на его хранение и ношение. Подвергнуты критике положения ст. 13 Федерального закона «Об оружии», п. 63 Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации. С учетом правоприменительной практики внесены предложения по изменению редакции этих положений правовых актов. Вскрыты недостатки в организации работы сотрудников полиции, осуществляющих контроль за оборотом гражданского оружия. Предлагается уточнить полномочия сотрудников полиции путем внесения соответствующих дополнений в ведомственные правовые акты, регламентирующие порядок осуществления полномочий полиции по контролю за оборотом гражданского оружия. Проанализированы положения законодательства об административной ответственности за нарушение отдельных правил оборота гражданского оружия. Констатируется отсутствие объекта административного правонарушения, предусмотренного в новой редакции ч. 1 ст. 20.13 КоАП РФ, ввиду отсутствия нормативно установленных правил проведения стрельб для владельцев оружия и граждан, обучающихся безопасному обращению с оружием в спортивных и образовательных учреждениях. Высказывается предложение о разработке подобного рода правил.

Ключевые слова: гражданское оружие, лицензионно-разрешительная система, деятельность полиции, административная ответственность.

LOGICAL ERRORS OF GUN LEGISLATION: VIEW OF LAW ENFORCER

Abstract. Technical and legal aspects of the current Russian legislation on weapons turnover and the practice of its application are investigated. Certain provisions of the Federal Law "On weapons", the Rules of civilian and service weapons and ammunition turnover on the territory of the RF, other legal acts regulating the licensing system are considered from the perspective of optimizing the state licensing policy. The examples of logical errors made by legislator in the development of legal structures determining the procedure for obtaining license for weapon purchase and permissions for its storage and carrying are given. Provisions of Article 13 of the Federal Law "On weapons", paragraph 63 of the Rules are criticized. Taking into account law enforcement practice, the proposals to change the wording of these provisions of legal acts are made. Shortcomings in the organization of work of police officers controlling the civilian weapons trafficking are revealed. It's proposed to clarify the powers of police officers by making appropriate additions to the departmental legal acts regulating the police powers to control civilian weapons turnover. The provisions of the legislation on administrative responsibility for violation of certain rules of civilian weapons turnover are analyzed. The lack of the object of administrative offense provided by new edition of part 1 of Article 20.13 of the RF Administrative Offences Code is stated. This is due to the lack of legal rules of shooting for gun owners and citizens studying safe gun handling in sports and educational establishments. The proposal to develop such rules is made.

Keywords: civilian weapons, licensing system, police work, administrative responsibility.

Российское законодательство об оружии* как элемент государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота оружия часто выступает объектом критики со стороны общества, правозащитников и самих сотрудников полиции. Однако обвинения в мягкости представляются не вполне обоснованными. Так, российская правовая система предусматривает достаточно сложную процедуру приобретения оружия гражданами, регламентирует многоступенчатую процедуру контроля полиции за оборотом оружия и устанавливает возможность применения жестких санкций за нарушения правил его оборота вплоть до лишения права на его приобретение и владение им, конфискации оружия и его отчуждения в соответствии с гражданским законодательством [1; 2; 3].

При этом, по нашему мнению, в реформировании нуждается не все законодательство об оружии в целом. Требуется налаживание механизмов его реализации и устранение логических ошибок и противоречий в профильном правовом массиве. Так, например, в ст. 13 Федерального закона «Об оружии» приводится перечень обстоятельств, препятствующих приобретению и дальнейшему владению оружием, при наличии которых лицензия на приобретение оружия не выдается, а выданные лицензии и разрешения в порядке ст. 26 Федерального закона «Об оружии» подлежат аннулированию [4]. Указанные меры административного характера применяются в случае совершения гражданином повторно в течение года административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления; административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, либо административного правонарушения в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ. Таким образом, лицензия не выдается, а выданные лицензии и разрешения подлежат аннулированию, в том числе, например, при совершении правонарушений, предусмотренных ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах» или ст. 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения».

При этом вызывает недоумение отсутствие в приведенном выше перечне обстоятельств, препятствующих владению оружием, других правонарушений, связанных с потреблением алкогольной продукции, наркотических средств или психотропных веществ, которые являются, как представляется, не менее общественно опасными административными правонарушениями: ст. 12.8 («Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения»); ст. 12.26 («Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения»); ч. 3 ст. 12.29 («Нарушение Правил дорожного движения лицом, управляющим мопедом, велосипедом, либо возчиком или другим лицом, непосредственно участвующим в процессе дорожного движения, совершенное в состоянии опьянения»).

Изложенное выше иначе как логической ошибкой назвать сложно, тем более на фоне постоянной риторики о запрете ношения оружия в состоянии опьянения [5]. Полагаем, что это требует внесения изменений и дополнений в ст. 13 Федерального закона «Об оружии».

Представляется логической ошибкой установление в Законе обстоятельств, препятствующих владению оружием, и отсутствие в профильном правовом массиве механизма выявления указанных обстоятельств. Так, ведомственные нормативные правовые акты, определяя компетенцию участковых уполномоченных полиции в процессе реализации прав, предоставленных им Федеральным законом «Об оружии», устанавливают правомочие принимать участие в пределах административ-

* Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ: ред. от 2 апр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681; 2014. N 30 (ч. 1). Ст. 4228.

ного участка только в решении вопросов выдачи лицензии на приобретение гражданского и служебного оружия гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии»; а равно разрешения на хранение или хранение и ношение гражданского и служебного оружия, хранение и ношение наградного оружия; на транспортирование, ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации указанного оружия и патронов к нему, то есть при обращении гражданина за искомыми разрешительными документами впервые либо при их продлении по истечении пятилетнего срока их действия. Такое участие реализуется посредством проведения обследования условий хранения оружия и подготовки соответствующего рапорта, рекомендуемый образец которого приведен в приложении к приказу МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»*.

При этом в нормативных правовых актах МВД России не закреплено, что подобного рода проверки в соответствии с приказом Министерства осуществляются сотрудниками полиции не только при получении лицензии на приобретение или разрешения на хранение гражданского оружия, но и не реже 1 раза в год при проведении проверки наличия, организации хранения и учета, а также технического состояния оружия и патронов**.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, при которой, осуществляя так называемые ежегодные проверки условий хранения оружия граждан, проверка наличия обстоятельств, препятствующих владению оружием, сотрудниками полиции не осуществляется.

Результатом таких просчетов становится несвоевременное изъятие оружия у осужденных впоследствии владельцев оружия; лиц, совершивших правонарушения, связанные с нарушением правил охоты, посягательством на порядок управления, общественный порядок и общественную безопасность, потребление наркотических средств и психотропных веществ; умерших граждан, что впоследствии приводит к нелегальному обороту оружия [6, с. 79-80].

Для устранения подобного организационного просчета представляется целесообразным дополнить рекомендуемый образец рапорта сведениями о владельце оружия, позволяющими принять решение о возможности дальнейшего владения оружием: сведения о судимости, отбывании наказания за совершенное преступление; совершении административного правонарушения. Кроме того, необходимо изменить редакцию п. 81.3.2 приказа МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166, предусмотрев полномочия по разрешению указанных вопросов не только при выдаче лицензии на приобретение, разрешения на хранение гражданского оружия гражданам при наличии оснований, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии», но и при осуществлении соответствующих проверок условий хранения оружия не реже одного раза в год.

Подобного рода логические ошибки и несогласованность профильного законодательства влекут за собой трудности в юрисдикционной деятельности. Так, неоднозначную оценку получила практика привлечения к административной ответственности за нарушение правил ношения оружия (ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ) владельцев бесствольного оружия. Пункт 63 Правил оборота гражданского и служебного оружия, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. N 814*** (далее – Правила), обязывает ис-

---

* Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 дек. 2012 г. N 1166 // Рос. газ. 2013. 27 марта.

** Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: приказ МВД России от 29 июня 2012 г. N 646 // Рос. газ. 2012. 12 окт.

*** О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. N 814: ред. от 28 февр. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 32. Ст. 3878.

пользовать кобуру при ношении оружия только владельцев короткоствольного оружия, не предусматривая такой обязанности для владельцев бесствольного оружия самообороны. Пробельность указанных правил не позволяет привлечь граждан, допустивших утрату оружия, к административной ответственности, что нашло свое подтверждение в материалах судебной практики.

На основании изложенного представляется целесообразным внести изменения в п. 63 Правил, изложив его в следующей редакции:

«63. Ношение огнестрельного длинноствольного оружия осуществляется в расчехленном состоянии, со снаряженным магазином или барабаном, поставленным на предохранитель, а огнестрельного короткоствольного и бесствольного оружия – в кобуре в аналогичном виде».

Вызывает сложности привлечение к административной ответственности владельцев гражданского оружия и лиц, обучающихся правилам безопасного обращения с оружием, в соответствии с ч. 1 ст. 20.13 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за стрельбу из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил [7].

В настоящее время правил для данной категории лиц нормативными правовыми актами не установлено. Также представляется неуместным в целях ч. 1 ст. 20.13 КоАП РФ использовать какие-либо правила выполнения стрельб, действующие в образовательном учреждении, т.к. подобного рода правила трудно признать нормативными актами. Представляется невозможным использовать в этих целях положения, предусмотренные приказами Минобрнауки России*, Минобороны России и Минобрнауки России**, МВД России***, так как указанные нормативные документы в качестве адресатов правового воздействия не предусматривают граждан, проходящих обучение по программам безопасного обращения с оружием.

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что административно-регулятивная деятельность государства в сфере оборота гражданского оружия (лицензионно-разрешительная политика) является одним из векторов развития государственной политики в сфере безопасности, от состояния которой напрямую зависит состояние общественной безопасности. В соответствии с Федеральным законом «О безопасности»**** государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Проведенный краткий анализ законодательства об оружии в части ограничения доступа к оружию лиц, допустивших различного рода нарушения, и контроля полиции за соблюдением требований законодательства об оружии показал, что лицензионно-разрешительная политика государства страдает пробельностью, в ней нет того самого «единого замысла», связывающего правовой массив о граж-

---

* Об утверждении требований к содержанию программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием и порядка согласования программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием: приказ Минобрнауки России от 5 апр. 2012 г. N 259 // Рос. газ. 2012. 16 мая.

** Об утверждении Инструкции об организации обучения граждан Российской Федерации начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы в образовательных учреждениях среднего (полного) общего образования, образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования и учебных пунктах: приказ Минобороны России, Минобрнауки России от 24 февр. 2010 г. N 96/134 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. N 18.

*** Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в ОВД: приказ МВД России от 13 нояб. 2012 г. N 1030дсп.

**** О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

данском оружии. Указанное свидетельствует о необходимости последовательной модернизации законодательства об оружии, направленной на согласование всех элементов правового механизма контроля за оборотом гражданского оружия, устранение ошибок, противоречий, восполнение пробелов.

Предложения по совершенствованию отдельных нормативных правовых актов и разработке новых, изложенные в статье, думается, могут быть полезны для совершенствования государственной лицензионно-разрешительной политики в сфере оборота гражданского оружия.

Список литературы

1. Бекетов О.И., Сургутсков В.И. Наличие судимости за совершение умышленного преступления как препятствие в выдаче лицензии на приобретение оружия гражданам Российской Федерации // Адвокат. 2008. N 2. С. 31-33.

2. Зырянов Э.Л. Разрешительные полномочия органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2013. N 5. С. 13-21.

3. Миронов О.В. О некоторых вопросах совершенствования законодательства об административных правонарушениях в сфере оборота оружия в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. N 6.

4. Устинов А.И. Несколько слов о понятийном аппарате закона «Об оружии» // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. N 2 (18). С. 225-227.

5. Проект Федерального закона N 307135-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием оборота оружия» (в ред. на 01.07.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шмидт А.А. О перспективных формах организации работы органов внутренних дел по добровольной сдаче незаконно хранящихся средств вооружения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 4 (22). С. 79-83.

7. Степовой Р.А. Гражданское и служебное оружие: понятие и юридические признаки // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. N 1. С. 22-27.

References

1. Beketov O.I., Surgutskov V.I. *Nalichie sudimosti za sovershenie umyshlennogo prestupleniya kak prepyatstvie v vydache litsenzii na priobretenie oruzhiya grazhdanam Rossiyskoy Federatsii* [Having been convicted of committing an intentional crime as an obstacle to grant a license for the acquisition of weapons of citizens of the Russian Federation]. *Advokat* – Lawyer, 2008, no. 2, pp. 31-33.

2. Zyryanov E.L. *Razreshitel'nye polnomochiya organov ispolnitel'noy vlasti* [Permissive powers of the executive]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law, 2013, no. 5, pp. 13-21.

3. Mironov O.V. *O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sfere oborota oruzhiya v Rossiyskoy Federatsii* [On some questions of improvement of legislation on administrative offenses in the sphere of arms trafficking in the Russian Federation]. *Yuridicheskiy mir* – Legal world, 2009, no. 6

4. Ustinov A.I. *Neskol'ko slov o ponyatiynom apparate zakona "Ob oruzhii"* [A few words about the conceptual framework of the law "On Weapons"]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* – Theory and Practice of Forensic Science, 2010, no. 2 (18), pp. 225-227.

5. *Proekt Federal'nogo zakona N 307135-6 «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem oborota oruzhiya» (v red. na 01.07.2013)* [The draft Federal Law N 307135-6 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of traffic in arms" (in edition on 01.07.2013)]. Available at: Reference and legal system "Consultant Plus".

6. Shmidt A.A. *O perspektivnykh formakh organizatsii raboty organov vnutrennikh del po dobrovol'noy sdache nezakonno khranyashchikhsya sredstv vooruzheniya* [On perspective forms of organization of work of law enforcement bodies on voluntary surrender of illegally held arms]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 4 (22), pp. 79-83.

7. Stepovoy R.A. *Grazhdanskoe i sluzhebnoe oruzhie: ponyatie i yuridicheskie priznaki* [Civilian and service weapons: the concept and legal signs]. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa* – Journal of the Association of Universities for Tourism and Service, 2010, no. 1, pp. 22-27.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ШУВАЛОВ Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
marilin-87@mail.ru
Кафедра предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел;
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, Историческая, 130

SHUVALOV N.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
marilin-87@mail.ru
Chair of Preliminary Investigation,
Educational and Scientific Complex
of Preliminary Investigation;
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

МАРТЫНОВ А.Н.,
sergeev_ab@bk.ru
Кафедра государственно-правовых дисциплин;
Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
125171, г. Москва,
З. и А. Космодемьянских, 8

MARTYNOV A.N.,
sergeev_ab@bk.ru
Chair of State and Legal Disciplines;
Academy of Management
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kosmodemyanskih St. 8, Moscow, 125171,
Russian Federation

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ИНСЦЕНИРОВКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Реферат. Отмечается сложность и многообразие схем мошенничества с использованием юридического лица в сфере кредитования. Законодатель дифференцировал уголовную ответственность в этой сфере (ст. 159.1 УК РФ). Основными способами создания ложного впечатления об обстоятельствах, определяющих возможность выдачи кредита (экономическая стабильность и залоговая обеспеченность заемщика), являются: преступная деятельность в форме фальсификации документов, в том числе относительно залога; преступная деятельность в форме инсценировки. Исследуются логико-терминологические вопросы использования понятий «фальсификация» и «инсценировка» в криминалистике. Инсценировка определена как умышленная деятельность по искусственному изменению сугубо материальной обстановки и ее следовой картины. Инсценировка при приготовлении к мошенничеству направлена на введение в заблуждение правоохранительных органов относительно события пока не совершенного преступления. Адресатами инсценировки на подготовительном этапе с целью создания у них ложного представления являются лица, ответственные за принятие решения о выдаче кредита. Объект инсценировки – обстоятельства, характеризующие юридическое лицо с позиции кредитоспособности. Характеризуются разновидности инсценировки: представление товара в большем объеме; предоставление в залог имущества лицом, не обладающим на него правами; представление ненадлежащего залогового имущества, имеющего иную стоимость. Обосновывается, что в отличие от инсценировки объектом фальсификации является информация об активах кредитуемого юридического лица, а предметом – нормативно установленный перечень документов. Основной способ фальсификации – подлог документов. Самостоятельной формой введения в заблуждение представителей кредитной организации является утаивание информации (при предоставлении сведений о залоговом имуществе не сообщается об уже установленных обременениях).

Ключевые слова: кредитование, юридическое лицо, преступная деятельность, мошенничество, инсценировка, фальсификация.

FALSIFICATION AND DRAMATIZATION USING A LEGAL ENTITY WHEN COMMITTING FRAUD IN LENDING

Abstract. There is complexity and variety of fraud schemes in lending, using a legal entity. The legislation differentiates criminal responsibility in this area (Article 159.1 of the RF Criminal Code). The main

ways of creating a false impression of the circumstances determining the possibility of granting the loan (economic stability and collateral security of the borrower) are: criminal activity in the form of documents falsification, criminal activity in the form of dramatization. Logical and terminological issues concerning the use of concepts "falsification" and "dramatization" in criminalistics are examined. Dramatization is defined as deliberate actions on the artificial change of material environment and its trace pattern. When planning the fraud, dramatization is aimed at misleading law enforcement agencies. The recipients of dramatization at the preparatory stage are persons responsible for the decision to grant the loan. The purpose is to create false impression. The object of dramatization is the circumstances characterizing a legal entity from the perspective of creditworthiness. The varieties of dramatization are characterized: presentation of the product in larger amounts; pledge of property by person not having the rights to it; presenting inadequate collateral having the other cost. It's proved that unlike dramatization, the object of falsification is the information about the assets of the credited entity, and the subject is a list of normative documents. The main way of falsification is forgery. The independent form of misleading representatives of the credit institution is withholding information (the information about already established encumbrances isn't reported when providing information on the collateral property).

Keywords: lending, legal entity, criminal activity, fraud, dramatization, falsification.

Кредитование как вид деятельности представляет собой особую группу экономических отношений. Как и любая социально значимая сфера, эта сфера имеет четкое правовое регулирование. Поскольку предметом отношений при кредитовании являются вопросы передачи владельцем во временное пользование денежных средств другому лицу, то неизбежно возникает проблема противодействия преступности в данном секторе экономических отношений. О существующих сложностях в разрешении вопросов борьбы с преступностью в сфере кредитования свидетельствует введение в Уголовный кодекс Российской Федерации отдельной нормы – статьи 159.1*, закрепляющей в общей массе совершаемых мошеннических действий отдельный вид – мошенничество в сфере кредитования.

Одним из способов достижения преступного результата при мошенничестве в сфере кредитования является использование в качестве средства юридического лица. В определенном многообразии схем мошенничества в сфере кредитования с использованием юридических лиц криминалистически значимым является анализ преступных действий, направленных на создание ложного впечатления об экономических возможностях юридического лица вернуть кредитную массу. Указанные действия могут быть определены как подготовительный к совершению мошенничества этап. Действия направлены на формирование ложных сведений об отдельных элементах обстановки, выгодно характеризующих юридическое лицо в двух направлениях: как экономически стабильное и как имеющее залоговое обеспечение.

Направления действий по формированию ошибочного впечатления о действительном положении юридического лица предопределены правовыми рамками, устанавливающими критерии оценки хозяйственно-экономического положения юридического лица. Решая вопрос о выдаче кредита, кредитная организация обязана следовать нормативным предписаниям, определяющим порядок установления объективного состояния кандидата в заемщики. Так, в соответствии с Положением Банка России от 31 августа 1998 года N 54-П объективное состояние юридического лица как характеристика его с позиции потенциального заемщика включает такие показатели, как его кредито- и платежеспособность; финансовое состояние заемщика; качество, достаточность и ликвидность предлагаемого заемщиком залога**.

Данный перечень типизирует предмет, в отношении которого виновное лицо формирует ложные сведения.

Нами выявлены два взаимосвязанных способа создания ложного впечатления об истинных обстоятельствах, определяющих возможность выдачи (отказа) кредита.

1) преступная деятельность в форме фальсификации (документов, в том числе относительно залога);

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 49. Ст. 6752.

** О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения): метод. рекомендации к Положению Банка России от 31 авг. 1998 г. N 54-П: утв. Банком России 5 окт. 1998 г. N 273-Т // Вестник Банка России. 1998. N 72.

2) преступная деятельность в форме инсценировки (инсценировочная преступная деятельность).

Чтобы охарактеризовать типичное в фальсификации и инсценировочной деятельности, создающих благоприятную обстановку для незаконного получения кредита с использованием юридического лица, сначала необходимо определиться по теоретическому вопросу, имеющему важное прикладное значение. Существо проблемы заключается в отсутствии единства мнений среди ученых и практиков относительно объема и содержания понятий «инсценировка» и «фальсификация».

Одни считают, что инсценировка – это умышленная деятельность по искусственному изменению только материально существующей обстановки и ее следовой картины (узкий подход). Другая группа ученых и практиков придерживается позиции, согласно которой инсценировка – это не только действия по изменению следов материального мира, но и умышленное изменение идеальной следовой картины (широкий подход).

Взгляды первой группы представлены следующими суждениями.

А.Ф. Волынский указывает, что «в основе инсценировки преступления всегда лежит *искусственное создание материальных следов события*» [1, с. 246]. Аналогичное утверждение высказывает В.И. Фадеев: «Криминальная инсценировка представляет собой искусственно создаваемую субъектом следовую обстановку (материализованную ложь), имитирующую отображение определенного события...» [2, с. 154]. В.В. Дементьев представляет инсценировку «...как результат умышленного, целенаправленного воздействия на материальные объекты с целью их изменения и создания искусственной системы, несущей недостоверную информацию о характере, сущности и обстоятельствах: происшедшего события с целью введения в заблуждение лица, осуществляющего расследование [3, с. 8].

У представителей второй группы более широкое восприятие анализируемого явления. «Инсценировка – это комплекс действий по созданию (изменению) материальных и *идеальных следов* (курсив наш. – *Н. Ш., А. М.*) какого-либо события, предпринимаемых инсценировщиком» [4, с. 5].

А.И. Алгазин, исследуя преступность в сфере страхования, характеризует инсценировку как «комплекс действий по созданию (изменению) материальных и идеальных следов страхового события, дачи по этому поводу заведомо ложной информации, связанной с обманом страховщика и иных органов...» [4, с. 5]. И.А. Николайчук, указывая, что «Преступная инсценировка представляет собой формирование ложной информации о событии или его элементах, содержащейся в измененной обстановке события и (или) в ложных сообщениях о событии и сопутствующих им актах притворного поведения», назвал ее формы: с изменением материальной обстановки события или следов события – «материальная» инсценировка и без таких изменений – вербальная («идеальная») инсценировка [5, с. 8].

А.В. Ушенин, разделяя позицию первой группы авторов, считает, что если одновременно рассматривать действия по изменению, искусственному созданию материальных следов и действия по созданию ложной информации, то такой комплекс действий должен охватываться понятием «фальсификация». Он указывает: «Анализ понятий "инсценировка" и "фальсификация" позволяет сделать вывод о том, что второе понятие гораздо шире первого, поскольку оно охватывает не только какие-либо изменения в обстановке, на месте, с целью ввести кого-либо в заблуждение, но и действия по передаче заведомо ложных сведений о происшедшем» [6, с. 5]. Далее он пишет: «Понятие "фальсификация", несмотря на ряд совпадающих признаков, значительно отличается от понятия "инсценировка". Оно охватывает не только изменения в материальной обстановке, но и активную деятельность по формированию ложных впечатлений путем передачи ложной вербальной информации об изучаемом событии» [6, с. 5].

Данное суждение не совпадает с мнением А.Ф. Волынского, считающего, что поведение и сообщение исполнителя инсценировки, связанное с необходимостью усиления воздействия на сознание материальных следов, всегда являются дополнением к инсценировке. При этом они (поведение и сообщение) по времени могут предшествовать инсценировке [1, с. 246].

По данному вопросу мы проанализировали мнения и других ученых. Большинство из них полагают, что инсценировкой

следует считать действия по уничтожению, изменению имеющихся следов и искусственному созданию следов с целью формирования ложного представления о существующих (существовавших) элементах объективной действительности. После анализа судебной практики и высказываний специалистов по данному вопросу аналогичное мнение складывается и у нас. Ни в одном из изученных нами уголовных дел, по которым постановлены обвинительные приговоры, нет примеров, указывающих на расширительное понимание судом категории «инсценировка преступления». Под инсценировкой судьи понимают только материальное изменение обстановки*. Такая позиция суда в некоторой мере подтверждается этимологией термина «фальсификация», который означает «подделывать, искажать с целью выдать за подлинное, настоящее» [7, с. 836]. В свою очередь, инсценировать — приспособить, притворно изобразить [7, с. 237]. Философский подход исчерпывающего разъяснения содержания терминов не дает. «Приспособление, притворное изображение» применительно к ложным сведениям, содержащимся в бухгалтерской и иной документации, оцениваются сознанием как противоречащие существу явления. В то же время эти термины наиболее полно характеризуют умышленное искажение действительно существующей обстановки как части материального мира.

Между тем представляется более точным ложные сведения бухгалтерского и иного содержания считать «искажением», то есть именовать фальсификацией. Дополнительным аргументом в вопросе разграничения понятий также может служить законодательная практика. Так, искажение доказательств по гражданскому делу в уголовном законодательстве именуется фальсификацией (а не инсценировкой) (ст. 303 УК РФ).

С учетом изложенной аргументации и складывающейся практики наиболее точной в определении содержания двух категорий следует признать позицию первой группы ученых.

Разграничив содержание двух категорий применительно к мошенничеству в сфере кредитования с использованием юридических лиц, приведем характеристику каждой из них.

Анализ существа инсценировок материальной обстановки на подготовительном к незаконному получению кредита этапе, изучение судебно-следственной практики указывают на необходимость и представляют возможность высказать и обоснованные суждения относительно отдельных имеющих место теоретических вопросов, касающихся инсценировочной деятельности. Их решение имеет существенное прикладное значение для качественной разработки криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования.

Одним из вопросов является адресат инсценировки.

Большинство ученых, рассматривающих данный вопрос, указывают, что адресатом инсценировки является лицо, расследующее преступление. «Сущность инсценировки — формирование ложных представлений об объекте инсценировки с целью дезориентации органов расследования, а основная цель — уклонение от ответственности за содеянное или ее смягчение» [5, с. 15]. «Субъект, прибегающий к инсценировке, старается склонить работников правоохранительных органов к необнаружению преступления или к констатации его менее опасной формы» [2, с. 154]. «Инсценировка, являясь одним из способов дезинформирования, представляет собой систему (комплекс) умышленных действий... с целью усложнения формирования стороной обвинения объективного, достоверного представления об обстоятельствах произошедшего и его правильной правовой оценки» [8, с. 7].

Представляется целесообразным уточнить: на подготовительном к мошенничеству этапе инсценировка направлена не на должностных лиц правоохранительных органов, а на сотрудников отдела кредитования, залогового отдела и сотрудников юридической службы. Цель инсценировки — создание ложного представления о возможностях юридического лица как потенциального заемщика. Должностные лица кредитных организаций по результатам проверки составляют заключения о финансовом положении

* Приговор Советского районного суда г. Тулы от 3 июня 2013 года по делу Горемыкина И.А. и Дорошенко Д.С. о признании их виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ (мошенничество в сфере страхования), посредством инсценировки дорожно-транспортного происшествия // Архив Советского районного суда г. Тулы.

юридического лица. Названные заключения являются основанием для принятия руководством кредитной организации решения о выдаче или об отказе в выдаче кредита.

Не ослабевают поиски ученых и при определении спектра инсценировочной деятельности. «Ключевым средством достижения преступного результата служит инсценировочная деятельность, направленная на сокрытие, вуалирование незаконного характера деятельности либо создание видимости деятельности, якобы осуществляемой на законных основаниях» [9, с. 17]. Разрабатываются критерии, позволяющие «отграничивать инсценировки события преступления от инсценировок, направленных на сокрытие преступления, имевшего место в действительности». Предпринимаются попытки классифицировать инсценировки, например, на традиционные и иные. При этом «традиционными» предлагают считать такие, которые своей целью имеют сокрытие преступления, отдельных его элементов или своего участия в совершении преступления». Иные направлены на убеждение следователя в том, что преступление совершено другим лицом, или на имитацию «криминального события, которого фактически не было, и адресованную правоохранительным органам с целью вызвать у них ошибочную констатацию факта совершения преступления, побудить к активной деятельности по его расследованию, принятию решения, угодного субъекту инсценировки» [2, с. 154].

С учетом приведенной информации и рассмотрения следственной практики, анализа вышеизложенных суждений специалистов относительно инсценировок и в преломлении к предмету нашего исследования представляется целесообразным конкретизировать следующее. Инсценировки на подготовительном этапе к мошенничеству в сфере кредитования с использованием юридического лица своим назначением имеют не ввести в заблуждение правоохранительные органы относительно события преступления (оно еще не совершено). Адресатом инсценировки на подготовительном к мошенничеству этапе является создание ложного представления у лиц, ответственных за принятие решения о выдаче кредита. При этом объектом инсценировки являются обстоятельства, характеризующие юридическое лицо с позиции кредитоспособности.

Аналогичное суждение высказывают Д.А. Бурыка, Д.А. Глотов. Они указывают, что в отдельных ситуациях цель создаваемой инсценировки – ни введение следователя в заблуждение, ни затруднение установления подлинных обстоятельств расследуемого события, «...а направлена она исключительно на облегчение достижения преступного результата, является его важным условием и в качестве дезориентируемого адресата имеет не должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а исключительно потерпевших и других очевидцев события преступления» [8, с. 7].

Инсценирование как средство противодействия правоохранительным органам в установлении обстоятельств совершения преступления имеет место в случаях, когда руководство кредитной организации обращается в правоохранительные органы.

Следует отметить, что названная ситуация противодействия расследованию мошенничества возникает не во всех случаях преступных действий по незаконному получению кредита с использованием юридического лица. Кредитные организации обращаются в правоохранительные органы не по всем фактам мошеннических действий, которые в действительности имеют место в отношении данных организаций. Причины, по которым представители кредитных организаций не желают публичного расследования, различны. В качестве примера можно привести боязнь потери деловой репутации как благополучной организации. Сдерживающим обстоятельством является угроза выявления следователями недостатков в организации сложившейся в кредитной организации практики выделения кредитов, к тому же существенно отличающейся от нормативно установленной Банком России. Причинами могут быть противоправная деятельность руководства самого банка, связанная с осуществлением отдельных «серых схем» кредитования или с отмыванием денежных средств вообще*. Правоохранительные органы, даже зная о

* О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. N 115-ФЗ: ред. от 28 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 33 (ч. 1). Ст. 3418; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

фактах мошеннических действий в отношении кредитных организаций, не могут возбудить уголовное дело и начать преследование виновных, поскольку в соответствии со статьей 151 УПК РФ преступления, квалифицируемые по статье 159.1 УК РФ, преследуются в частно-публичном порядке*.

С учетом проанализированных материалов судебно-следственной практики по делам о мошенничестве в сфере кредитных отношений нами определены типичные приемы формирования обстановки (инсценирования), приводящие в заблуждение представителей кредитора относительно экономического, финансового, организационного и функционального состояния в деятельности юридических лиц: инсценировка наличия залогового имущества; инсценировка активной производственной деятельности. В противном случае у руководства кредитной организации логично формируется отрицательный для потенциального заемщика вывод: производство «в незначительных объемах в денежном выражении, не сопоставимых с размером ссуды (совокупности ссуд, предоставленных данному заемщику), который включается во внутренние документы кредитной организации».

Инсценировка наличия залогового имущества в большинстве случаев имеет виды:

а) представление товара в большем объеме;

б) предоставление в залог имущества лицом, не обладающим на него правами;

в) представление вместо одного вида залогового имущества другого, имеющего существенное отличие в стоимостном выражении.

Относительно последнего вида укажем на наличие проблемы, разрешение которой имеет прикладное значение. Содержание ее (проблемы) составляют вопросы определения действительной стоимости имущества, предлагаемого заемщиком в качестве залога. В период рассмотрения кредитным комитетом возможности предоставления юридическому лицу кредита имеющаяся неопределенность в этом вопросе порождает трудности. Может ли считаться действительной ценой залогового имущества его себестоимость? Очевидно, что себестоимость может не быть равной рыночной стоимости. Она может быть ниже или выше ее. Степень различия в стоимости зависит от разных факторов: спроса на продукцию (предлагаемую в качестве кредита) на рынке; наличия конкурирующей с закладываемой аналогичной продукции у других производителей; признанности на рынке самого производителя продукции и пр.

Однако собственная продукция – это один из возможных видов залога. Видовой спектр крайне широк и разнообразен. Это может быть самое разнообразное оборудование, приобретенное для производственных нужд, различные строения, техника, сельскохозяйственная продукция, земельные участки и пр.

На данный момент в сфере кредитования базисным критерием, характеризующим стоимость закладываемых материальных объектов, является категория «справедливости стоимости». Данная категория была разработана Банком России и рекомендована для использования в качестве оценочного критерия реальности стоимости закладываемого имущества. Под справедливой стоимостью залога понимается «цена, по которой залогодатель, в случае если бы он являлся продавцом имущества, предоставленного в залог, имея полную информацию о стоимости имущества и не обязанный его продавать, согласен был бы его продать, а покупатель, имеющий полную информацию о стоимости указанного имущества и не обязанный его приобрести, согласен был

---

* Уголовные дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. К уголовным делам частно-публичного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 159.1 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случаев, когда преступлением причинен вред интересам коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования (ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

бы его приобрести в разумно короткий срок»*.

В отличие от инсценировки объектом фальсификации является информация. Информация относительно активов кредитуемого юридического лица, как внеоборотных**, так и оборотных***. Предметом фальсификации является нормативно установленный перечень документов. Соответственно источниками получения информации о рисках заемщика являются: правоустанавливающие документы заемщика, бухгалтерские балансы, отчеты о прибылях и убытках, сведения о дебиторской и кредиторской задолженности, сведения о кредитах и займах, краткосрочных финансовых вложениях и выданных займах.

Основным способом фальсификации документов в сфере кредитования является подлог документов. Подлог документов — это система активных, целенаправленных, умышленных и заранее подготовленных, обусловленных обстановкой действий по созданию, изменению и (или) использованию документов, искажающих или скрывающих определенные фактические обстоятельства, связанные с правоотношениями [10, с. 9]. Е.Г. Коваленко разработаны общие рекомендации по вопросам классификации подлогов при расследовании преступлений, совершенных в экономической сфере деятельности [10, с. 9]. С их учетом при расследовании преступлений в сфере кредитования с использованием юридического лица предлагаем группировать подлоги по следующим видам: подлог юридической информации; подлог бухгалтерской информации; подлог налоговой информации, подлог залоговой информации; подлог информации о производственной деятельности.

Типичным примером (кроме уже приведенных) может быть судебное решение в отношении Мандичей. Данные лица, будучи учредителями ООО «К», реализуя свой совместный преступный умысел, достоверно зная, что финансовое положение ООО «К» не позволяло принять кредитному комитету Коми ОСБ положительное решение для выдачи кредита, в бухгалтерии, расположенной в г. Сыктывкар, дали указание Н.В., не знавшей об их преступных намерениях, изготовить финансовые документы, в том числе бухгалтерские балансы, отчеты о прибылях и убытках, расшифровки дебиторской и кредиторской задолженности, расшифровки кредитов и займов, расшифровки краткосрочных финансовых вложений и выданных займов, в которых отразить переданные ей Мандичем В.Н. заведомо недостоверные сведения о финансовом положении ООО «К» по состоянию на определенные годы, необходимые для принятия Банком положительного решения о выдаче кредита****.

Представляется, что самостоятельной формой введения в заблуждение представителей кредитной организации является утаивание информации. Данную форму противоправного деяния следует отнести к пассивной форме в виде бездействия. Нами

---

* Положение о порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности: утв. Банком России 26 марта 2004 г. N 254-П: ред. от 25 окт. 2013 г. // Вестник Банка России. 2004. N 28; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

** К внеоборотным активам относятся: 1. Основные средства (земельные участки и объекты природопользования; здания, машины, оборудование и др.; незавершенное строительство). 2. Доходные вложения в материальные ценности (имущество для передачи в лизинг; имущество, предоставляемое по договору проката). 3. Финансовые вложения (инвестиции в дочерние общества; инвестиции в зависимые общества; инвестиции в другие организации, а также займы, предоставленные организациям на срок более года).

*** Оборотные активы состоят из запасов и дебиторской задолженности. В свою очередь, запасы складываются из сырья, материалов и других аналогичных ценностях. К ним также относятся затраты в незавершенном производстве (издержки обращения); готовая продукция, товары для перепродажи и товары отгруженные; расходы будущих периодов. Дебиторская задолженность складывается из задолженности дочерних и зависимых обществ; задолженности участников (учредителей) по вкладам в уставный капитал; выданных авансов, задолженности покупателей и заказчиков и пр.

**** Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 21 дек. 2012 г. о признании подсудимых Мандича А.Н., Мандича В.Н. виновными в совершении преступления, в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159, п. «а» ч. 2 ст. 74.1, п. «а» ч. 2 ст. 174.1, п. «а» ч. 2 ст. 174.1, п. «а» ч. 2 ст. 174.1 УК РФ. Дело N 1-364/2012 // Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми.

определено, что названная форма введения в заблуждение наиболее ярко проявляется при предоставлении сведений о залоговом имуществе. Виновные лица, указывая в качестве залога имущество, не сообщают сведений о том, что данное имущество уже находится в залоге у третьих лиц.

Так, Зубрицкий В.И. и Фоменко Ю.И., действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, в период с 30 января по 23 июня 2008 года совместно совершили мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств в сумме 9 000 000 рублей, принадлежащих банку «Д», путем предоставления сотрудникам банка заведомо ложных и недостоверных сведений. В частности, в документах отсутствовала информация о том, что залоговое имущество, представленное банку в качестве гарантии возврата кредитных средств (экструдер), находилось в залоге у другого банка (что недопустимо при оформлении кредита). Руководство ООО «Млечный путь-1» скрыло данную информацию при получении кредита, то есть действовало умышленно. Было установлено, что у ООО «Млечный путь-1» имелась задолженность перед ОАО НБ «С» в сумме 1 500 000 рублей по кредитному договору, где обеспечением являлся указанный экструдер. Если бы данные обстоятельства были известны сотрудникам банка, то кредит фирме однозначно бы предоставлен не был*.

Характеризуя действия, направленные на формирование обстановки невозможности возврата кредита, легализацию денежных средств, следует указать, что осуществление преступной деятельности, нацеленной на исключение возможности кредитной организации вернуть стоимость кредита, зависит:

1) от формы, в которую размер стоимости кредита материализован: денежные средства (форма) или имущество;

2) от владельца имущества, на которое может быть обращено взыскание по невозврату кредита:

а) имущество, на которое может быть обращено взыскание (в том числе и собственно кредитное) есть залоговое имущество юридического лица, получившего кредит;

б) имущество, на которое может быть обращено взыскание, принадлежит поручителю.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, основными инструментами вывода имущества должника (на которое может быть обращено взыскание) являются: заключение договоров на вывод ликвидного имущества должника или организации-поручителя с аффилированными юридическим лицами или специально созданными для решения названной задачи фиктивными юридическими лицами**.

Результаты проведенного исследования форм, видов, способов осуществления преступной деятельности (мошенничества) в сфере кредитования с использованием юридического лица дают автору основания для следующих выводов:

1. При совершении мошенничества в сфере кредитования с использованием юридического лица активно используются два взаимосвязанных способа создания ложного впечатления об истинных обстоятельствах, определяющих возможность выдачи (отказа в выдаче) кредита: преступная деятельность в форме фальсификации документов (в том числе относительно залога); преступная деятельность в форме инсценировки (инсценировочная преступная деятельность).

2. С учетом изложенной аргументации и складывающейся практики наиболее точным в определении содержания инсценировочной деятельности следует считать, что инсценировка – это умышленная деятельность по искусственному изменению только материально существующей обстановки и ее следовой картины (узкий подход).

3. Инсценировки на подготовительном этапе к мошенничеству в сфере кредитования с использованием юридического лица не имеют своим назначением вве-

---

* Приговор от 21 февр. 2013 г. Зеленоградского районного суда г. Москвы в отношении Зубрицкого В.И., Фоменко Ю.И. по обвинению в совершении мошенничества в сфере кредитования. Дело N 1-19/2013 // Архив Зеленоградского районного суда г. Москвы.

** Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 23 янв. 2012 г. в отношении Ш. по обвинению в мошенничестве в сфере кредитования (ч. 4 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 07.03.2011 г. N 26-ФЗ). Дело N 22-3579 // Архив Дорогомиловского районного суда г. Москвы.

дение в заблуждение правоохранительных органов относительно события преступления (оно еще не совершено). Адресатом инсценировки на данном этапе является создание ложного представления у лиц, ответственных за принятие решения о выдаче кредита. При этом объектом инсценировки являются обстоятельства, характеризующие юридическое лицо с позиции кредитоспособности.

Список литературы

1. Криминалистика: учебник для вузов / А.Ф. Волынский [и др.]; под ред. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 615 с.

2. Фадеев В.И. Расследование инсценировок преступных событий: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1999. 183 с.

3. Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 24 с.

4. Алгазин А.И. Методика расследования преступлений, совершаемых с целью получения страховой выплаты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2000. 23 с.

5. Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2000. 360 с.

6. Ушенин А.В. Распознание и разоблачение инсценировок и фальсификаций при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 167 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.

8. Бурыка Д.А., Глотов Д.А. Некоторые психологические аспекты сущности криминальных инсценировок // Юридическая психология. 2011. N 2. С. 2-7.

9. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 56 с.

10. Коваленко Е.Г. Расследование преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 17 с.

References

1. Volynskiy A.F. [i dr.]. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Zakon i pravo; YuNITI-DANA Publ., 1999. 615 p.

2. Fadeev V.I. *Rassledovanie instsenirovok prestupnykh sobytiy. Kand. Diss.* [Investigation of performances of criminal events. Cand. Diss.]. Voronezh, 1999. 183 p.

3. Dement'ev V.V. *Nauchnye i prakticheskie problemy rassledovaniya instsenirovki kak sposoba sokrytiya prestupleniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Scientific and practical problems of staging investigations as a way to conceal the crime. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2004. 24 p.

4. Algazin A.I. *Metodika rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh s tsel'yu polucheniya strakhovoy vyplaty. Avtoref. Kand. Diss.* [Technique of investigation of crimes committed in order to obtain the insurance payment. Autoabstract Cand. Diss.]. Omsk, 2000. 23 p.

5. Nikolaychuk I.A. *Sokrytie prestupleniy kak forma protivodeystviya rassledovaniyu. Doct. Diss.* [Concealment of crimes as a form of counter investigation. Doct. Diss.]. Krasnodar, 2000. 360 p.

6. Ushenin A.V. *Raspoznanie i razoblachenie instsenirovok i fal'sifikatsiy pri rassledovanii prestupleniy. Kand. Diss.* [Recognition and detection of fraud and dramatizations in the investigation of crimes. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2004. 167 p.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, AZ"" Publ., 1996. 928 p,

8. Buryka D.A., Glotov D.A. *Nekotorye psikhologicheskie aspekty sushchnosti kriminal'nykh instsenirovok* [Some psychological aspects of the criminal nature of dramatizations]. *Yuridicheskaya psikhologiya* – Legal psychology, 2011, no. 2, pp. 2-7.

9. Bertovskiy L.V. *Problemy teorii i praktiki vyyavleniya i rassledovaniya prestupnogo narusheniya pravil ekonomicheskoy deyatel'nosti. Avtoref. Doct. Diss.* [Problems of the theory and practice of detection and investigation of criminal violations of the rules of economic activity. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2005. 56 p.

10. Kovalenko E.G. *Rassledovanie prestupleniy, sovershennykh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti s ispol'zovaniem podloga dokumentov. Avtoref. Kand. Diss.* [Investigation of crimes committed in the area of economic activity using the forgery of documents. Autoabstract Cand. Diss.]. Vladivostok, 2007. 17 p.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

ХРАБЕТОВА Я.,
доктор юридических наук, магистр,
jarka.hrabetova@seznam.cz
Факультет искусств;
Карлов университет в Праге,
11636, Чешская Республика,
г. Прага, Фруктовый рынок, 3-5

HRABETOVA Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Master,
jarka.hrabetova@seznam.cz
Faculty of Arts;
Charles University in Prague,
Fruit Market 3-5,
Prague, 11636, Czech Republic

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В XXI ВЕКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕХИЯ

Реферат. Представлены результаты изучения общественного мнения в Чешской Республике, проведенного автором в рамках научного проекта «Общественное мнение по поводу убийства (2010 г.)», реализованного при поддержке Грантовой агентуры УК (проект N 26610). Во вводной части отмечается полемичность смертной казни и полярность отношения к ней общества. С 1990 года смертная казнь в Чехии заменена пожизненным лишением свободы, а с 1991 года – запрещена на конституционном уровне. Дана характеристика генеральной и выборочной совокупности, детально описана методология социологического исследования. Процедура выборки включала три квоты: возраст, образование и пол респондентов. Приведены основные социально-демографические характеристики интервьюируемых, их количественное распределение по полу, возрасту и уровню образования. Мнение опрашиваемых о смертной казни выявлялось путем выяснения их отношения (с разбивкой по названным квотам) к следующим утверждениям: «Правильно, что отменили смертную казнь», «За совершение убийства я бы приговорил (-а) к смертной казни», «В отношении убийц надо действовать по принципу "Око за око, зуб за зуб"». Отмечается скорее благосклонное отношение чешской общественности к смертной казни, при этом ее сторонниками чаще выступают лица старшего возраста, а противниками – респонденты с высшим образованием. С принципом талиона в отношении убийц согласно большинство участников опроса. Резюмируется, что чешское общество желает главным образом видеть смертную казнь как превентивную меру, а не укрепить практику ее исполнения. Гипотеза о том, что сторонник смертной казни и талиона, имея полномочия судьи, приговаривал бы к ней за совершение убийства, результатами опроса не подтвердилась.

Ключевые слова: изучение общественного мнения, смертная казнь, общественность, убийство.

THE DEATH PENALTY IN THE XXI CENTURY: THE RESULTS OF PUBLIC OPINION RESEARCH IN THE CZECH REPUBLIC

Abstract. The results of public opinion study in the Czech Republic, conducted by the author within the framework of the research project "Public opinion about the murder (2010)", implemented with the support of Grant agency of the Criminal Code (project number 26610), are presented. The polemic character of death penalty and the polarity of the society's attitude to it are noted. Since 1990, death penalty in the Czech Republic is commuted to life imprisonment, since 1991 it's prohibited by the Constitution. The characteristic of the general and sample aggregate is given, the methodology of sociological research is described in detail. The sampling procedure included three quotas: age, education, gender of the respondents. The main socio-demographic characteristics of the interviewees, their quantitative distribution by sex, age and education level are provided. The respondents' opinion about death penalty was revealed by finding out their attitude towards the following statements: "Is it right that the capital punishment is abolished?", "I would have sentenced to death for murder", "The murderers should be treated according to Talion principle". Rather favorable attitude of the Czech public to death penalty is noted. Its supporters are more often the older persons, and opponents are the respondents with higher education. The majority of respondents agree with the lex talionis against the murderers. It's presumed that the Czech society wants to see death penalty as a preventive measure, rather than strengthen the practice of its execution. The research results didn't confirm the hypothesis that a death penalty supporter, having the judge powers, would use it for murder.

Keywords: study of public opinion, death penalty, public, murder.

Введение

Смертная казнь относится к наиболее спорным видам наказания, которым постоянно уделяется внимание, прежде всего в связи с дискуссиями о возможном ее восстановлении, а также в связи с некоторыми получившими широкий резонанс в СМИ уголовными делами об убийствах.

Споры по поводу существования смертной казни, как показывает анализ литературы, ведутся с момента возникновения современной правовой теории, т.е. уже почти триста лет [1, с. 30; 2, с. 4].

Разрешение вопроса о смертной казни породило два направления: ретенционизм, выступающий за сохранение смертной казни, и аболиционизм, провозглашающий ее отмену. Оба направления основаны на понимании смертной казни не только в качестве юридической, но также моральной и философской проблемы* [3, с. 12; 4, с. 2-4]. В Чешской Республике (в свое время в Чехословакии) смертная казнь была отменена в 1990 году в связи с реформой уголовного права и заменена пожизненным заключением, а в январе 1991 года запрещена Хартией об основных правах и свободах, являющейся составной частью чехословацкой, а ныне чешской и словацкой конституций.

В статье представлены результаты исследования проблемы смертной казни, цель которого — выяснить отношение современного чешского общества к смертной казни как виду уголовного наказания. Конкретные социологические исследования, представленные в статье, проводились автором в рамках научного проекта «Общественное мнение по поводу убийства» (2010 г.) [5].

Методологический подход

Исследование было реализовано в виде количественной исследовательской стратегии при использовании анкетного обследования. Сбор данных проводился в 2010 г. в течение двух месяцев путем репрезентативного опроса, техникой стандартного личного интервью с респондентами, избранными квотной процедурой. Объем выборочной совокупности составил 602 респондента (структура образца отвечает структуре генеральной совокупности). Подобранные квоты представляли собой возраст, образование, пол; респонденты подбирались таким образом, чтобы была соблюдена репрезентативность для всех обозначенных областей. Определенным сдерживающим фактором исследования был объем выборочной совокупности, обусловленный ограниченными финансовыми средствами автора. Тем не менее выборочная совокупность отвечает требованиям репрезентативности.

Начальный и заключительный этапы исследования осуществлены исполнителем исследования, а сбор данных в полевых условиях проводила опросная организация «ИНСОМА Прага». Вследствие недостатка времени допущено отступление от исследования путем тестирования созданного анкетного листа применительно примерно к 20 респондентам. Данные, полученные в ходе исследования, были обработаны стандартным способом при помощи статистической программы SPSS.

Результаты опроса

Характеристика исследования. Объем выборочной совокупности составил 602 респондента, выбранных на основе квотной процедуры. Подавляющее большинство респондентов, опрошенных в рамках исследования, являлись гражданами Чешской Республики (98 %) и чехами по национальности (97 %). С позиции места жительства респондентами чаще всего выступали жители деревень с численностью населения от 1 до 20 тыс. человек (73 %), реже — жители деревень или поселков с численностью населения до 1 тыс. человек (13,5 %), в незначительной части — жители Праги (9 %) и реже всего — жители поселений с численностью населения более 100 тыс. человек (5 %). Большинство респондентов уже являются родителями (75 %), чаще всего родителями, у которых двое детей (40 %), при этом две трети опрошенных (60 %) не жили в одной семье с детьми (в том числе неродными) в возрасте до 18 лет. Почти 88 % опрошенных указали, что у них есть брат или сестра. Семейное положение: 44 % респондентов оказались в первый раз замужем/женаты-ми, 24 % опрошенных — не замужем/холостые, 14 % — расторгнувшие брак, 10 % — вдовы/вдовцы и 9 % — повторно вступившие в брак.

По критерию «образование» участники интервьюирования распределились следующим образом: наибольшая часть репондентов — лица со средним образованием, подтверждаемым свидетельством

* Исследование общественного мнения в Чешской Республике в связи с проблемой смертной казни проводят, например, Центр исследования общественного мнения (CVVM) при Институте социологии Академии наук, Институт криминологии и социальной профилактики (IKSP), частные агентуры STEM, AISA, FOCUS, GfK и др.

об окончании и о профессиональной квалификации (средне-специальные училища); далее лица, имеющие среднее образование с выпускным экзаменом или имеющие высшее специальное образование; затем респонденты с базовым образованием или образованием ниже базового и меньше всего – лица с высшим образованием (таблица 3).

Более половины опрошенных лиц (56 %) на момент исследования имели трудовую занятость, 24 % респондентов составляли пенсионеры, 7,5 % – студенты, 5 % – безработные, 4 % – лица, находящиеся в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком, 1 % – домохозяйки. Две трети опрошенных лиц отнесли себя к неверующим.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу

Мужчины		Женщины		Не ответили		Всего опрошенных	
302	50,2 %	299	49,7 %	1	0,1 %	602	100 %

Таблица 2

Возрастная структура респондентов

Возрастная категория	Количество респондентов	Процентная доля
18-25	84	14 %
26-35	120	20 %
36-45	104	17 %
46-55	102	17 %
56-65	97	16 %
66-75	50	8 %
75 и старше	45	7,5 %
Всего	602	100 %

Таблица 3

Образовательный уровень респондентов

Специальная/практическая школа, базовое/ниже базового	117	19 %
Средне-специальные училища	241	40 %
Среднее образование с аттестатом зрелости, высшая специальная школа	184	31 %
Высшее или послевузовское образование	60	10 %
Всего	602	100 %

Отношение к смертной казни. С решением об отмене смертной казни в Чешской Республике совершенно или скорее согласны 32 % респондентов (из них 30 % – мужчины, 36 % – женщины); 63 % скорее или совершенно не согласны; 5 % затруднились с ответом.

Больше всего противников смертной казни наблюдается среди представителей младшей возрастной категории (18-30 лет), когда с отменой совершенно или скорее согласны 38 % из них и, наоборот, меньше всего ее противников можно найти среди пожилых людей в возрасте 61 года и старше, которые совершенно или скорее не согласны с отменой смертной казни, – 27,5 %. Значительных различий в ответах, обусловленных образовательным уровнем респондентов, не наблюдалось, за исключением лиц, имеющих высшее образование, из которых 40 % совершенно или скорее согласны с отменой смертной казни (в сравнении с остальными группами – диапазон 30-33 %).

Диаграмма 1

Гендерное распределение респондентов по отношению к утверждению: «Правильно, что отменили смертную казнь»

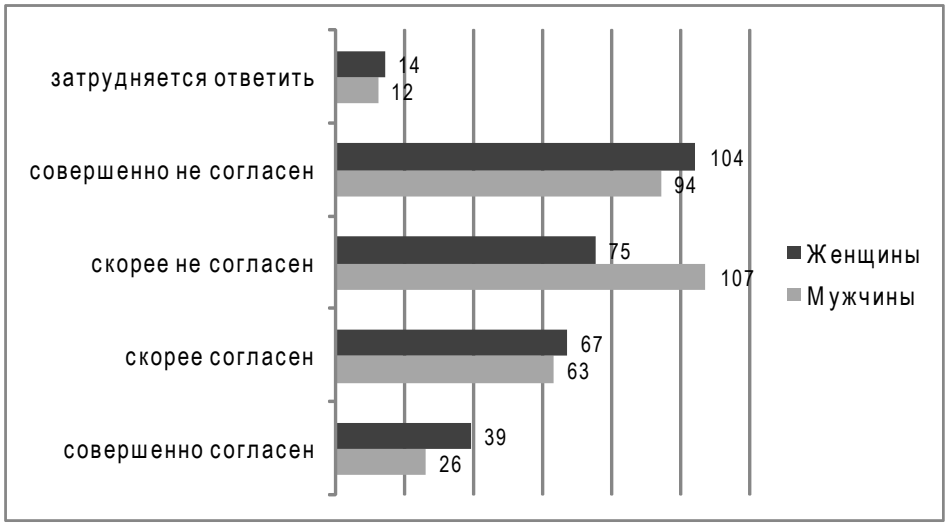

Таблица 4

Возрастное распределение респондентов по отношению к утверждению: «Правильно, что отменили смертную казнь»

Возрастная группа	18-30 лет		31-40 лет		41-50 лет		51-60 лет		61 год и старше	
	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%
Совершенно согласен	13	9,6	12	8,8	10	10,3	10	11,1	20	14,1
Скорее согласен	39	28,7	36	26,3	17	17,5	19	21,1	19	13,4
Скорее не согласен	38	27,9	34	24,8	33	34	28	31,1	49	34,5
Совершенно не согласен	37	27,2	50	36,5	35	36	30	33,3	46	32,4
Затрудняюсь ответить	9	6,6	5	3,6	2	2,1	3	3,3	8	5,6
Всего	136	100	137	100	97	100	90	100	142	100

Таблица 5

Распределение респондентов по уровню образования по отношению к утверждению: «Правильно, что отменили смертную казнь»

Самый высокий уровень достигнутого образования	Специальная/ практическая школа, базовое/ ниже базового		Средне-специальные училища		Среднее образование с аттестатом зрелости, высшая специальная школа		Высшее или послевузовское образование	
	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%
Совершенно согласен	12	10,3	30	12,4	18	9,8	5	8,3
Скорее согласен	24	20,5	50	20,7	37	20,1	19	31,7
Скорее не согласен	39	33,3	72	29,9	50	27,2	21	35,0
Совершенно не согласен	37	31,6	78	32,4	71	38,6	12	20,0
Затрудняюсь ответить	5	4,3	11	4,6	8	4,3	3	5,0
Всего	117	100	241	100	184	100	60	100

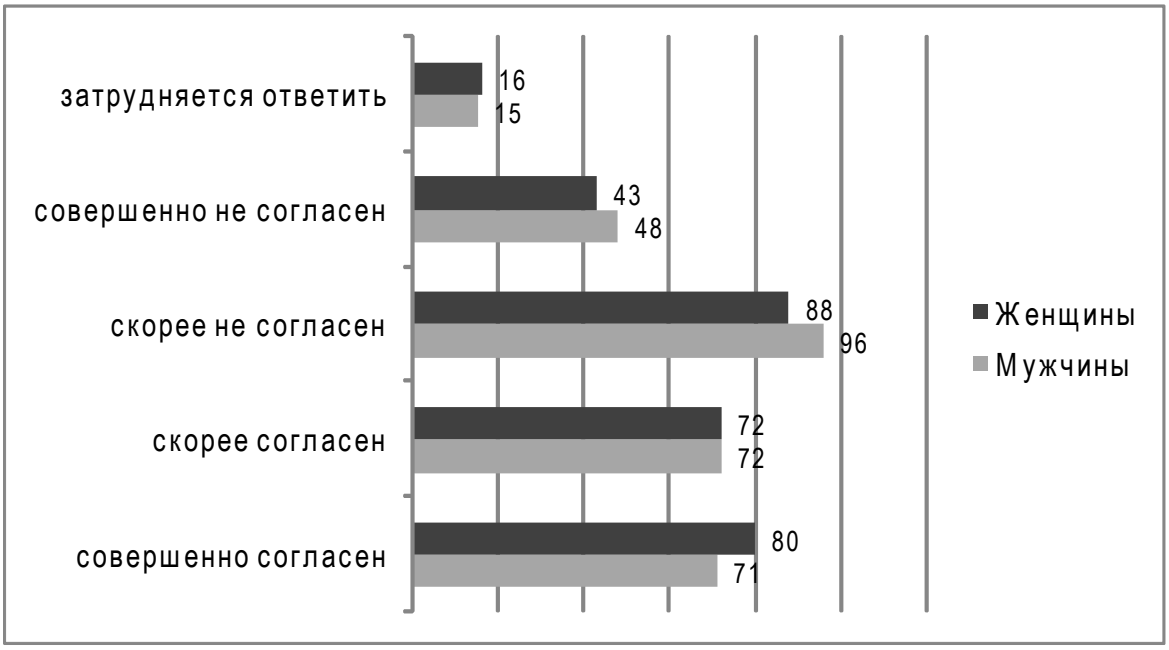
Как следует из результатов опроса, 49 % респондентов (47 % мужчин и 51 % женщин) совершенно или скорее согласны с применением смертной казни к лицам, совершившим убийство*, совершенно или скорее не согласны – 46 % и затрудняются ответить – 5 %.

Больше всего сторонников смертной казни наблюдается среди лиц старше 61 года (56 %), далее в возрасте 41-50 лет (50 %), потом в возрасте 31-40 лет (49 %) и меньше всего в возрасте 18-30 лет (39 %).

Корреляции с уровнем образования респондентов таковы: применение смертной казни за совершение убийства больше всех одобряют лица, имеющие образование базового уровня и ниже (55 %), далее идут опрошенные, закончившие среднеспециальные училища (48 %), затем лица со средним образованием с выпускным экзаменом или окончившие высшую специальную школу (47 %) и в завершение – лица с высшим образованием (47 %).

Диаграмма 2

Распределение респондентов в зависимости от пола относительно утверждения: «За совершение убийства я бы приговорил (-а) к смертной казни»

* Наказуемость убийства в Чешской Республике претерпела существенные изменения в связи с принятием нового Уголовного кодекса (закона N 40/2009 Сб.), вступившего в силу с 1 января 2010 г., отменен ранее действовавший уголовный закон N 140/1961 Сб., содержавший § 219 «Убийство» и § 220 «Убийство матерью новорожденного ребенка». Современный Уголовный кодекс содержит новую редакцию составов убийства (§ 140), причинения смерти (§ 141), убийства матерью новорожденного ребенка (§ 142), причинения смерти по неосторожности (§ 143) и доведения до самоубийства (§ 144).

Согласно действующему уголовному законодательству исполнителем преступления считается физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста 15 лет (Кучера, 2002, с. 33; Закон N 40/2009 Сб.). Уголовная ответственность и наказуемость деяния исполнителя преступления применяется также и к соучастникам: организатору, подстрекателю, пособнику. В случае совершения убийства наказуемы все стадии совершения преступления – как подготовка, так и покушение на убийство (Закон N 40/2009 Сб.).

Таблица 6

Распределение респондентов в зависимости от возраста относительно утверждения: «За совершение убийства я бы приговорил (-а) к смертной казни»

Возрастная группа	18-30 лет		31-40 лет		41-50 лет		51-60 лет		61 год и старше	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Совершенно согласен	25	18,4	33	24,1	31	32,0	24	26,7	38	26,8
Скорее согласен	28	20,6	34	24,8	20	20,6	21	23,3	41	28,9
Скорее не согласен	50	36,8	43	31,4	26	26,8	32	35,6	33	23,2
Совершенно не согласен	24	17,6	20	14,6	14	14,4	10	11,1	24	16,9
Затрудняюсь ответить	9	6,6	7	5,1	6	6,2	3	3,3	6	4,2
Всего	136	100	137	100	97	100	90	100	142	100

Таблица 7

Распределение респондентов в зависимости от уровня образования относительно утверждения: «За совершение убийства я бы приговорил (-а) к смертной казни»

Самый высокий уровень достигнутого образования	Специальная/ практическая школа, базовое/ ниже базового		Средне-специальные училища		Среднее образование с аттестатом зрелости, высшая специальная школа		Высшее или послевузовское образование	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Совершенно согласен	31	26,5	63	26,1	44	23,9	13	21,7
Скорее согласен	33	28,2	53	22,0	43	23,4	15	25,0
Скорее не согласен	34	29,1	84	34,9	52	28,3	14	23,3
Совершенно не согласен	13	11	31	12,9	35	19,0	13	21,7
Затрудняюсь ответить	6	5,1	10	4,1	10	5,4	5	8,3
Всего	117	100	241	100	184	100	60	100

Как видим, респонденты отвечали на аналогичное по смыслу утверждение, оценка которого тем не менее отличалась от первого утверждения. С утверждением о том, что в отношении убийц надо действовать в соответствии с принципом «Око за око, зуб за зуб», совершенно согласны или скорее согласны 63 % респондентов (в равном гендерном распределении), совершенно не согласны или скорее не согласны 33 % и затрудняются ответить 4 % опрошенных.

Подтверждается ранее отмеченная корреляция мнения респондентов с их об-

разовательным уровнем: лица с базовым и ниже уровнем образования совершенно согласны или скорее согласны с тем, что по отношению к убийцам надо действовать в соответствии с принципом «Око за око, зуб за зуб», – 72 % опрошенных. Совершенно согласны или скорее согласны с этим утверждением лица, закончившие средне-специальные училища (60 %), респонденты со средним образованием с выпускным экзаменом или окончившие высшую специальную школу (64 %) и лица с высшим образованием (60 %).

Диаграмма 3

Гендерное распределение респондентов по отношению к утверждению: «В отношении убийц надо действовать по принципу "Око за око, зуб за зуб"»

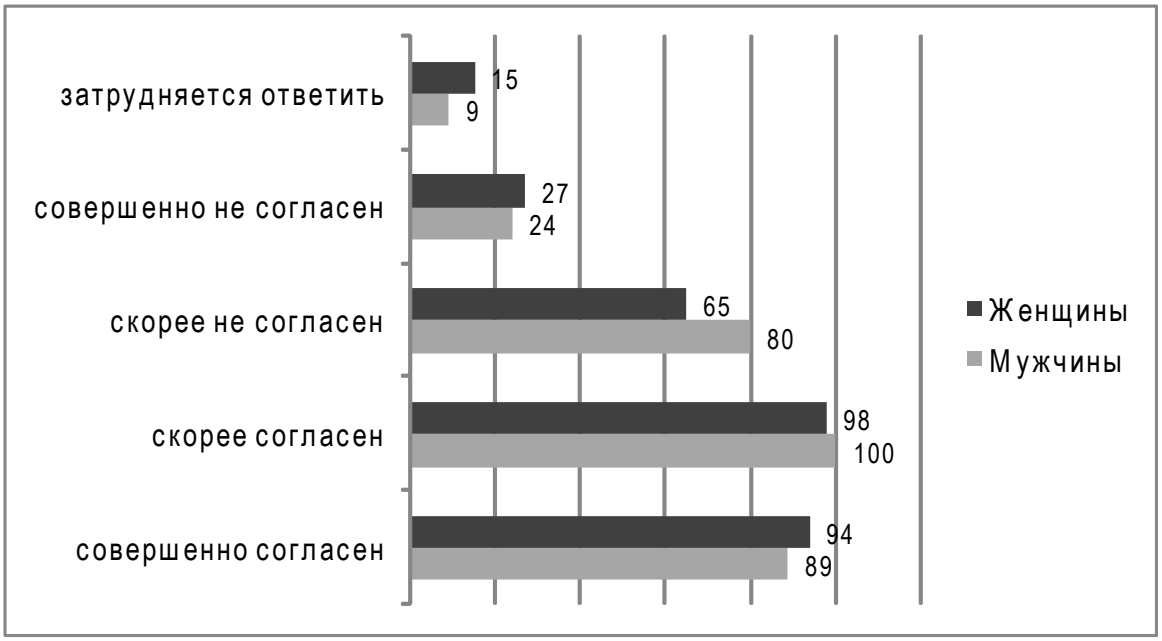

Таблица 8

Возрастное распределение респондентов по отношению к утверждению: «В отношении убийц надо действовать по принципу "Око за око, зуб за зуб"»

Возрастная группа	18-30 лет		31-40 лет		41-50 лет		51-60 лет		61 год и старше	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Совершенно согласен	31	22,8	48	35	31	32	31	34,4	42	29,6
Скорее согласен	51	37,5	39	28,5	30	30,9	37	30	51	35,9
Скорее не согласен	33	24,3	31	22,6	26	26,8	26	28,9	30	21,1
Совершенно не согласен	15	11,0	13	9,5	5	5,2	4	4,4	14	9,9
Затрудняюсь ответить	6	4,4	6	4,4	5	5,2	2	2,2	5	3,5
Всего	136	100	137	100	97	100	90	100	142	100

Таблица 9

Распределение респондентов по уровню образования по отношению к утверждению: «В отношении убийц надо действовать по принципу "Око за око, зуб за зуб"»

Самый высокий уровень достигнутого образования	Специальная/ практическая школа, базовое/ниже базового		Средне-специальные училища		Среднее образование с аттестатом зрелости, высшая специальная школа		Высшее или послевузовское образование	
	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%	Коли-чество	%
Совершенно согласен	42	35,9	75	31,1	51	27,7	15	25,0
Скорее согласен	42	35,9	68	28,2	67	36,4	21	35,0
Скорее не согласен	23	19,7	66	27,4	40	21,7	17	28,3
Совершенно не согласен	5	4,3	23	9,5	19	10,3	4	0,7
Затрудняюсь ответить	5	4,3	9	3,7	9	3,8	3	5,0
Всего	117	100	241	100	184	100	60	100

Заключение

Результаты изучения общественного мнения позволяют констатировать:

1. Чешская общественность скорее благосклонно относится к существованию смертной казни. Большинство опрошенных мужчин и женщин (63 %) не считают решение об отмене смертной казни правильным.

2. Наибольшую поддержку смертная казнь нашла у респондентов в возрасте от 61 года и старше, а наименьшую – у респондентов младшей возрастной категории (лица до 30 лет).

3. Исследование показало, что чем старше респондент, тем больше степень его согласия с назначением и исполнением смертной казни как вида уголовного наказания. И наоборот, больше всего противников смертной казни можно найти среди респондентов с высшим образованием (40 %), которые считают ее отмену верным решением.

4. С утверждением, что в отношении убийц надо действовать в соответствии с принципом талиона – «око за око, зуб за зуб», совершенно согласны или скорее согласны 63 % респондентов (мужчин и женщин в равной степени). При этом за совершение убийства половина респондентов совершенно или скорее согласна с назначением наказания в виде смертной казни. Из результатов исследования вытекает, что общественность является последовательной в своих взглядах, когда речь идет о существовании смертной казни в общем или о применении принципа «око за око, зуб за зуб».

5. Тщательное рассмотрение вопроса позволило установить статистически значимое различие при выражении отношения респондентов к утверждению: «За совершение убийства я бы приговорил (-а) к смертной казни». В случае, когда опрошенным предлагается в конкретной ситуации действительно назначить смертную казнь за совершение убийства, они уже не столь категоричны. Несмотря на то, что более чем две трети опрошенных одобряют смертную казнь и применение принципа талиона, менее половины из них совершенно или скорее согласны с назначением наказания в виде смертной казни.

6. Полученная информация позволяет предположить, что общественность скорее желает видеть смертную казнь как превентивную меру (наказание максимально устрашающего характера), нежели укрепить практику ее назначения и фактического исполнения. Исследованием не подтвердилась гипотеза о том, что если бы гражданин, поддерживающий существова-

ние смертной казни и принцип талиона, находился в качестве судьи, то он бы за совершение убийства приговорил к смертной казни.

Это несоответствие в наибольшей степени наблюдается у лиц, имеющих образование базового уровня и ниже, которые указали, что совершенно или скорее согласны с утверждением: «В отношении убийц надо действовать в соответствии с принципом "око за око, зуб за зуб"» (72 %), при этом лишь 55 % из них приговорили бы преступников к смертной казни за совершение убийства.

Список литературы

1. Marešová, Alena. Násilí uplatňované organizovanými skupinami a organizovaným zločinem (analýza vybraných případů vražd a vydírání). 1. vyd. Praha: IKSP, 2004..

2. Kunštát, Daniel. 2005. Trest smrti – res publica? Naše společnost. 2005, roč. 3, č. 2, s 3-5.

3. Ivor, Jaroslav et al. Trestné právo hmotné 1. 2. vyd. Bratislava: IURA EDITION, 2010.

4. Zapletal, Josef, Brabcová, Irena, Marešová, Alena. K problematice trestného činu vraždy. 1. vyd. Praha: IKSP, 1992.

5. Hrabětová, Jaroslava. Veřejné mínění o trestném činu vraždy. Nepublikovaný výzkumný projekt podpořený Grantovou agenturou UK (č. 26610). Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2010.

References

1. Marešová, Alena. *Násilí uplatňované organizovanými skupinami a organizovaným zločinem (analýza vybraných případů vražd a vydírání)* [Violence applied by organized groups and organized crime (analysis of selected cases of murder and extortion)]. 1st ed. Praha, 2004.

2. Kunstat, Daniel. *Trest smrti – res publica? Naše společnost* [Death Penalty – res publica? Our company]. 2005. Vol. 3, no. 2, pp. 3-5.

3. Ivor, Jaroslav et al. *Trestné právo hmotné* [Substantive Criminal Law]. 1st 2nd ed. Bratislava, 2010.

4. Zapletal, Josef, Brabcová, Irena, Marešová, Alena. *K problematice trestného činu vraždy* [On the issue of the crime of murder]. 1. vyd. Prague, 1992.

5. Hrabětová, Jaroslava. *Veřejné mínění o trestném činu vraždy. Nepublikovaný výzkumný projekt podpořený Grantovou agenturou UK (č. 26610)* [Public opinion on the crime of murder. Unpublished research project supported by the Grant Agency of the UK (no. 26610)]. Prague, Faculty of Arts, Charles University, 2010.

ЖУКОКОВА Н.К.,
zhnk1779@mail.ru
Кафедра гражданского права
и гражданского процесса;
Восточно-Казахстанский
государственный университет
им. Сарсена Аманжолова,
070020, Республика Казахстан,
г. Усть-Каменогорск,
ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34

ZHUKOKOVA N.K.,
zhnk1779@mail.ru
Chair of Civil Law
and Civil Procedure;
Sarsen Amanzholov
East Kazakhstan
State University,
30 Gvardeyskoy Divizii St. 34,
Ust-Kamenogorsk, 070020,
Republic of Kazakhstan

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТБОРА СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Реферат. Отправление законного и справедливого правосудия невозможно без высококвалифицированных судейских кадров. Важное значение имеют требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи. Подробно рассмотрены квалификационные требования к кандидатам в судьи, закрепленные в нормативных актах, регламентирующих правовой статус судей в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Проведен сравнительный анализ названных квалификационных требований. Обосновывается внесение изменений, а также уточнение некоторых формулировок, используемых в законодательстве России и Казахстана. Обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне требования к образовательному цензу кандидата в судьи, а именно наличие степени «магистр юриспруденции». Подвергается критике формулировка норм казахстанского закона «о наличии безупречной репутации». Обосновывается необходимость повышения возрастной планки для кандидатов в судьи, а также определения в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в Конституционном законе Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей» понятия «судейская карьера»», с установлением четких критериев карьерного продвижения судей. Анализируется требование к стажу работы лиц, претендующих на занятие вакантной должности судьи вышестоящего суда, а также предлагается установить требование об обязательном наличии опыта судейской работы для лиц, претендующих на занятие должности судьи вышестоящего суда. Также рассмотрен вопрос о прохождении кандидатами в судьи психодиагностического обследования и сформулирован вывод о необходимости включения психологических тестов в процедуру медицинского освидетельствования кандидата на должность судьи. Признается необходимость дальнейшего совершенствования предусмотренных законодательством России и Казахстана квалификационных требований к судьям.

Ключевые слова: отбор судей, назначение на должность судьи, квалификационные требования к судьям, квалификационный экзамен на должность судьи.

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTIC OF SELECTION OF JUDGES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. Fair administration of justice is impossible without highly qualified judicial personnel. The requirements for candidates for the judge position are very important. Qualification requirements for the candidates, fixed by the normative acts regulating the legal status of judges in the RF and Kazakhstan are considered in detail. A comparative analysis of these requirements is conducted. The author proposes to clarify certain wordings used in the Russian and Kazakh legislation and introduce some changes in it. The necessity of fixing requirements for educational qualifications of the candidate at the legislative level, namely a degree of "Master of Law", is substantiated. The wordings of Kazakhstan legislation's rules concerning "spotless reputation" are criticized. The need for increasing the age limit for candidates for judges, as well as the definition of "judicial career" in the law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation" and in the constitutional law of Kazakhstan "On the judicial system and status of judges", establishing clear criteria of advancement in judges' career, is substantiated. The requirement for work experience of applicants for vacant position of a judge of a higher court is analyzed. It's proposed to establish the requirement for judicial work experience for such persons. The issue of passing psychodiagnostic examination by candidates for judges is examined. The author concludes that it's necessary to include psychological tests in the procedure of medical examination of the candidates. The need to further improve the qualification requirements for judges provided by the legislation of Russia and Kazakhstan is recognized.

Keywords: selection of judges, appointment of judges, qualification requirements for judges, qualification examination for the position of judge.

Российская Федерация и Республика Казахстан — не только соседи, страны — участницы Содружества Независимых Государств, но и страны, которые входят в Таможенный союз. Вопросы экономики и права для этих государств крайне актуальны. Единое таможенное пространство, образованное в результате заключения договора о создании единой таможенной территории и формирования Таможенного союза, повлекло за собой также и спорные правовые вопросы, решать которые приходится судам государств — участников Союза. Для грамотного и скорого отправления правосудия каждое государство должно иметь высококвалифицированный судейский корпус. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы квалификационного отбора судей. Необходимость ужесточения квалификационного отбора судей не вызывает сомнений. В подтверждение данной позиции можно привести высказывание Д.А. Медведева, прозвучавшее во время его выступления на VII Всероссийском съезде судей Российской Федерации о том, что «...судебный корпус должен пополняться и обновляться высококвалифицированными, хорошо подготовленными кадрами» [1].

Вопрос о качественном судейском корпусе актуален и для Казахстана. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем выступлении на VI съезде судей Республики Казахстан, прошедшем в ноябре 2013 года, отметил позитивную деятельность судебной системы как доминантную и неоспоримую и выделил проблемные аспекты, требующие пристального внимания. В качестве одной из таких проблем он назвал несовершенство кадровой политики в системе правосудия и указал на то, что недостаточно высоки барьеры, препятствующие проникновению в суды нечистоплотных на руку лиц. Казахстанская система правосудия все еще сталкивается с фактами судебных ошибок, нарушений законности и судейской этики. На них болезненно реагирует общественность, они дают повод для различных негативных оценок всей судебной системе [2].

Рассмотрим основные требования, предъявляемые к кандидатам в судьи.

Законом РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон РФ) предусмотрены такие требования, как наличие высшего юридического образования, отсутствие судимости, гражданство Российской Федерации, достижение определенного возраста, дееспособность*. Также кандидат на должность судьи не должен состоять на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств и не должен иметь иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи. В Конституционном законе Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. N 132-II «О судебной системе и статусе судей» (далее — Закон РК) предусмотрены аналогичные по содержанию требования для кандидатов в судьи**.

Рассмотрим их более подробно. Требование о наличии высшего юридического образования является безусловным и не должно вызывать каких-либо спорных вопросов. Однако с присоединением России и Казахстана к Болонской декларации*** возник вопрос о том, вправе ли гражданин претендовать на должность судьи, если он имеет степень «бакалавр». В Российской Федерации (далее — РФ) этот вопрос нашел свое разрешение в разъяснениях Высшей квалификационной коллегии судей РФ, в которых сказано, что степень «бакалавр юриспруденции» является недостаточной для назначения на должность судьи, поскольку срок освоения основных образовательных программ для получе-

---

* О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1: ред. от 25 нояб. 2013 г. // Рос. газ. 1992. 29 июля; URL: http://www.pravo.gov.ru

** Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2000. N 23. Ст. 410.

*** 19 сентября 2003 г. в Берлине на совещании министров образования стран Европы к Болонской декларации о формировании единого европейского пространства высшего образования присоединилась Россия; 11 марта 2010 г. в г. Будапеште, в ходе заседания Болонского форума министров стран Европы, ответственных за высшее образование, Казахстан присоединился к Болонскому процессу.

ния квалификации (степени) бакалавра составляет не менее чем четыре года. Квалификация «бакалавр юриспруденции» дает гражданину право при поступлении на работу на занятие должности, для которой квалификационными требованиями предусмотрено высшее профессиональное образование, однако не для назначения на должность судьи, для которой требуется квалификация «дипломированный специалист»*.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. N 319-III ЗРК «Об образовании» «Профессиональные учебные программы высшего образования направлены на подготовку специалистов с присвоением квалификации и (или) академической степени "бакалавр", последовательное повышение уровня их профессиональной подготовки. Лица, завершившие обучение по профессиональной учебной программе высшего образования с присуждением академической степени "бакалавр", могут занимать должности, для которых квалификационными требованиями предусмотрено наличие высшего образования»**.

В целях устранения противоречий полагаем, что законодателям обеих стран необходимо предусмотреть путем внесения поправок в соответствующие законы, регламентирующие требования к судьям, требование о наличии у претендента на должность судьи академической степени «магистр юриспруденции».

Содержащееся в Законе РФ требование об отсутствии судимости у кандидата в судьи представляется более конкретным и объяснимым, нежели формулировка, содержащаяся в Законе РК, предусматривающая наличие безупречной репутации. Что следует понимать под безупречной репутацией и всегда ли безупречная репутация может быть гарантией того, что претендент на должность судьи в дальнейшем не покажет себя с отрицательной стороны? Из буквального толкования норм Закона РК следует, что кандидат на должность судьи может получить отказ в допуске к прохождению стажировки и, соответственно, в дальнейшем в назначении на должность судьи со ссылкой на то, что он не обладает безупречной репутацией. В связи с этим предлагаем внести поправки в Закон РК и заменить формулировку с требованием наличия «безупречной репутации» формулировкой, содержащейся в Законе РФ: «...не имеющий или не имевший судимости либо уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям». Отсутствие в настоящее время такой формулировки в законе не означает, что фактически судьями могут назначаться лица, имевшие судимость. На практике данные факты в обязательном порядке подлежат проверке, однако это не нашло своего закрепления в нормах действующего Закона РК.

Возрастной ценз для претендента на занятие вакантной должности судьи как в РФ, так и в Республике Казахстан (далее — РК) составляет 25 лет. Многие ученые и практики не согласны с таким возрастным цензом и обосновывают необходимость повышения возрастной планки для кандидатов в судьи [3, с. 122; 4; 5, с. 150; 6, с. 25]. Следует отметить, что, как правило, дипломированным специалистом права гражданин становится при достижении им 22-23-летнего возраста. И если он сразу же после окончания юридического факультета поступит на службу в государственные органы, то при выработке необходимого пятилетнего стажа он достигнет возраста 27-28 лет. А это означает, что стать судьей в России в 25-летнем возрасте уже практически невозможно (хотя данное правило применимо только в отношении студентов, обучавшихся по очной форме обучения). Однако анализ законодательства Республики Казахстан показывает, что гражданин, окончивший вуз в 21 год (с присуждением академической степени «бакалавр») и отработавший по юридической специальности 2 года, в 25 лет имеет и соответствующее образование, и требуемый стаж работы по юридической специальности. Считаем, что необходимо увеличить возраст для кандидатов в судьи, претендующих на занятие должности судьи суда первой инстанции, до 30 лет.

Как свидетельствует статистика, в Российской Федерации средний возраст судей судов общей юрисдикции составля-

---

* Разъяснения Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Заседание от 8 марта 2004 г. URL: http//www.vkks.ru

** Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 г. N 319-III ЗРК. URL: http://www.zakon.kz

ет от 40 до 50 лет, среди судей районного звена доля судей в возрасте 25-30 лет – 4 %, 30-40 лет – 34 % [7, с. 6].

Председатель Высшего Судебного Совета Республики Казахстан отметил, что средний возраст тех, кто был впервые назначен на должность судьи, составил 34 года [8, с. 3].

С возрастным цензом неразрывно связано требование о наличии стажа работы по юридической профессии. В РФ кандидату на должность судьи необходимо иметь пятилетний стаж работы по юридической профессии, а в РК такой стаж составляет всего два года.

Во многих государствах мира перед занятием судебной кафедры кандидаты проходят основательную подготовку в адвокатуре (в Великобритании и США – по 15-20 лет) либо на должностях стажеров и помощников судей (Франция). В подавляющем большинстве стран – участниц СНГ данный ценз составляет 5 лет, а в Грузии – 10 лет [6, с. 25]. Полагаем, что стаж юридической деятельности, необходимый для назначения на должность судьи в Казахстане, является недостаточным и должен быть увеличен. Во все времена судья был лицом уважаемым, и его неотъемлемыми качествами считались мудрость, знания и жизненный опыт. Мудрость и жизненный опыт достигаются с возрастом и в результате упорного и кропотливого труда.

Относительно такого критерия, как стаж работы, казахстанским законодателем сделана оговорка «как правило», которая означает, что для занятия должности судьи вышестоящего, в том числе областного, суда не обязательно наличие профессионального судейского стажа. Законодательство РФ также не содержит требования о необходимости предшествующего опыта работы судьей для занятия должности судьи вышестоящего суда. Тем не менее существует негласная практика, в соответствии с которой судьей вышестоящего суда может стать судья, уже имеющий определенный стаж судейской деятельности. В связи с этим полагаем необходимым закрепить в законодательстве РФ и РК требование к судьям вышестоящих судов об обязательном наличии стажа судейской работы.

С вопросом о наличии стажа и опыта работы в качестве судьи связан вопрос о судейской карьере. Под карьерой понимается движение, путь кого-нибудь к внешним успехам, славе, выгодам, почету, сопровождающее деятельность на каком-нибудь общественном поприще [9, с. 267]. Аналогично этому под судейской карьерой понимают движение судьи по служебной лестнице судейских должностей. Но в законодательстве России и Казахстана не содержится определения судейской карьеры. В РФ система квалификационной аттестации судей и присвоения квалификационных классов в определенной мере может рассматриваться как карьерный рост судьи. В Казахстане квалификационные классы были упразднены путем внесения поправок в Закон РК*.

Как отмечает Т.Н. Нешатаева, законодательный пробел в правовом регулировании оценки компетенции и карьерного движения судьи в конечном счете разрушает независимость суда и проявляется чаще всего в следующих четырех типах негативных последствий: дискреционности (административное воздействие); корпоративизме (воздействие связей внутри группы); фаворитивизме (воздействие личных связей); коррупции (воздействие материальных средств и благ) [10, с. 85]. Мы согласны с высказанной Т.Н. Нешатаевой позицией о необходимости введения определения «судейская карьера» и считаем необходимым закрепление данного определения также и в законодательстве РК.

В РК кандидатов в судьи не обязывают к прохождению психологического обследования, достаточно представления соответствующих медицинских справок. Деятельность судьи сопряжена с большими психологическими нагрузками, тем не менее прогрессивная с точки зрения качественного квалификационного отбора судей норма, предусматривающая обязательное психологическое тестирование кандидатов на должность судьи, закрепленная в Законе РФ, не была воспринята казахстанским законодателем. Полагаем необходимым рассмотреть вопрос о введении обязательного психологического обследования для кандидатов в судьи в Казахстане, предусмотрев данную норму в Законе РК.

* О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»: конституционный закон Республики Казахстан от 29 дек. 2010 г N 370-IV. URL: http://adilet.zan.kz

В то же время предложение о прохождении всеми судьями проверки на детекторе лжи, высказанное С. Злотниковым*, считаем неприемлемым, поскольку должны быть разработаны более четкие методы оценки личности судьи.

Законом РФ предусмотрено требование об отсутствии заболеваний, препятствующих занятию должности судьи. В РК конституционным законом от 11 декабря 2006 года N 199-III** введено требование к кандидатам в судьи о прохождении медицинского освидетельствования и подтверждении отсутствия заболеваний, препятствующих исполнению профессиональных обязанностей. Статья 29-1 Закона РК содержит требование о медицинском освидетельствовании кандидата «для подтверждения отсутствия у кандидата на должность судьи заболеваний, препятствующих исполнению профессиональных обязанностей судьи».

В одной из работ М.И. Клеандрова рассматривается вопрос о том, может ли судья, больной СПИДом или лепрой, занимать должность судьи [11, с. 534, 537]. В связи с этим следует отметить, что в соответствии с перечнем заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан, к таким заболеваниям отнесены лепра и вирус иммунодефицита человека***. Получается парадоксальная ситуация: такие заболевания, как лепра и ВИЧ, опасны для окружающих людей, но не являются препятствием для занятия должности судьи.

Полагаем необходимым включить их в перечень заболеваний, препятствующих исполнению профессиональных обязанностей судьи, в связи с тем, что они являются опасными для окружающих людей и влияют на умственные способности судьи.

По мнению Н. Раззак, не только кандидаты, но и действующие судьи должны проходить обязательное ежегодное медицинское освидетельствование на наличие заболеваний, предусмотренных специальным перечнем. В процедуру медицинского освидетельствования предлагается включить прохождение психологических тестов на соответствие должности судьи [12, с. 17].

Также обосновывается необходимость обращения особого внимания при отборе кандидатов на должность судьи оценке личности кандидата, его психосоматическим характеристикам, так как действующим законодательством не предусмотрено установление психологического портрета претендента на должность судьи. В случае же законодательного закрепления обязательного прохождения психодиагностического обследования кандидата в судьи, логически следует необходимость определения перечня профессионально значимых качеств судьи [13, с. 13].

В Законе РК и Законе РФ содержится требование о сдаче квалификационного экзамена и о прохождении стажировки. Порядок сдачи квалификационного экзамена в РК регламентируется Законом Республики Казахстан от 17 ноября 2008 г. N 79-IV «О Высшем судебном Совете Республики Казахстан»****, в РФ – Федеральным законом от 14 марта 2002 г. N 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»*****. В РК от сдачи квалификационного экзамена освобождаются лица, окончившие специализированную магистратуру, а в РФ – имеющие ученую степень кандидата или доктора юридических наук, которым присвоено почетное звание «заслуженный юрист Российской Федерации». Есть мнение, согласно которому проверка знаний должна проводиться не на уровне обычного экзамена в вузе, а на уровне как минимум кандидатского

* Исполнительный директор общественного фонда «Transparency Kazakhstan», член общественной наблюдательной комиссии по внешней оценке деятельности судебных органов при народно-демократической партии «Нур Отан» С. Злотников предлагает тестировать судей и кандидатов в судьи на детекторе лжи (См. об этом: URL: http://news.nur.kz).

** О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»: конституционный закон Республики Казахстан от 11 дек. 2006 г. N 199-III. URL: http://adilet.zan.kz

*** Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 1 дек. 2004 г. N 715. URL: http://base.garant.ru; Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Республики Казахстан от 4 дек. 2009 г. N 2018. URL: http://adilet.zan.kz

**** Казахстанская правда. 2008. 20 нояб.

***** Рос. газ. 2002. N 48.

экзамена по специальности, с учетом знаний судебной практики, знания теории и т.д. [14, с. 86].

Обоснованным является предложение о четырехмесячной стажировке кандидата на должность судьи в период после принятия квалификационной коллегией судей решения о рекомендации гражданина на должность судьи до выражения председателем соответствующего суда согласия (несогласия) с назначением кандидата.

Представляется, что и в Республике Казахстан гражданин, имеющий ученую степень кандидата или доктора юридических наук, может быть освобожден от сдачи квалификационного экзамена на должность судьи. Вопрос о соответствии темы диссертационного исследования объявленной специализации может быть решен Высшим судебным Советом. При этом должна учитываться иная деятельность (например, преподавательская), наличие у него монографических работ, иных научных публикаций.

Проведенный выше сравнительный анализ основных требований к кандидатам на должность судьи в РФ и в РК не преследовал в качестве своей основной цели механическое сравнение и поиск плюсов и минусов. Полагаем, что в настоящее время, с учетом перспектив сотрудничества двух государств в рамках Таможенного союза, необходимо учитывать положительный опыт каждого государства в исследуемом вопросе.

Подводя итог вышесказанному, приходим к следующим выводам:

1) в целях устранения существующих противоречий полагаем необходимым предусмотреть внесение поправок в соответствующие законы, регламентирующие требования к судьям, в том числе требование о наличии у претендента на должность судьи академической степени «магистр юриспруденции»;

2) заменить формулировку в Законе РК, содержащую требование о наличии «безупречной репутации», формулировкой, содержащейся в Законе РФ, а именно: «...не имеющий или не имевший судимости либо уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям»;

3) повысить возрастной ценз для кандидатов в судьи нижестоящих судов с 25 до 30 лет;

4) предусмотреть обязательное наличие стажа судейской работы для того, чтобы претендовать на должность судьи вышестоящего суда;

5) в целях мотивации судьи, а также во избежание проявления возможных негативных последствий полагаем необходимым ввести понятие «судейская карьера», четко обозначив основные критерии, определяющие право и последовательность занятия того или иного положения в иерархии судейских должностей;

6) полагаем необходимым рассмотреть вопрос о введении обязательного психологического обследования для кандидатов на должность судьи в Казахстане, предусмотрев данную норму в Законе РК.

Перспективы совершенствования существующей процедуры отбора кандидатов на должность судьи значительны. Общество осознало необходимость изменений в этом вопросе.

Список литературы

1. Выступление Д.А. Медведева на VII Всероссийском съезде судей 2 декабря 2008 г. URL: http://www.archive.kremlin.ru (дата обращения: 12 янв. 2014 г.).

2. Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на VI съезде судей Республики Казахстан «Задачи национальной судебной системы в контексте Стратегии "Казахстан-2050"» (Астана, 20 ноября 2013 г.). URL: http://www.zakon.kz (дата обращения: 15 июня 2013 г.).

3. Краснов М.А., Мишина Е.А. Открытые глаза российской Фемиды / под общ. ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Либеральная миссия, 2007. 138 с.

4. Кожахметов С. О возрастном цензе для судей. URL: http://www.zakon.kz (дата обращения: 15 июня 2013 г.).

5. Пейсиков В.В. Судья в России и за рубежом: монография. М.: Элит, 2008. 357 с.

6. Лапин Б. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан (анализ закона) // Правовая реформа в Казахстане. 2001. N 4-5 (12-13). С. 22-26.

7. Выступление председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В.М. // Российская юстиция. 2009. N 1. С. 6.

8. Интервью с Председателем Высшего Судебного Совета // Казахстанская правда. 2012. 23 окт. N 364. С. 3.

9. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 740 с.

10. Нешатаева Т.Н. Карьерное продвижение судьи: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2008. N 11. С. 84-96.

11. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 367 с.

12. Раззак Н. Правовой статус областного суда: дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 2008. 159 с.

13. Сейдалина Ж.К. Особенности правового регулирования трудовых отношений судей Республики Казахстан: дис. … канд. юрид. наук. Астана, 2007. 147 с.

14. Клеандров М.И. О совершенствовании механизма отбора кандидатов в судьи и наделении их судейскими полномочиями // Государство и право. 2005. N 5. С. 86-92.

References

1. *Vystuplenie D.A. Medvedeva na VII Vserossiyskom s"ezde sudey 2 dekabrya 2008 g.* [Speech by D.A. Medvedev at the VII All-Russian Congress of Judges of December 2, 2008]. Available at: http://www.archive.kremlin.ru (Accessed 12 January 2014).

2. *Vystuplenie Prezidenta Kazakhstana Nursultana Nazarbaeva na VI s"ezde sudey Respubliki Kazakhstan «Zadachi natsional'noy sudebnoy sistemy v kontekste Strategii «Kazakhstan-2050» (Astana, 20 noyabrya 2013 goda)* [Speech by President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at the VI Congress of Judges of the Republic of Kazakhstan "Tasks of the national judicial system in the context of the Strategy" Kazakhstan-2050" (Astana, 20 November 2013)]. Available at: http://www.zakon.kz (Accessed 15 June 2013).

3. Krasnov M.A., Mishina E.A. *Otkrytye glaza rossiyskoy Femidy* [Open eyes Russian Themis]. Moscow, Liberal'naya missiya Publ., 2007. 138 p.

4. Kozhakhmetov S. *O vozrastnom tsenze dlya sudey* [About the age limit for judges]. Available at: http://www.zakon.kz (Accessed 15 June 2013).

5. Peysikov V.V. *Sud'ya v Rossii i za rubezhom* [Judge in Russia and abroad]. Moscow, Elit Publ., 2008. 357 p.

6. Lapin B. *O sudebnoy sisteme i statuse sudey Respubliki Kazakhstan (analiz zakona)* [On the Judicial System and Status of Judges of the Republic of Kazakhstan (the study of law)]. *Pravovaya reforma v Kazakhstane* – Legal Reform in Kazakhstan, 2001, no. 4-5 (12-13), pp. 22-26.

7. *Vystuplenie predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Lebedeva V.M.* [Speech by President of the Supreme Court of the Russian Federation V. Lebedev]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice, 2009, no. 1, p. 6.

8. Interv'yu s *Predsedatelem Vysshego Sudebnogo Soveta* [Interview with the Chairman of the Supreme Judicial Council]. *Kazakhstanskaya pravda* – Kazakhstan's true, 2012, October 23, no. 364, p. 3.

9. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: ok. 20 000 slov* [Modern dictionary of foreign words: about 20 000 words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1992. 740 p.

10. Neshataeva T.N. *Kar'ernoe prodvizhenie sud'i: problemy pravovogo regulirovaniya* [Career advancement judges: Legal Issues]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law, 2008, no. 11, pp. 84-96.

11. Kleandrov M.I. *Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Economic justice in Russia: Past, Present and Future]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 367 p.

12. Razzak N. *Pravovoy status oblastnogo suda. Kand. Diss.* [The legal status of the regional court. Cand. Diss.]. Almaty, 2008. 159 p.

13. Seydalina Zh.K. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy sudey Respubliki Kazakhstan. Kand. Diss.* [Features of legal regulation of labor relations judges of the Republic Kazakhstan. Cand. Diss.]. Astana, 2007. 147 p.

14. Kleandrov M.I. *O sovershenstvovanii mekhanizma otbora kandidatov v sud'i i nadelenii ikh sudeyskimi polnomochiyami* [On the improvement of the mechanism of selection of judges and their conferring judicial powers]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 2005, no. 5, pp. 86-92.

КАНУННИКОВА Н.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
natali6977@yandex.ru
Кафедра организации
правоохранительной деятельности;
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
360016, Кабардино-Балкарская
Республика,
г. Нальчик, Мальбахова, 123

KANUNNIKOVA N.G.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
natali6977@yandex.ru
Chair of Organization
of Law Enforcement Activities;
North-Caucasus Advanced
Training Institute (branch),
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Malbahova 123, Nalchik, 360016,
Kabardino-Balkar Republic,
Russian Federation

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Реферат. Проявления экстремизма и терроризма во всех его формах несут страшную угрозу человечеству. Эти очень опасные явления современности влекут за собой такие негативные факторы, как военные провокации, межнациональная ненависть, сеют страх и недоверие между социальными группами. Ситуация противодействия экстремизму и терроризму осложняется еще и тем, что их довольно трудно спрогнозировать, что не всегда позволяет говорить об их своевременном предупреждении. Сегодня ни об одном государстве в мире нельзя с уверенностью сказать, что оно «свободно» от проблем, связанных с угрозой экстремизма и терроризма. Эти страшные социальные явления глубоко пустили свои корни и достигли мегамасштабов, охватив собой все международное сообщество. В свете сложившейся ситуации на передний план выходят проблемы совершенствования механизмов противодействия, в том числе и на законодательном уровне. Именно поэтому целью статьи является рассмотрение вопросов, связанных с развитием основных направлений международного противодействия, а также с использованием зарубежного опыта правового регулирования борьбы с экстремизмом и терроризмом путем создания законодательного «барьера», выполняющего функции защиты жизни и здоровья граждан, их прав, свобод и интересов. Перечисляются и анализируются международные нормативные акты, определяющие правовые средства борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности. Приводятся основные направления противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе. Формулируются предложения о новых формах противостояния данным явлениям как на законодательном уровне, так и на практике.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, правовое регулирование, противодействие, международное сообщество, контртеррористическая деятельность, конвенция, Организация Объединенных Наций.

FOREIGN EXPERIENCE OF COMBATING INTERNATIONAL EXTREMISM AND TERRORISM

Abstract. Extremism and terrorism in all their forms pose a huge threat to the humanity. These very dangerous modern phenomena entail such negative factors as military provocations and ethnic hatred. They also spread fear and mistrust between social groups. Countering extremism and terrorism is complicated by the fact that they are difficult to predict, so it's not always possible to talk about their timely prevention. Today, no country in the world can say with certainty that it's "free" from the problems related to the threat of extremism and terrorism. These terrible social phenomena have put down their root deeply. They have acquired a global character, covering the entire international community. In such circumstances the problems of improving the mechanisms to counter international extremism and terrorism, including the legislative level, are of particular importance. The purpose of the article is to analyze the issues related to the development of the main directions of international counteraction. The use of foreign experience of legal regulation of combating extremism and terrorism by creating legislative "barrier" ensuring the protection of citizens' life and health, rights, freedoms and interests is also explored. International regulations determining the legal means of combating the crimes of extremist and terrorist nature are listed and analyzed. The main areas of combating extremism and terrorism at the present stage are described. The proposals for new forms of countering these phenomena both at the legislative level and in practice are formulated.

Keywords: extremism, terrorism, legal regulation, counteraction, international community, counter terrorism activities, Convention, United Nations.

Актуальность тематики статьи трудно переоценить, поскольку в свете существующего довольно большого количества научных разработок и публикаций нет необходимости говорить о том, какова опасность международному сообществу вообще и национальной безопасности России в частности от проявлений усиления экстремизма и терроризма в различных их формах.

К сожалению, эти очень опасные явления современности влекут за собой такие негативные факторы, как военные провокации, межнациональная ненависть, сеют страх и недоверие между социальными группами. Ситуация противодействия экстремизму и терроризму осложняется еще и тем, что их довольно трудно спрогнозировать и, соответственно, своевременно предупреждать.

Объектом исследования, проведенного в рамках статьи, выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, предметом – формы противодействия экстремизму и терроризму как на законодательном, так и на практическом уровне.

Целью статьи является рассмотрение вопросов, связанных с развитием основных направлений международного противодействия, а также использованием зарубежного опыта правового регулирования борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Сегодня ни об одном государстве в мире нельзя с уверенностью сказать, что оно «свободно» от проблем, связанных с угрозой экстремизма и терроризма. Эти страшные социальные явления глубоко пустили свои корни и достигли мегамасштабов, охвативших собой все международное сообщество.

В связи с этим наиболее актуальными и первостепенными являются задачи совершенствования основных направлений международного противодействия, а также использования зарубежного опыта правового регулирования противодействия этим страшным проявлениям современности путем создания законодательного «барьера», выполняющего функции защиты жизни и здоровья граждан, их прав, свобод и интересов.

По нашему мнению, исследуемые в статье явления будут более полно раскрыты, если мы обратимся к истокам слов «экстремизм» и «терроризм». Слово «экстремизм» происходит от французского extremisme, от extreme – «крайний», от латинского extremus – «крайний; конечный» [1]. Согласно словарю С.И. Ожегова, «экстремизм (полит.) – приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» [2, с. 399]. В Большом энциклопедическом словаре дается следующая трактовка: «Экстремизм – приверженность к крайним взглядам, мерам» [3, с. 1213]. Как видим, все приведенные формулировки между собой схожи и отражают этимологическую составляющую, характеризующую «крайность» анализируемого явления.

Этимология слов «террор» и «терроризм» восходит к значению «страх», «ужас» в переводе с латинского. Истоки французского слова terreur, английского terror в латинском языке: terror – ужас, трепет, смятение. Возможные индоевропейские истоки tre – трепетать, дрожать, трястись [3, с. 809]. Дословный перевод раскрывает не само понятие террора, а лишь его прямое следствие на эмоциональном уровне. Со временем в понятие «террор» стали вкладывать не только значение прямого насилия, но и сам процесс, который вызывает страх и ужас.

В современной отечественной юриспруденции существует множество научных мнений, трактовок, подходов, определяющих сущность понятий «экстремизм» и «терроризм», которые имеют право на существование [4; 5; 6; 7; 8]. Мы не ставим своей целью дать новую формулировку сущности понятия данного явления. Следует лишь отметить, что указанные понятия, дополняя друг друга, обозначают опасные формы проявления противоправной деятельности человека либо группы лиц, объединенных в преступные сообщества и организации с целью причинения вреда личности, обществу и государству, насаждающие идеологию ненависти, страха, нетерпимости и т.п.

Именно поэтому государства всего мира активно противодействуют различным проявлениям экстремистской и террористической деятельности, не признавая экстремизм и терроризм так называемыми средствами для достижения политических целей. Главное направление в этой сфере деятельности – формирование нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму и терроризму, которое на-

иболее активно проявилось в Европе после Второй мировой войны.

Так, в ряде стран были изданы законодательные акты, способствующие предупреждению фашистской угрозы во всех ее проявлениях. В частности, были приняты специальные законы, запрещающие деятельность профашистских и пронацистских организаций, например, австрийский конституционный закон о запрете Национал-социалистической рабочей партии Германии 1945 года*; итальянский закон о запрещении неофашистской деятельности 1952 года**; португальский закон о запрещении фашистских организаций 1978 года***; разработаны и международные стандарты, направленные против злоупотреблений свободой слова, информации, выражения своего мнения****.

Противодействие терроризму и экстремизму в различных их проявлениях представлено целым рядом международно-правовых документов (Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14.09.1963 г.); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16.12.1970 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23.09.1971 г.); Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против морского судоходства (Рим, 10.03.1988 г.); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 г.); Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»; Международная конвенция по уничтожению всех форм расовой дискриминации от 21 декабря1965 г.)*****, которые свидетельствуют о том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом. В большинстве зарубежных стран законодательно запрещены расистские выступления, а также провокационные заявления, выражающие ненависть или презрение к лицам на основании их расовой или этнической принадлежности, вероисповедания, национальности******.

Вместе с тем, несмотря на единый правовой подход международного сообщества к оценке опасности экстремизма и терроризма, создать защитную среду, противостоящую данным социальным явлениям, пока не удается. До настоящего момента сохраняется единое криминальное пространство, с одной стороны, и разрозненность усилий правоохранительных органов различных государств в оперативно-розыскном и информационном обеспечении борьбы в данном направлении, которые не всегда успевают реагировать на развитие криминальных процессов, — с другой.

В связи с этим существенная роль, по нашему мнению, должна отводиться уси-

---

* Зарубежное законодательство против фашизма // Информационно-аналитический бюллетень общественного фонда «Антифашист». 1997. N 4.

** Там же.

*** URL: http://www.un.org/ru/

**** См., например, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 г. и вступивший в силу в 1976 г. // Бюллетень ВС РФ. 1994. N 12.

***** Сборник международных договоров СССР. М., 1990. Вып. XLIV. С. 218; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1974. Вып. XXVII. С. 292; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1975. Вып. XXIX; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1979. Вып. XXXIII. С. 90; Сборник международных договоров СССР. М., 1989. Вып. XLIII. С. 99; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 48. Ст. 4469; 2001. N 35. Ст. 3513; 2003. N 12. Ст. 1059; 2003. N 41. Ст. 3947; URL: http://www.un.org/ru/

****** В частности, этот стандарт закреплен в конституциях таких государств, как Дания, Канада, Нидерланды, Германия.

лиям по осуществлению практических мер противодействия преступлениям такого рода, которые можно условно разделить на следующие составляющие:

1. Совершенствование профессиональной и организационно-управленческой подготовки кадров, задействованных на контртеррористическом направлении, включая парламентариев, сотрудников правоохранительных органов, судебной и пенитенциарной систем, криминалистов, юристов, адвокатов и т.д.

2. Открытие новых экспертных площадок для внедрения передовых уголовных и процессуальных стандартов в систему антитеррористического правосудия стран с так называемой высокой террористической активностью.

3. Противодействие пополнению рядов боевиков лицами из числа мирного населения.

Для более полного раскрытия темы статьи считаем целесообразным кратко охарактеризовать каждое из обозначенных направлений международного противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе.

1. Попытки совершенствования международным сообществом профессиональной и организационно-управленческой подготовки кадров, задействованных на контртеррористическом направлении, уже имеют место. Так, например, в ходе организованной в посольстве Великобритании встречи послов стран – участниц глобального контртеррористического форума представители США и Великобритании проинформировали о реализации инициативы по созданию на Мальте международного института юстиции и верховенства права. На встрече было объявлено, что учреждение указанного института вступает в завершающую стадию.

Основной целью его учреждения является не только совершенствование профессиональной подготовки кадров, осуществляющих контртеррористическое противодействие, но и обмен опытом в антитеррористической сфере за счет налаживания в стенах института активных контактов между ведущими специалистами из различных государств в указанной области.

Учредители не скрывали, что, помимо исключительно профессиональных целей, институт призван задать и определенный идеологический вектор контртеррористической деятельности, сориентировав ее на строгое соблюдение законов и основополагающих прав человека. В связи с этим подчеркивалось, что создание указанной структуры рассматривается как реализация позиций Плана действий глобальной контртеррористической стратегии ООН («меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы борьбы с терроризмом» [9]).

Предполагается, что аудиторией данного института будут в основном представители Северной и Восточной Африки, Сахеля, Африканского рога и расширенного Ближнего Востока с основным упором на так называемые переходные государства. Однако институт готов принимать слушателей и из других регионов. Имеется в виду, что каждый курс будет формироваться на индивидуальной основе, в зависимости от страны, для которой он предназначен. Преподаватели будут набираться из числа ведущих экспертов (криминалистов, судей, юристов и т.д.) как на долговременной основе, так и путем разовых приглашений.

Определены руководящие органы института: международный управляющий совет, в который входят: Мальта как принимающая сторона, ООН, Евросоюз, Африканский союз, а также – в качестве наблюдателей – и другие многосторонние организации соответствующего профиля; исполнительный секретариат во главе с исполнительным директором; консультативный совет.

2. Осенью 2013 года под эгидой контртеррористических структур ООН в Нью-Йорке открыта новая экспертная площадка для внедрения передовых уголовных и процессуальных стандартов в системы антитеррористического правосудия стран с так называемой высокой террористической активностью.

Управление по наркотикам и преступности ООН и контртеррористический исполнительный директорат ООН представили в Женеве «Глобальную инициативу» по повышению эффективности уголовного преследования террористов [10].

На первом этапе проект ставит целью оказать содействие странам Магри-

ба* в приведении их правовых систем в соответствие с передовыми стандартами. В дальнейшем планируется расширить географию проекта, сфокусировавшись на южно-азиатском, африканском и ближневосточном направлениях.

Западные эксперты на конкретных примерах изложили свои подходы к расследованию терактов, ведению судопроизводства, развитию взаимодействия в этой сфере с другими странами. Докладчики обращали внимание на некоторую задержку внедрения в развивающихся странах зафиксированных в документах ООН, Совета Европы и Глобального контртеррористического форума принципов и рекомендаций, а также трудности при осуществлении международного сотрудничества (в том числе по вопросам экстрадиции и правовой помощи).

В качестве одного из полезных итогов мероприятия следует назвать составленный совместными усилиями список распространенных проблем, с которыми сталкивается гособвинение при раскрытии преступлений террористической направленности в обсуждаемом регионе. Высказана рекомендация о продолжении совместной работы в целях повышения взаимного доверия, консолидации политической воли, преодоления бюрократических и технических барьеров, мешающих эффективному международному взаимодействию судей и прокуроров.

3. Еще одним важным направлением международного противодействия экстремизму и терроризму выступает деятельность европейских правоохранительных структур, нацеленная на срыв работы по привлечению граждан в ряды боевиков, а также недопущение создания ячеек ваххабитов и совершения ими террористических актов. Наиболее важным считается уменьшение числа желающих выехать в Сирию. После выявления потенциальных кандидатов местные органы власти и общественные организации принимают меры по их переубеждению, используя для этого привлечение членов семей и другие методы, например изъятие паспортов, лишение социальных льгот и др. Кроме того, задействуются формы и способы противодействия в информационной сфере, например контрпропаганда исламизма, блокирование используемых для вербовки интернет-ресурсов, распространение альтернативных предложений, в частности, об участии в качестве волонтеров в гуманитарных проектах.

Таким образом, на основе вышеизложенного приходим к выводу о том, что основными направлениями противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе являются:

– создание международной правовой базы как важнейшего условия для осуществления согласованных и результативных антитеррористических действий;

– формирование международных антитеррористических центров для борьбы с экстремизмом;

– активизация работы, препятствующей привлечению граждан в ряды боевиков;

– открытие новых экспертных площадок для внедрения передовых уголовных и процессуальных стандартов в систему антитеррористического правосудия стран с высокой террористической активностью;

– продолжение совместной работы в целях повышения взаимного доверия, консолидации политической воли, преодоления бюрократических и технических барьеров, мешающих эффективному международному взаимодействию судей и прокуроров при раскрытии преступлений террористической направленности;

– пресечение проявлений экстремизма в информационной сфере: контрпропаганда исламизма, блокирование интернет-ресурсов, используемых для вербовки;

– оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся основными источниками вооруженных конфликтов.

Вместе с тем, по нашему мнению, формы и способы борьбы с экстремизмом и терроризмом необходимо развивать и совершенствовать. Международное сообщество не должно довольствоваться наработанными методами и средствами противодействия данным социальным проявлениям. Считаем важным продолжение работы в сфере совершенствования законодательства и направлений международного противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе по следующим направлениям:

1. Заключение международных договоров о создании общеевропейской

---

* В настоящее время так называемый Большой Магриб составляет группа арабских стран: Марокко, Алжир, Ливия, Тунис, Западная Сахара, Мавритания.

системы сбора данных об авиапассажирах, призванной повысить эффективность борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью.

2. Создание единой нормативно-правовой базы, направленной на расширение сотрудничества следственных и судебных органов для разработки подозреваемых в терроризме, их уголовного преследования и принятия процессуальных решений, что будет способствовать обмену информацией в рамках международной антитеррористической деятельности с США, Россией, государствами Северной Африки и Ближнего Востока.

3. Разработка законопроектов об обязательном установлении административного надзора за гражданами, которые были осуждены за совершение экстремистских и террористических преступлений и освободились из мест заключения. В рамках таких проектов должно предусматриваться усиление уголовной ответственности за правонарушения данного рода и распространение радикальных идеологий, в том числе с использованием новейших технологий.

4. Своевременное включение в списки зарубежных террористических организаций различных радикальных сект и групп.

5. Совершенствование профессиональной и организационно-управленческой подготовки кадров, задействованных на контртеррористическом направлении, включая парламентариев, сотрудников правоохранительных органов, судебной и пенитенциарной систем, криминалистов, юристов, адвокатов и т.д.

По нашему мнению, работа по данным направлениям позволит вести более эффективную борьбу с экстремизмом и терроризмом на современном этапе развития международно-правовых отношений.

Список литературы

1. Викисловарь. URL: http://ru.wiktionary.org/ (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС, 2009. 1376 с.

3. Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ; Астрель, 2003. 1248 с.

4. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Мн.: Харвест, 2004. 816 с.

5. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений / под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2000. 448 с.

6. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 464 с.

7. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие для студентов юрид. вузов / под ред. В.Я. Кикотя, Н.Д. Эриашвили. М.: Юнити, 2004. 592 с.

8. Гундарь Е.С. Терроризм как форма политического экстремизма // Антитеррор. 2003. N 1. С. 101-109.

9. Informative overview of contemporary international counter extremism and terrorism (situation as on 1 of January 2014). URL: http://www.why.ind/ver (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

10. URL: http://www.un.org/ru/terrorism/ctitf/pdfs/concept_note_geneva (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

References

1. *Vikislovar* [Wiktionary]. Available at: http://ru.wiktionary.org/ (Accessed 12 May 2014).

2. Ozhegov S.I. *Tolkoviy slovar russkogo yazika* [Dictionary of Russian language]. Moscow, ONIX Publ., 2009. 1376 p.

3. *Bolchoy enciklopeditheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, AST Publ., 2003. 1248 p.

4. Trebin M.P. *Terrorizm v XXI veke* [Terrorism in the XXI century]. Minsk, Harvest Publ., 2004. 816 p.

5. Kozhushko E.P. *Sovremenniy terrorizm: analiz osnovnih napravleniy* [Modern terrorism: analysis of the major trends]. Minsk, Harvest Publ., 2000. 448 p.

6. Dikaev S.U. *Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo haraktera* [Terror, terrorism and terrorist crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2006. 464 p.

7. *Terrorizm: bor'ba i problemy protivodeystviya* [Terrorism: the struggle and problems of counteraction]. Moscow, Unity Publ., 2004. 592 p.

8. Gundar' E.S. *Terrorizm kak forma politicheskogo ekstremizma* [Terrorism as a form of political extremism]. *Antiterror* – Counterterrorism, 2003, no. 1, pp. 101-109.

9. Informative overview of contemporary international counter extremism and terrorism (situation as on 1 of January 2014). Available at: http://www.why.ind/ver (Accessed 12 May 2014).

10. Available at: http://www.un.org/ru/terrorism/ctitf/pdfs/concept_note_geneva (Accessed 12 May 2014).

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ЯКОВЛЕВА И.В.,
007inna@mail.ru
Тавдинский районный суд
Свердловской области,
623950, Свердловская область,
г. Тавда, Ленина, 83 А

YAKOVLEVA I.V.,
007inna@mail.ru
Tavda District Court
of the Sverdlovsk region;
Lenin St. 83 A, Tavda,
Sverdlovsk region, 623950,
Russian Federation

ДЕФЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА

Реферат. Рассматриваются основные дефекты законодательного регулирования формирования судейского корпуса: отсутствие должной регламентации специальных проверок кандидатов в судьи; отсутствие в законе понятия и статуса кандидата на должность судьи. Рассмотрен пробел в Перечне заболеваний, препятствующих назначению на судейскую должность (2002 г.), в котором среди 32 названных болезней нет ни одного психического расстройства. Аргументируется законодательное закрепление диагностируемых специалистами свойств личности (корыстолюбие, алчность, жестокосердие, мстительность, высокомерие, ощущение исключительной национальной, религиозной или политической значимости), исключающих назначение на соответствующую должность. Обосновывается необходимость дополнения Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» положением о проведении психодиагностического обследования (одновременно с медицинским) кандидата на должность судьи. Анализируется законопроект Верховного Суда Российский Федерации N 314591-6, в котором предложено скорректировать правила проведения экзаменов на должность судьи и ограничить круг лиц, желающих сдать квалификационный экзамен. Предлагается расширить права экзаменационных комиссий по проверке кандидатов в судьи и наделить их полномочиями, сопоставимыми с полномочиями советов судей, квалификационных коллегий судей. Констатируется, что законопроект охватывает далеко не все проблемы организационно-правового механизма комплектования российского судейского корпуса на современном этапе проведения судебной реформы. Доказывается необходимость создания единого правового механизма, основанного на четких формулировках, закрепленных федеральным законом, которые должны прийти на смену рекомендательным (необязательным) методическим указаниям. Резюмируется, что законопроект лишь частично разрешает вопросы формирования судейского корпуса, требуется концептуальная ревизия законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: кандидат в судьи, квалификационный экзамен, судейский корпус, судебная деятельность, судья, правосудие, профессиональная успешность.

THE DEFECTS OF LEGISLATIVE REGULATION AND THE PRACTICE OF THE JUDICIARY FORMATION

Abstract. The main defects of the formation of the judiciary's legislative regulation are considered: lack of proper regulation of special examinations of candidates for judges; lack of concept and status of the candidate for judge position in law. It's emphasized that there's no mental disorder in the list of diseases preventing judicial appointments (2002). It's proposed to fix by legislation some personality traits diagnosed by specialists (self-interest, greed, cruelty, vindictiveness, arrogance, sense of exclusive ethnic, religious, political significance), excluding the appointment to the appropriate position. The necessity to amend the law "On the status of judges in the RF" by the provision for psychodiagnostic examination (simultaneously with medical one) of the candidate for judge is substantiated. The bill of the RF Supreme Court N 314591-6 is analyzed. It proposed to correct the rules of examination for the position of judge and limit the number of persons wishing to pass it. It's proposed to expand the rights of examination boards to test candidates for judges, give them the powers comparable to the powers of the councils of judges and judicial qualifications commissions. It's stated that the bill doesn't cover all problems of organizational and legal mechanism of the formation of Russian judiciary at the present stage of judicial reform. The need for a single legal mechanism based on clear statements fixed by federal law, which would replace the optional guidelines, is proved. It's summarized that the bill only partially solves the issues of the judiciary formation. The conceptual revision of the legislation in this area is required.

Keywords: candidate for judge, qualification examination, judiciary, judicial activities, judge, justice, professional success.

Качество и доступность правосудия зависит от тех, кто призван осуществлять судебную власть в России, именно судья является ни от кого не зависящей «ключевой фигурой правосудия», носителем судебной власти. Без профессионального и реально независимого судейского корпуса нельзя говорить о правовом государстве и демократии. В последнее время в российской судебной системе сформировалась тенденция укрепления кадровой политики. Создание судейского корпуса является одним из самых актуальных вопросов в современной судебной деятельности, имеющим особое значение для дальнейшего развития судебной системы, поскольку судья является носителем судебной власти. Только профессиональный и независимый судейский корпус способствует реализации принципа законности в России.

Проблема качественного комплектования судейского корпуса существовала во все времена, но ее актуальность возросла в настоящее время, когда в значительной степени изменились общественно-экономические отношения, идет создание правового государства, в том числе посредством серьезного обновления законодательства. В этих условиях перед квалификационными коллегиями судей стоит сложная задача – максимально объективно выявлять лиц, способных осуществлять судебную деятельность исходя из профессиональных и индивидуально-психологических и нравственных качеств. Для этого нужны новые подходы к работе по отбору кандидатов на должность судьи.

Существующий механизм отбора кандидатов в судьи по морально-этическим и психофизиологическим критериям далеко не совершенен. Во-первых, действующее законодательство не содержит официально закрепленного требования о проверке кандидатов в судьи и их близких родственников. Практически отсутствует законодательное регулирование системы организации и проведения спецпроверок кандидатов в судьи. Для всех очевидно, что эти спецпроверки необходимы с целью исключить появление в судейском корпусе людей, не отвечающих требованиям, предъявляемым к судьям Во многих странах процедура спецпроверок кандидатов в судьи урегулирована законодательно. В нашем государстве спецпроверки кандидатов в судьи проводятся бессистемно, не на законодательной основе. Запросы направляются, на всякий случай, в налоговые, таможенные и иные органы. В результате спецпроверки длятся очень долго. Проверяется не то, что нужно, а результаты таких проверок оформляются не общедоступным по форме документом. Где нет законодательной регламентации установленного порядка, там выигрывает отнюдь не общество и не государство.

Во-вторых, в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»* не раскрывается понятие «кандидат на должность судьи». Статус кандидата в судьи необходимо законодательно закрепить, так как с момента признания человека кандидатом в судьи в отношении его можно проводить проверочные мероприятия. По нашему мнению, кандидатом необходимо считать человека, представившего все необходимые документы, написавшего все нужные заявления, – о допуске его к сдаче квалификационного экзамена и о согласии на проведение в отношении его и его родственников проверки.

Еще одним пробелом в организационно-правовом механизме формирования судейского корпуса является то, что в утвержденном в 2002 году Советом судей РФ по представлению Минздрава РФ Перечне заболеваний, которые препятствуют назначению на судейскую должность, указано 32 заболевания**. Но среди них нет ни одного психического заболевания, следовательно, его наличие не препятствует для назначения судьей. В указанном Перечне заболеваний нет и таких болезней, как СПИД (ВИЧ), проказа (лепра), сифилис мозга. Эти заболевания не могут не влиять на психику больного, они деформируют ее, а значит, и правосудие, осуществляемое страдающим каким-либо из указанных заболеваний судьей. В судебной практике встречается немало «странных» судебных решений, но причины их не вы-

---

* О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1: ред. от 25 нояб. 2013 г. // Рос. газ. 1992. 29 июля; URL: http://www.pravo.gov.ru

** Об утверждении Перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи: постановление Совета судей РФ от 26 дек. 2002 г. N 78 // Рос. газ. 2003. 24 янв.

являются и не анализируются. Как правило, «странные» судебные акты, совершенно не соответствующие обстоятельствам и материалам дела, объясняются коррумпированностью судьи.

То же самое можно сказать и в отношении таких объективно определяемых специалистами черт характера (корыстолюбие, алчность, жестокосердие, мстительность, высокомерие, ощущение исключительной национальной, религиозной или политической значимости и т.д.), которые должны стать непреодолимым препятствием для их обладателя к должности судьи. Однако некоторые из негативных качеств проявляются уже после наделения лица судейскими полномочиями.

Сегодня от кандидата в судьи максимум, что можно получить, — справка из психиатрического диспансера о том, что он не состоит в нем на учете. Но нужен не только ответ психиатра на вопрос о том, болен или здоров кандидат. Необходимо заключение психолога о том, предрасположен ли данный человек к занятию должности судьи или ему психологически комфортнее профессионально реализоваться в другой сфере деятельности. Многолетний эксперимент, проводимый в различных субъектах Российской Федерации, подтвердил целесообразность предварительного психодиагностического обследования кандидатов на должность судьи. Указанная процедура позволяет глубоко и объективно оценить присущие личности претендента качества, их соответствие требованиям профессиональной деятельности и с высокой долей вероятности прогнозировать профессиональную успешность. Важным является и тот факт, что отказ в рекомендации к назначению на должность судьи по результатам этого отбора защищает как самого кандидата от непосильной по психоэмоциональным и психофизическим параметрам деятельности, так и общество от негативных последствий его профессиональной несостоятельности.

Все это дает основания утверждать о целесообразности нормативного урегулирования проверки кандидата по поводу его физической и психической пригодности к занятию должности судьи, а также проведения проверки отсутствия у него черт характера, при наличии которых данного претендента нежелательно наделять судейскими полномочиями. При этом не потребуется изменения действующей Конституции РФ, в ст. 119 которой предусмотрена возможность установления федеральным законом дополнительных требований к судьям судов Российской Федерации*.

Нужны разработанные и официально утвержденные показатели и противопоказания относительно требований к здоровью судей (физическому и психическому). Очевидна необходимость внесения дополнений в статью 4.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», которыми можно было бы нормативно закрепить психодиагностическое обследование кандидатов на должность судьи, предусмотрев его проведение одновременно с медицинским обследованием.

В ряд обозначенных вопросов можно поставить и вопрос о качественной, глубокой проверке кандидатов в судьи на предмет их юридического профессионализма. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» гласит, что судья федерального суда, впервые назначенный на должность судьи, проходит обучение по программе профессиональной переподготовки в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей, в том числе в форме стажировки в суде, с сохранением на этот период ежемесячного денежного вознаграждения. Для сравнения: в Эстонии претенденту на должность судьи необходимо предварительно пройти двухлетнюю подготовительную службу в качестве кандидата в судьи в Государственном суде, прокуратуре, адвокатуре, местном учреждении государственной исполнительной власти или местного самоуправления. Только после прохождения практики в качестве кандидата на должность судьи всесторонне подготовленный претендент может получить статус судьи, что существенно повышает профессиональную квалификацию

---

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. N 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. N 7-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 4. Ст. 445.

будущего судьи и экономит федеральные денежные средства.

Верховный Суд РФ в июле 2013 года обратился в Государственную Думу РФ с законопроектом N 314591-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации", Федеральный закон "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], в котором предлагается скорректировать правила экзаменов на должность судьи и ограничить круг лиц, желающих сдать квалификационный экзамен. В законопроекте предлагается допускать к экзамену специалистов и магистров в области права и не допускать бакалавров. Сейчас к претендентам предъявляется требование о наличии высшего юридического образования.

Согласно вышеназванному законопроекту Верховный Суд РФ предлагает изменить и правила сдачи экзаменов. Квалификационный экзамен можно будет сдавать только в том регионе, где кандидат в судьи собирается работать. В связи с этим в законопроекте предложено внести уточнение в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которому экзаменационная комиссия будет принимать экзамены у кандидата, если заключение о рекомендации на должность судьи относится к полномочиям квалификационной коллегии судей данного субъекта.

В законопроекте также предлагается норма о том, чтобы экзаменовать тех судей, которые пребывают в отставке более трех лет подряд и снова выразили желание работать в должности судьи. Верховный Суд РФ предлагает расширить права экзаменационных комиссий по проверке кандидатов и наделить их полномочиями наравне с советами судей, квалификационными коллегиями судей. В частности, запрашивать у государственных органов, общественных организаций и объединений, должностных лиц сведения и документы в отношении кандидатов.

В законопроекте охвачены далеко не все проблемы организационно-правового механизма комплектования российского корпуса судей на современном этапе судебной реформы. Кадровые ошибки в судебной власти имели и имеют место. Нужен механизм, гарантированно обеспечивающий привлечение высококвалифицированных специалистов, в том числе за счет принятия соответствующих федеральных законов. Сама же работа по решению этих задач невозможна без глубокого многокомпонентного научного обеспечения силами и методами многих отраслей науки, а также без участия самого судейского сообщества. Полагаем, что в случае утверждения законопроекта частично устранятся сегодняшние законодательно не урегулированные вопросы кадрового механизма формирования судебной власти.

Список литературы

1. Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: http://www.duma.gov.ru/ (дата обращения: 19 февр. 2014 г.).

References

1. *Ofitsial`niy sayt Gosudarstvennoy Dumy RF* [The official site of the State Duma of Russian Federation]. Available at: http://www.duma.gov.ru/ (Accessed 19 February 2014).

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

БИМБИНОВ А.А.,
bimbinov@yandex.ru
Кафедра уголовного права;
Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
123995, г. Москва,
Садовая-Кудринская, 9

BIMBINOV A.A.,
bimbinov@yandex.ru
Chair of Criminal Law;
Kutafin Moscow State Law University,
Sadovaya-Kudrinskaya St. 9,
Moscow, 123995,
Russian Federation

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ И ИНЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Реферат. Дается развернутая уголовно-правовая характеристика субъективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 134 Уголовного кодекса РФ, — вины, мотивов и цели. Рассмотрены основные позиции ученых относительно формы вины и ее конкретного вида. На основе уголовного законодательства и судебной практики обосновывается единственно возможная в данном составе форма вины — прямой умысел. Отдельно оговаривается спорный вопрос отсутствия признака заведомости в конструкции рассматриваемой статьи. Аргументируется, что в возвращении признака заведомости нет необходимости, так как законодательный принцип вины не допускает возможности объективного вменения. Так, если лицо, совершившее половое сношение, мужеложство или лесбиянство с подростком, не достигшим шестнадцати лет, не осознавало его возраста (не знало и не имело достаточных оснований допускать), то оно не подлежит уголовной ответственности в силу добросовестного заблуждения относительно общественной опасности своего деяния (фактическая ошибка в объекте посягательства). В подтверждение приводятся примеры из судебной практики. Подробно рассматриваются мотивы и цель указанного деяния. Автор ссылается на положения теории уголовного права и казусы правоприменительной практики в ходе обоснования вывода о различном характере этих признаков, что исключает их определяющий характер в субъективной стороне состава преступления. Предпринимаемые на практике попытки установить конкретные мотив и цель рассматриваемого преступления связаны с характерными особенностями действий сексуального характера, которые, хотя и удовлетворяют сексуальные потребности, не определяют обязательный мотив или цель данного преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона, половое сношение, действия сексуального характера, несовершеннолетний, вина, мотив, цель.

THE MENTAL ELEMENT OF SEXUAL INTERCOURSE AND OTHER SEXUAL ACTS WITH A PERSON UNDER THE AGE OF SIXTEEN

Abstract. The detailed criminal law characteristic of the mental element of crimes punishable under Article 134 of the RF Criminal Code (mens rea, motive, intent) is given. The basic scientists' views regarding the form of guilt and its specific type are considered. On the basis of criminal legislation and judicial practice the direct intent as the only possible form of guilt in this corpus delicti is substantiated. Controversial issue concerning the lack of element of deliberate intent in the analyzed article's construction is considered. It's proved that there's no need to return this element, since the legislative principle of guilt doesn't allow the possibility of its imputation. So, if the person who committed sexual intercourse, sodomy or lesbianism with a teenager under the age of sixteen was not aware of his (her) age (didn't know and had no sufficient grounds to assume), the person shall not be criminally responsible by reason of bona fide ignorance about social danger of his (her) actions (actual error in the object of assault). Examples from judicial practice are provided. The motives and intent of the specified act are considered in detail. The author refers to the criminal law theory and law enforcement practice incidents in justifying the conclusions about the different character of these elements, that excludes their determinative character in the mental element of crime. Attempts to determine the motive and intent of the analyzed crime are connected with characteristic features of sexual acts, which, although satisfy sexual needs, don't determine the motive and intent of this crime.

Keywords: mental element of crime, sexual intercourse, sexual acts, minor, mens rea, motive, intent.

Субъективной стороной преступления в науке уголовного права признается внутренняя психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Признаками, характеризующими такую деятельность, являются вина, мотив и цель. Данные признаки «органически связаны между собой и зависимы друг от друга, но тем не менее представляют самостоятельные психологические явления, ни одно из которых не может включать в себя других в качестве составной части» [1, с. 58].

Вина как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию в отличие от мотива и цели является обязательным признаком любого преступления. Установление формы вины и ее конкретного вида имеет большое значение для обеспечения точной и полной правовой оценки содеянного. В связи с этим анализ субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, логично начать именно с характеристики вины.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, является преступлением с умышленной формой вины. Этой позиции придерживается абсолютное большинство авторов. Умышленная форма вины данного преступления выражается в осознании и предвидении виновным общественно опасного характера указанных в ст. 134 УК РФ сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (интеллектуальный элемент), и желании их совершить (волевой элемент). При этом следует иметь в виду, что осознание общественно опасного характера прежде всего представляет собой понимание возрастной характеристики потерпевшего, так как с лицами, достигшими шестнадцати лет, сексуальные действия преступными не являются.

Осознание виновным общественно опасного характера своих действий, как указывает Ю.К. Сущенко [2, с. 168], включает в себя осознание недостижения потерпевшим шестнадцатилетнего возраста (реальное знание о возрасте ввиду давнего знакомства, сообщение о возрасте самим потерпевшим или третьими лицами и т.д.), а также осознание возможности недостижения потерпевшим указанного возраста (предположение о возрасте, основанное на внешнем облике потерпевшего, на сведениях о возрасте друзей и одноклассников потерпевшего и т.д.).

Аналогичной позиции придерживается Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 14 своего постановления «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал, что «за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних либо лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по этим признакам возможна лишь в случаях, когда виновное лицо знало или допускало, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет»*.

Следует отметить, что в уголовно-правовой науке имеются взгляды, согласно которым преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, в частности по небрежности [3, с. 115; 4, с. 129]. Сторонники такого подхода считают, что рассматриваемое преступление будет иметь место в случае, когда виновный не осознает общественно опасного характера своих действий, но по обстоятельствам дела должен был и мог его осознавать. Данная конструкция неосторожной формы вины, исходя из ч. 1 ст. 28 УК РФ, возможна, однако к преступлению, ответственность за которое предусмотрена ст. 134 УК РФ, она не применима.

Привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, в отсутствие осознания им общественно опасного характера действий, связанного с возрастом несовершеннолетнего, является недопустимым, так как, по сути, оно представляет собой объективное вменение, которое противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ). Использование в данном случае формулы «должен и мог осознавать» не представляется возможным. Объективный

---

* О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. N 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 8.

критерий «должен осознавать» носит нормативный характер, то есть обозначает вытекающую из различных норм обязанность лица в каждом конкретном случае выяснять возраст сексуального партнера. Такая обязанность действующим российским законодательством не предусмотрена, в связи с этим существование вины в форме неосторожности в составе преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, невозможно.

Таким образом, можно констатировать, что ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, возможна только при умышленной форме вины, которая предусматривает обязательное осознание лицом общественно опасного характера своих действий. При отсутствии такого осознания вина, а значит, и наличие состава преступления в действиях лица исключаются. Так, если лицо не осознает общественно опасного характера своих действий, то есть заблуждается относительно возраста жертвы (например, в связи с внешними данными, характерными для лиц, старше 16 лет, или в случае знакомства в ночном клубе, куда несовершеннолетние не допускаются), то состава анализируемого преступления его действия не образуют.

Преступлением, совершенным умышленно, согласно ст. 25 УК РФ, может быть деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Вопрос о том, какой вид умысла характерен для рассматриваемого преступления, в доктрине уголовного права решается по-разному.

Подавляющее большинство авторов придерживается позиции, согласно которой преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, может быть совершенно только с прямым умыслом.

И.И. Слуцкий считает, что для названного преступления характерен как прямой, так и косвенный умысел [5, с. 184].

Утверждение Г.П. Краснюк о том, что только наличие в законе признака заведомости исключает возможность совершения рассматриваемого преступления с косвенным умыслом [5, с. 90], позволяет сделать вывод, что в условиях действующей редакции УК РФ она разделяет указанную выше позицию.

Представляется, что в данном вопросе правы те авторы, которые считают возможным совершение преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, только с прямым умыслом.

Основное различие в содержании прямого и косвенного умысла состоит в характере предвидения и волевом отношении субъекта преступления.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, — это преступление с формальной конструкцией состава, поэтому отношение к последствиям, не имеющим юридического значения для квалификации, не может определять содержание вины. Все элементы умысла (осознание, предвидение и желание) должны иметь отношение только к общественно опасному деянию. В связи с этим предвидение в рассматриваемом составе — это внутреннее представление лица о совершении им полового сношения, мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. В момент осуществления умысла виновный предвидит скорее неизбежность осуществления указанных действий, нежели такую возможность. Такой характер предвидения ставит под сомнение возможность совершения анализируемого преступления с косвенным умыслом.

Отбросить последние сомнения относительно невозможности косвенного умысла в исследуемом составе поможет рассмотрение особенностей волевого элемента умысла.

Согласно закону косвенный умысел характеризуется сознательным допущением общественно опасных последствий либо безразличным к ним отношением. Учитывая формальную конструкцию состава, можно предположить, что рассматриваемое преступление с косвенным умыслом будет иметь место тогда, когда субъект преступления сознательно допускает или безразлично относится к совершению им полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Однако совершение полового сношения или других сексуальных действий с не достигшим шестнадцати лет подростком — это не последствие, а социальное свойство деяния, определяющее его общественно опасный характер, и поэтому оно составляет предмет осознания, а не воли.

Изложенное свидетельствует о том, что попытки определить волевое содержа-

ние вины в виде сознательного допущения или безразличного отношения применительно не к последствиям, а к указанным в законе действиям или бездействию в итоге приводят к смешению элементов вины и подмене их понятий. Конструирование косвенного умысла в преступлениях с формальным составом не представляется возможным.

Так, А.И. Рарог относительно высказываний о возможности косвенного умысла в формальных составах пишет: «С этими утверждениями вряд ли можно согласиться, поскольку они противоречат законодательному определению и психологической сущности косвенного умысла, при котором сознательное допущение проецируется только на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния» [1, с. 98-99].

При характеристике субъективной стороны рассматриваемого преступления нельзя обойти вниманием вопрос об отсутствии в действующей редакции ст. 134 УК РФ признака заведомости. Исключение данного признака Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. N 14-ФЗ* вызвало в уголовно-правовой науке неоднозначную реакцию.

Так, В.Г. Романов считает решение законодателя необоснованным, так как, по его мнению, наличие признака заведомости в числе составообразующих признаков ст. 134 УК РФ способствует установлению виновности лица и правильному определению формы его вины [7, с. 130].

О необходимости восстановления признака заведомости в рассматриваемом составе указывает Н.Н. Сяткин. По его словам, отсутствие данного признака означает, что лицо, совершая общественно опасное деяние в отношении несовершеннолетнего лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, будет наказано без учета его внутреннего субъективного отношения к возрасту [8, с. 86-87]. Похожие критические оценки дают и многие другие авторы.

Вместе с тем у позиции законодателя относительно исключения рассматриваемого признака есть свои сторонники. Так, О.А. Гоноченко полагает, что наличие в тексте ст. 134 УК РФ указания на заведомость не отвечает социальным потребностям надлежащей охраны лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Признак заведомости, как считает он, введенный в целях соблюдения принципа вины и создания гарантий законности в отношении лица, совершившего преступление, не учитывает требований принципа гуманизма в той его части, которая гарантирует защиту безопасности человека уголовным законодательством России [9, с. 21-22].

Р.С. Данелян также высказывает свое отрицательное отношение к наличию заведомости в рассматриваемом составе. По ее мнению, термин «заведомость» предполагает именно достоверное знание о том, что потерпевший не достиг шестнадцатилетнего возраста, поэтому его исключение из ст. 134 УК РФ повысило бы эффективность борьбы с такого рода преступлениями и укрепило бы гуманистические гарантии прав и свобод потерпевших в уголовном праве [10, с. 484, 489].

Представляется, что в данном вопросе наиболее обоснованную позицию занимает Р.С. Данелян. Проблема использования признака заведомости в рассматриваемом составе преступления основана на его неправильном толковании.

Заведомость в теории уголовного права понимается как особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления, использование которого в законе означает то, что субъект при совершении деяния достоверно знал о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания [1, с. 61]. Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 134 УК РФ, заведомость будет предполагать достоверное знание виновным возрастной характеристики потерпевшего. Достоверное знание — это знание, истинность которого строго установлена, поэтому виновному в совершении рассматриваемого преступления должно быть абсолютно точно известно, что потерпевший в момент сексуального контакта не достиг шестнадцатилетнего возраста.

---

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федер. закон от 29 февр. 2012 г. N 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 10. Ст. 1162.

Подобная осведомленность может быть основана на давнем знакомстве, родственных связях, других обстоятельствах времени и места, а также на внешнем облике, очевидно указывающем на недостижение потерпевшим шестнадцати лет. Так, Сергиево-Посадским городским судом Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. По делу установлено, что Д. при совершении полового сношения с М. заведомо знал, что последняя не достигла шестнадцатилетнего возраста. Осведомленность Д. о возрасте М. подтверждается совокупностью доказательств, в частности показаниями самого подсудимого, потерпевшей и свидетелей о том, что Д. присутствовал на праздновании дня рождения по случаю исполнения М. четырнадцати лет, по прошествии которого они стали встречаться*.

В большинстве случаев совершение рассматриваемого преступления происходит при заведомой осведомленности виновного о возрасте жертвы, однако имеют место случаи, когда степень знания возраста потерпевшего скорее предположительная, чем достоверная. Соответственно преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ (в редакции до 2012 года), отсутствовало бы, так как предположительное знание не охватывается признаком заведомости. Сам смысл слова «заведомый»** является тому подтверждением.

Устранить подобный пробел, когда лицо достоверно не знало о недостижении шестнадцатилетнего возраста потерпевшим, но допускало это, как раз помогла реформа по исключению указания на заведомость в статьях о половых преступлениях.

Так, Магаданским городским судом Л. признан виновным в совершении анализируемого преступления. Согласно материалам дела Л. не было достоверно известно о возрасте потерпевшей Б., так как ее внешний вид соответствовал шестнадцатилетнему возрасту. Однако факт осознания подсудимым того, что потерпевшей не исполнилось 14 лет, не вызывает у суда сомнений, поскольку убедительно подтверждается исследованными доказательствами, а именно: показаниями классного руководителя потерпевшей, сообщившей Л., перепутав его с родственником Б., о классе, в котором последняя обучается; наличием в комнате Б., где произошло половое сношение, учебников за 6-ой класс, принадлежность которых подсудимому была известна***.

Приведенный пример ярко демонстрирует несостоятельность доводов о необходимости включения признака заведомости в текст ст. 134 УК РФ. Наличие заведомости в конструкции рассматриваемого преступления делало бы невозможным привлечение Л. в описанной выше ситуации к уголовной ответственности.

Опасения ученых относительно того, что исключение признака заведомости приведет к объективному вменению или проблемам с определением формы вины, являются безосновательными. Как ранее уже было отмечено, сама конструкция состава, а также характер посягательства предполагают возможность только прямого умысла вне зависимости от наличия или отсутствия заведомости в диспозиции ст. 134 УК РФ. Объективное вменение вообще недопустимо, это прямо предусмотрено уголовным законом (ч. 2 ст. 5 УК РФ). Если лицо, совершившее половое сношение, мужеложство или лесбиянство с подростком, не достигшим шестнадцати лет, не осознавало его возраста (не знало и не имело достаточных оснований, чтобы допускать), то оно не подлежит уголовной ответственности, так как добросовестно заблуждается относительно общественной опасности своего деяния (фактическая ошибка относительно объекта посягательства).

Примечательно, что уголовные законы большинства европейских стран (например, Австрии, Бельгии, Болгарии) используют ту же конструкцию состава преступления в части отсутствия указания на признак заведомости. По мнению О.С. Капинус и В.Н. Додонова, в этих странах также применяется общая норма о фактической ошибке как обстоятельстве, исключающем преступность деяния [11].

---

* Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 12 дек. 2008 г. Дело N 1-610/08 // Архив Сергиево-Посадского городского суда.

** См.: Словарь С.И. Ожегова. URL: http://www.ozhegov.com/words/8628.shtml

*** Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 9 янв. 2014 г. Дело N 1-21/2014 (33182) // Отдел по обеспечению судопроизводства по уголовным делам Магаданского городского суда.

Заметим, что в работе указанных авторов приведены примеры стран, в которых установлена обязанность лица проявить необходимую бдительность и перед вступлением в половую связь выяснить возраст своего партнера. «Так, в УК Норвегии (§ 195) прямо предусмотрено, что заблуждение относительно возраста не исключает наказания. Согласно УК Сан-Марино (ст. 173) виновный не может выдвигать в качестве собственного оправдания незнание того, что жертва была несовершеннолетнего возраста. По законам ЮАР рассматриваемое деяние относится к числу преступлений "строгой ответственности". Это означает, что добросовестное заблуждение обвиняемого относительно возраста потерпевшей не является обстоятельством, освобождающим от ответственности. Однако допустимой защитой от обвинения признается заблуждение в результате обмана со стороны жертвы относительно ее возраста» [11].

Анализируя далее субъективную сторону преступления, необходимо остановиться на характеристике мотива и цели преступления. В отличие от вины названные признаки относятся к факультативным и, как правило, влияют на квалификацию только тогда, когда закон прямо на них указывает. Мотивом преступления в науке уголовного права признается обусловленное определенными потребностями побуждение, которым виновный руководствуется при совершении преступления. Цель преступления – это внутреннее представление виновного о желаемом результате, к достижению которого он стремится, совершая общественно опасное деяние.

В статье, устанавливающей ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, конкретного указания на мотив и цель нет, однако определенные особенности и характер совершаемых действий вызывают у теоретиков небезосновательные соображения на этот счет.

Так, Р.Е. Затона, не исключая возможности иных мотивов, например бытовой мести, желания унизить, все же указывает, что в абсолютном большинстве случаев совершения рассматриваемого преступления мотив и цель носят сексуальную направленность и желание удовлетворить половую потребность [12, с. 56].

Г.П. Краснюк считает, что для наличия анализируемого состава виновный должен действовать с целью совершения ненасильственного полового сношения, мужеложства или лесбиянства, а в его общей мотивационной картине обязательно должно присутствовать стремление к удовлетворению половой страсти [6, с. 91-92].

Д.Е. Васильченко, характеризуя преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, указывает, что целью его совершения является удовлетворение половой страсти, а его мотивационная картина выглядит следующим образом: желание ощутить себя сильным, значительным в глазах кого-либо, в том числе малолетнего потерпевшего, (в 7 % случаев); желание вновь пережить сексуальное возбуждение, которое наступает только при половом контакте с малолетними (24 %); желание удовлетворить половую потребность любым способом (9 %); отсутствие осознания характера собственных побуждений (59 %) [13, с. 113].

О мотивах рассматриваемого преступления пишет также В.Г. Романов: «В основе мотивов преступных деяний, предусмотренных ст. 134 УК РФ, как правило, лежат низменные побуждения (интенсивные сексуальные фантазии, или сексуальное влечение к реальным детям, или действия сексуального характера с детьми, копрофилия, аутоасфиксиофилия и т.д.)» [7, с. 135].

Среди приведенных точек зрения наиболее обоснованной видится позиция Р.Е. Затоны. Представление о том, что в общей мотивационной картине обязательно должно присутствовать стремление к удовлетворению половой страсти, не соответствует действительности. Виновный может вообще не испытывать полового влечения и вступить в сексуальный контакт, например из жалости, в целях сохранения взаимоотношений с партнером или проявляя интерес перед неизведанным. Говорить, что целью рассматриваемого преступления является только удовлетворение половой страсти, также не приходится. Целью может быть лишение девственности, самоутверждение, изготовление порнографических материалов, вовлечение в занятие проституцией и так далее. Утверждение, что в основе действий, предусмотренных ст. 134 УК РФ, как правило, лежат низменные побуждения,

вообще противоречит теоретическим положениям. Низменными мотивами в уголовно-правовой науке признаются побуждения, рассматриваемые законодателем как повышающие общественную опасность деяния. Интенсивные сексуальные фантазии свидетельствуют о богатом воображении или, в зависимости от продолжительности, — о начале психического расстройства. Влечение к детям и желание совершить с ними сексуальные действия являются, согласно МКБ-10, расстройством сексуального предпочтения* и не могут определятся как низменные побуждения. Указание В.Г. Романовым в качестве низменных мотивов на копрофилию и аутоасфиксиофилию вызывает недоумение. Помимо того, что данные понятия не имеют отношения к внутренней психической деятельности лица, они не характеризуют рассматриваемое преступление в принципе.

Вместе с тем необходимо отметить, что все указанные авторы, как, например, Г.П. Краснюк, допускают наличие иных, помимо сексуальных или наряду с сексуальными, мотивов рассматриваемого преступления. Представляется, что такая позиция является верной. В связи с тем, что закон не содержит указания на специальный мотив совершения преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, мотивы здесь могут быть самыми различными и не могут повлиять на квалификацию. Такое же положение характерно и для цели совершения данного преступления.

Безусловно, цель удовлетворения сексуальной потребности при совершении анализируемого преступления наиболее распространена. Причем виновный может преследовать как цель удовлетворения собственной потребности (например, приговором Сергиево-Посадского городского суда установлено, что Оборин С.А., будучи лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в целях удовлетворения своей половой страсти совершил половое сношение с несовершеннолетней О.**), так и половой потребности партнера (например, Апелляционным определением Верховного суда Республики Саха (Якутия) изменено наказание К. с реального отбывания лишения свободы на условное в связи с наличием смягчающего обстоятельства, а именно аморального поведения потерпевшей А., которая склонила К. к совершению лесбиянства в целях удовлетворения своей половой потребности***). Однако этими целями рассматриваемое преступление не ограничивается, поэтому указание на конкретную цель при характеристике субъективной стороны не имеет смысла.

Мотивы и цели полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, различны и определяющего значения не имеют. Вероятно, что попытки некоторых авторов определить конкретные мотив и цель исследуемого преступления связаны с характерными особенностями действий, указанных в диспозиции ст. 134 УК РФ. Данные действия, как и любые другие действия сексуального характера, способны удовлетворить сексуальную потребность партнеров или хотя бы одного из них. Такая возможность является свойством этих действий и вовсе не определяет обязательный мотив или цель анализируемого преступления.

Таким образом, проанализировав признаки субъективной стороны, можно сделать следующие выводы.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом. Виновный осознает и предвидит общественно опасный характер полового сношения, мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (интеллектуальный элемент), и желает их совершить (волевой элемент).

Осознание предполагает знание либо допущение виновным того, что потерпевшим является лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В связи с тем, что заведомость предполагает исключительно достоверное знание, ее исключение из текста ст. 134 УК РФ представляется правильным и обоснованным.

---

* См.: Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). URL: http://mkb-10.com/index.php?pid=4358

** Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 25 мая 2010 года. Дело N 1-308/10 // Архив Сергиево-Посадского городского суда.

*** Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 6 мая 2014 года. Дело N 22-683/2014 // Отдел по информационному обеспечению деятельности Якутского городского суда.

Попытки исследователей установить конкретные мотив и цель преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, вероятно, связаны со свойством действий сексуального характера удовлетворять сексуальную потребность партнеров, которое не имеет постоянного значения. Мотивы и цели полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, различны и для квалификации не учитываются.

Список литературы

1. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. 304 с.

2. Сущенко Ю.К. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. 17 с.

3. Хлынцов М.Н. Борьба с половыми преступлениями (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1966. 19 с.

4. Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. 255 с.

5. Советское уголовное право. Часть Особенная / Н.С. Алексеев [и др.]. Л., 1959. 470 с.

6. Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 208 с.

7. Романов В.Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 200 с.

8. Сяткин Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

9. Гоноченко О.А. Уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.

10. Энциклопедия уголовного права. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб.: Издание профессора Малинина, 2011. 582 с.

11. Капинус О.С., Додонов В.Н. Незаконные половое сношение и иные действия сексуального характера с несовершеннолетними. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 200 с.

13. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 193 с.

References

1. Rarog A.I. *Kvalifikatsiya prestupleniy po sub"ektivnym priznakam* [Qualification of crimes by subjective criteria]. St. Petersburg, 2002. 304 p.

2. Sushchenko Yu.K. *Otvetstvennost' za polovye prestupleniya protiv nesovershennoletnikh po sovetskomu ugolovnomu pravu. Avtoref. Kand. Diss.* [Responsible for sex crimes against minors by Soviet criminal law. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 1967. 17 p.

3. Khlyntsov M.N. *Bor'ba s polovymi prestupleniyami (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie). Kand. Diss.* [Combating sexual offenses (criminal law and criminological research). Cand. Diss.]. Saratov, 1966. 19 p.

4. Ignatov A.N. *Kvalifikatsiya polovykh prestupleniy* [Qualifications of sexual offenses]. Moscow, 1974. 255 p.

5. Alekseev N.S. [i dr.]. *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Chast' Osobennaya* [Soviet criminal law. The special part]. Leningrad, 1959. 470 p.

6. Krasnyuk G.P. *Nenasil'stvennye seksual'nye posyagatel'stva na lits, ne dostigshikh chetyrnadtsatiletnego vozrasta. Kand. Diss.* [Nonviolent sexual abuse of persons under the age of fourteen years. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2000. 208 p.

7. Romanov V.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za polovoe snoshenie i inye deystviya seksual'nogo kharaktera s litsom, ne dostigshim shestnadtsatiletnego vozrasta. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2013. 200 p.

8. Syatkin N.N. *Polovoe snoshenie i inye deystviya seksual'nogo kharaktera s litsom, ne dostigshim shestnadtsatiletnego vozrasta: zakonodatel'nyy i pravoprimenitel'nyy aspekty. Kand. Diss.* [Sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen: legislative and enforcement aspects. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2013.

9. Gonochenko O.A. *Ugolovno-pravovye sredstva zashchity nesovershennoletnikh ot seksual'nogo sovrashcheniya i seksual'noy ekspluatatsi. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal legal means to protect minors from sexual abuse and sexual exploitation. Autoabstract Cand. Diss.]. Stavropol, 2004, 22 p.

10. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 15. Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti* [Encyclopedia of criminal law. Volume 15. Offenses against sexual inviolability and sexual freedom]. St. Petersburg, Publisher professor Malinin, 2011. 582 p.

11. Kapinus O.S., Dodonov V.N. *Nezakonnye polovoe snoshenie i inye deystviya seksual'nogo kharaktera s nesovershennoletnimi* [Unlawful sexual intercourse and other sexual acts with minors]. Available at: Reference and legal system "Consultant Plus".

12. Zatona R.E. *Ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty otvetstvennosti za polovoe snoshenie i inye deystviya seksual'nogo kharaktera s litsom, ne dostigshim chetyrnadtsatiletnego vozrasta. Kand. Diss.* [Criminally-legal and criminological aspects of responsibility for sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of fourteen. Cand. Diss.]. Saratov, 2000. 200 p.

13. Vasil'chenko D.E. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s prestupleniyami, posyagayushchimi na normal'noe polovoe i nravstvennoe razvitie maloletnikh. Kand. Diss.* [Criminally-legal and criminological problems of combating crime affecting the normal sexual and moral development of minors. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2002. 193 p.

КАЗНАЧЕЙ И.В.,
volakdm@va-mvd.ru
Адъюнктура;
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, Историческая, 130

KAZNACHEY I.V.,
volakdm@va-mvd.ru
Postgraduate Course,
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation

УВЕДОМЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ТЕХНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Реферат. Обозначена процессуальная самостоятельность уведомления, обоснована его нетождественность процедуре вызова. Констатируется недостаточное процессуальное регулирование уведомления, названы предусматривающие его ведомственные правовые акты. Затрагивается вопрос извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, приводятся позиции ученых относительно такого уведомления. Предлагается авторская редакция статьи, регламентирующей уведомление участников уголовного судопроизводства, которая состоит из шести частей. Часть первая закрепляет обязанность уведомления судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем участников уголовного судопроизводства. Часть вторая предусматривает способ уведомления (почтовая или иная связь, обеспечивающая фиксированное уведомление адресата). Уведомление с использованием технических средств связи допускается только с согласия уведомляемого и при наличии у него возможности быть уведомленным подобным способом. В третьей части предлагаемой статьи названы обязательные элементы уведомления: адресат, сведения, отражающие сущность уведомления, способ направления уведомления и сведения о его отправителе. Там же определяется, что в случаях, предусмотренных УПК РФ, совместно с уведомлением могут быть направлены копии процессуальных документов. Четвертая часть закрепляет право участников уголовного судопроизводства и иных лиц, подлежащих уведомлению, указать способ уведомления и другие сведения, необходимые для их своевременного информирования о ходе уголовного судопроизводства. Часть пятая статьи устанавливает, что юридическое лицо, признанное потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, подлежит уведомлению наряду с заявленным им представителем. Часть шестая предусматривает обязательность указания в материалах уголовного дела сведений о наименовании и основных технических характеристиках средств связи, с помощью которых проводилось уведомление.

Ключевые слова: технические средства коммуникации, уведомление, средства связи, уголовный процесс, уголовно-процессуальные отношения, участники уголовного процесса, правовое регулирование, процесс доказывания.

NOTIFICATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS THROUGH MODERN TECHNICAL MEANS OF COMMUNICATION

Abstract. Procedural independence of notification, its nonidentity to summons procedure are substantiated. Insufficient procedural regulation of the notice is stated. Departmental legal acts providing the notice are mentioned. The issue of notification of participants in the proceedings by means of SMS messages and the scientists' opinions concerning such notification is touched upon. The author's version of the article regulating notification of participants in criminal proceedings, consisting of six parts, is proposed. The first part fixes the duty of court, prosecutor, investigator and inquiry body to notify participants in criminal proceedings. The second part provides notification method (post or other communication, providing the recipient's fixed notification). Notification by using technical means of communication is permitted only with the consent of the notified and if he has the opportunity to be informed this way. The third part includes the required notification's elements: addressee, information reflecting the nature of notification, notification method, information about the sender. It's stated that in cases provided by the RF Criminal Procedure Code, the procedural documents' copies may be sent together with notification. The fourth part fixes the right of participants in criminal proceedings and other persons to be notified to specify the method of notification and other information necessary for their timely informing. The fifth part establishes that a legal person recognized as a victim, civil plaintiff or defendant shall be notified along with the claimed representative. The sixth part requires to specify in the criminal case's materials the information about the names and basic technical characteristics of the communication facilities which ensured notification.

Keywords: technical means of communication, notification, communication facilities, criminal procedure, criminal procedure relations, participants in criminal process, legal regulation, process of proving.

Являясь процессуально самостоятельным действием, уведомление находит свое отражение на каждой из стадий уголовного судопроизводства. Отметим, что на судебных стадиях уголовного процесса уведомление «вынужденно» ориентировано на положения ст. 232 УПК РФ, устанавливающей процедуру вызова, что не является идентичным.

Острота обозначенной проблемы компенсируется положениями ведомственных актов органов предварительного расследования и суда о реализации уведомления в уголовном судопроизводстве. Наиболее обстоятельно производство уведомления закреплено в актах Судебного департамента России, таких как: Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 декабря 2010 г. N 17-П); Инструкция Судебного департамента при Верховном Суде РФ об особых условиях направления, вручения почтовых отправлений разряда «Судебное» (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 декабря 2012 г. N 23-П) и др. Важное значение имеет Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. N 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»* (далее – приказ N 257 «Об использовании СМС-сообщений»). Настоящий правовой документ предусмотрел возможность уведомления участников судебного производства с помощью рассылки СМС-сообщений**. Считаем, что этим актом на стадии досудебного производства был реализован неизбежный для всего уголовного судопроизводства переход от использования традиционных – почтовых средств уведомления к совершенно новым – средствам технической коммуникации.

Оценивая потенциал представленных технических возможностей по уведомлению участников судебных стадий уголовного процесса, Е.В. Егоров замечает, что «Процесс организации извещения участников судопроизводства посредством отправки СМС-сообщений – тема для российской доктрины права весьма инновационная» [1, с. 16-17], вместе с тем «несомненно нужная процедура – она позволяет существенно экономить денежные средства, трудовые и временные ресурсы, позволяет сделать доставку информации до конечного абонента гораздо более оперативной» [1, с. 15]. Аналогичную позицию занимают О.С. Колосович, М.С. Колосович [2, с. 125], Е.Г. Кравец [3, с. 73], С.Д. Назаров [4, с. 82], В.Б. Вехов [5, с. 76], Ю.В. Контемирова [6, с. 53], А.Л. Осипенко [7, с. 39]. Т.И. Ширяева, продолжая тему, отмечает, что с принятием приказа N 257 «Об использовании СМС-сообщений» «Верховный Суд РФ обеспечил единство практики в судах общей юрисдикции, что, безусловно, является положительным. Однако за рамками указанного нововведения осталось досудебное производство по уголовным делам» [8, с. 413]. Разделяя позиции авторов, все же заметим, что форма уведомления не должна ограничиваться текстом СМС-сообщения. В ряде случаев уведомление подразумевает направление копии процессуального решения, например принятого в порядке ст. 145 УПК РФ. При этом современные технические средства коммуникации отвечают таким требованиям, располагая обширным арсеналом функций по направлению электронных документов, сканированных копий посредством линий информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», телетайпа, видеосигнала и т.д.

Отмеченные технологии, не находя своего должного отражения в контексте УПК РФ, используются на уровне ведомственных нормативных актов суда и некоторых органов предварительного расследования. Так, согласно приказу МВД России от 1 марта 2012 г. N 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации

---

* Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 дек. 2013 г. N 257 // Бюллетень актов судебной системы. 2014. N 2.

** Под СМС (Short Message Service) понимается коммуникационная технология, позволяющая осуществлять прием и передачу коротких текстовых сообщений при помощи мобильного телефона.

предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»* лицо вправе направить заявление в виде электронного документа. В соответствии с Инструкцией об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации** уведомление о принятом решении «направляется в форме электронного документа по указанному адресу электронной почты, а по заявлению, поступившему через Единый портал, направляется с использованием информационной системы в личный кабинет заявителя, созданный на указанном портале»***. Аналогичные формы дистанционного уведомления заложены и в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»****. Вместе с тем следует заметить, что использование подобных инновационных средств коммуникации осуществляется лишь на уровне отраслевых учреждений и ведомств, что существенно сужает возможность их применения для уголовно-процессуального законодательства в целом.

Учитывая каждый из доводов, приведенных выше, полагаем целесообразным разработать для УПК РФ новую процессуально-правовую регламентацию уведомления участников уголовного судопроизводства, устанавливающую возможность использования современных достижений технической индустрии [9, с. 28].

В связи с этим необходимо отметить ряд существенных обстоятельств. Во-первых, предполагаемая норма должна соответствовать всем критериям допустимости применения технических средств в уголовном процессе. Во-вторых, выраженный информационный характер уведомления дает нам возможность предположить, что структура его изложения должна предусматривать следующие компоненты:

1) кому направляется – адресат;

2) кто является инициатором отправления;

3) суть уведомления (с кратким описанием);

4) способ направления уведомления.

В-третьих, прогнозируя более широкое использование технических средств коммуникации, считаем важным предусмотреть:

а) согласие участника уголовного судопроизводства быть уведомленным с помощью использования технических средств коммуникации, к которым в данном случае относятся различные средства связи (например, мобильный телефон, поддерживающий прием СМС-сообщений, и т.п.);

б) возможность участника уголовного судопроизводства быть уведомленным посредством использования технических средств коммуникации;

в) соблюдение условий в обеспечении фиксированного уведомления адресата (участника уголовного судопроизводства) [10, с. 20].

В-четвертых, следует отметить особенность в уведомлении юридического лица (выступающего в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), когда его права осуществляет представитель. При возникновении определенных договорных отношений (прерывание или прекращение трудовой функции с работодателем, нанимателем) представитель не вправе отстаивать интересы юридического лица.

В-пятых, учитывая универсальный характер уведомления по отношению к обе-

* Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 1 марта 2012 г. N 140 // Рос. газ. 2012. 1 авг.

** Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сент. 2013 г. N 707 // Рос. газ. 2014. 17 янв.

*** Пункт 100 Приказа N 257 «Об использовании СМС-сообщений».

**** Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 20 сент. 2012 г. N 1735-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 40. Ст. 5474.

им стадиям уголовного судопроизводства, считаем необходимым рассмотреть предполагаемую норму в контексте первой части УПК РФ (Общие положения), шестого раздела (Иные положения). Редакция названия главы 17 может быть представлена в следующем виде: «Глава 17. Процессуальные сроки. Процессуальные издержки. Уведомление».

Рассмотренные обстоятельства в совокупности составляют уголовно-процессуальные основы производства уведомления с использованием технических средств коммуникации. Вместе с тем их возможное воплощение в единую норму УПК РФ может быть реализовано посредством следующей редакции:

«Статья 139.1. Уведомление участников уголовного судопроизводства и иных лиц о действиях и решениях, затрагивающих их права и законные интересы

1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель в случаях, установленных настоящим Кодексом, обязаны уведомить участников уголовного судопроизводства и иных лиц о действиях и решениях, затрагивающих их права и законные интересы.

2. Уведомление участников уголовного судопроизводства и иных лиц осуществляется с использованием почтового или иного вида связи, обеспечивающего фиксированное уведомление адресата. Уведомление с использованием технических средств связи допускается только с согласия уведомляемого и при наличии у него возможности быть уведомленным подобным способом.

3. В уведомлении указываются адресат, сведения, отражающие сущность уведомления, способ направления уведомления и сведения о его отправителе. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, совместно с уведомлением могут быть направлены копии процессуальных документов.

4. Участники уголовного судопроизводства и иные лица, подлежащие в соответствии с требованиями настоящего Кодекса уведомлению, вправе указать способ уведомления и другие сведения, необходимые для их своевременного информирования о ходе уголовного судопроизводства.

5. Юридическое лицо, признанное потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, подлежит уведомлению наряду с заявленным им представителем.

6. В случаях направления уведомления с использованием технических средств связи в материалах уголовного дела указываются сведения об их наименовании и основных технических характеристиках».

Принятие нашего предложения позволит существенно облегчить процедуру уведомления участников уголовного судопроизводства, расширив их доступ к нужной им информации, повысив в целом качество работы судебно-следственных органов.

Список литературы

1. Егоров Е.В. Актуальные проблемы системы извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений // Администратор суда. 2012. N 4. С. 16-18.

2. Колосович М.С., Колосович О.С. Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 3 (18). С. 124-129.

3. Кравец Е.Г. Современные возможности накопления, передачи и анализа информации, значимой для расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. N 2 (13). С. 72-77.

4. Казначей И.В., Назаров С.Д. Особенности нормативного регулирования участия понятых и использования технических средств при производстве следственных действий в свете изменений, вносимых в УПК России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. N 2 (25). С. 81-85.

5. Вехов В.Б. Криминалистически значимые сведения об электронной цифровой подписи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. N 1 (6). С. 71-80.

6. Контемирова Ю.В. Средства массовой информации как один из источников получения и использования оперативно-разыскной информации в борьбе с преступностью // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. N 3 (14). С. 51-55.

7. Осипенко А.Л. Оперативно-розыскная деятельность в киберпространстве: ответы на новые вызовы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. N 2 (37). С. 38-43.

8. Ширяева Т.И. Право потерпевшего на информацию: конституционные гарантии и проблемы реализации в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод чело-

века и гражданина при расследовании преступлений: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 2. М.: Ин-т повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. С. 410-416.

9. Алексеева А.П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 4 (19). С. 26-33.

10. Алексеева А.П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 4 (22). С. 16-20.

References

1. Egorov E.V. *Aktual'nye problemy sistemy izveshcheniya uchastnikov sudoproizvodstva posredstvom SMS-soobshcheniy* [Actual problems of system of the notice of participants of legal proceedings by means of SMS messages]. *Administrator* suda – Administrator of court, 2012, no. 4, pp. 16-18.

2. Kolosovich M.S., Kolosovich O.S. *Elektronnaya forma zayavleniya kak povod dlya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela* [Electronic application form as reason for initiation of legal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2011, no. 3 (18), pp. 124-129.

3. Kravets E.G. *Sovremennye vozmozhnosti nakopleniya, peredachi i analiza informatsii, znachimoy dlya rassledovaniya prestupleniy* [Modern possibilities of accumulation, transfer and the analysis of information, significant for investigation of crimes]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2010, no. 2 (13), pp. 72-77.

4. Kaznachey I.V., Nazarov S.D. *Osobennosti normativnogo regulirovaniya uchastiya ponyatykh i ispol'zovaniya tekhnicheskikh sredstv pri proizvodstve sledstvennykh deystviy v svete izmeneniy, vnosimykh v UPK Rossii* [Features of standard regulation of participation of witnesses and use of technical means by production of investigative actions in the light of the changes made to the Criminal Procedure Code of Russia]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2013, no. 2 (25), pp. 81-85.

5. Vekhov V.B. *Kriminalisticheski znachimye svedeniya ob elektronnoy tsifrovoy podpisi* [Criminalistic significant data on a digital signature]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2008, no. 1 (6), pp. 71-80.

6. Kontemirova Yu.V. *Sredstva massovoy informatsii kak odin iz istochnikov polucheniya i ispol'zovaniya operativno-razysknoy informatsii v bor'be s prestupnost'yu* [Mass media as one of sources of receiving and use of quick and investigation information in fight against crime]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2010, no. 3 (14), pp. 51-55.

7. Osipenko A.L. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v kiberprostranstve: otvety na novye vyzovy* [Operational search activity in a cyberspace: answers to new calls]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* – Scientific Herald of the Ministry of Internal Affairs Omsk academy of Russia, 2010, no. 2 (37), pp. 38-43.

8. Shiryaeva T.I. *Pravo poterpevshego na informatsiyu: konstitutsionnye garantii i problemy realizatsii v ugolovnom sudoproizvodstve* [Right of the victim on information: the constitutional guarantees and realization problems in criminal legal proceedings]. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak garant prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri rassledovanii prestupleniy* [Constitution of the Russian Federation as the guarantor of the rights and freedoms of the person and the citizen at investigation of crimes: materials of the international scientific and practical conference]. In 3 volumes. Volume 2. Moscow, Institute of professional development of Committee of inquiry of the Russian Federation, 2013. Pp. 410-416.

9. Alekseeva A.P. *Deyatel'nost' rossiyskoy politsii v otsenkakh obshchestvennosti* [Activity of the Russian police in public estimates]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia, 2011, no. 4 (19), pp. 26-33.

10. Alekseeva A.P. *Dorozhnaya karta dal'neyshego reformirovaniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (kadrovyy professionalizm, otkrytost' dlya doveriya i optimizatsiya): problemy i perspektivy realizatsii* [Road map of further reforming of law-enforcement bodies of the Russian Federation (personnel professionalism, openness for trust and optimization): problems and realization prospects]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 4 (22), pp. 16-20.

БОБКОВ Я.И.,
bobkov_111@mail.ru
Следственный отдел по городу Сыктывкар;
Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Коми,
167982, г. Сыктывкар, Интернациональная, 152

BOBKOV Ya.I.,
bobkov_111@mail.ru
Investigative Department of the city Syktyvkar;
Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Komi,
Internatsionalnaya St. 152, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Реферат. Рассматриваются общие вопросы правового статуса, показаны специфические особенности уголовно-процессуального статуса защищаемого лица в виде его одновременной регламентации нормами УПК России и специального федерального закона. В процессуальном законодательстве, как предполагается автором, статус защищаемого лица отдельно не устанавливается (в силу его совпадения с уже имеющимся процессуальным статусом). Отмечается, что защищаемыми лицами (в силу обладания правом на безопасность) могут быть не только традиционные участники судопроизводства, обеспечение безопасности которых – обязанность субъекта расследования. Анализируется опыт уголовно-процессуального регулирования Республики Беларусь: в одном правовом акте содержатся различные по содержанию и форме меры безопасности, имеющие единые основания и процедуру применения; закон регулирует процедуру, то есть процессуальную деятельность по расследованию преступления, а не организацию мер безопасности непроцессуального характера. Отсутствие самостоятельной статьи, регламентирующей правовой статус защищаемого лица, закрепляющей его понятие, основания и условия, при которых участник производства по уголовному делу признается таковым, а также права и обязанности при производстве по делу снижают эффективность реализации права на безопасность. Выделение в уголовно-процессуальном законе самостоятельной нормы (статьи), регулирующей правовой статус защищаемого лица как участника процессуальных отношений, содействующего уголовному судопроизводству, позволит исключить коллизии относительно статуса этого лица. Резюмируется, что такое предложение высказывалось и ранее, потому что выделение самостоятельной статьи в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации о статусе защищаемого лица как участника производства по уголовному делу является дискуссионным и требующим осмысления.

Ключевые слова: защита прав личности, уголовное дело, уголовный процесс, безопасность, потерпевший, свидетель, статус, участник процесса, защищаемые лица.

THE LEGAL STATUS OF THE PROTECTED PERSON IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. General issues of the legal status and specific features of the criminal procedural status of the protected person and its simultaneous regulation by the RF Criminal Procedure Code rules and special federal law are considered. The author suggests that in procedural legislation the protected person's status is not fixed separately (as it coincides with the existing procedural status). It's noted that not only traditional participants in the proceedings may be the protected persons (due to having the right to safety). The experience of the criminal procedure regulation of the Republic of Belarus is analyzed: a single legal act contains security measures different in content and form, but having common grounds and application procedure; the law regulates the procedure, i.e. procedural activities to investigate crimes, but not organizing security measures of non-procedural character. The lack of independent article regulating the legal status of the protected person, fixing its concept, grounds and conditions under which a person is recognized as a party to criminal proceedings, as well as the rights and responsibilities during the proceedings reduce the effectiveness of the right to safety implementation. Independent article of the Criminal Procedure Code, regulating the legal status of the protected person as a participant in procedural relations to facilitate criminal proceedings, would eliminate the conflict regarding the status of that person. It's summarized that such proposals have been made earlier, because establishing separate article on the status of the protected person as a participant in criminal proceedings in the Criminal Procedure Code is controversial and requires reflection.

Keywords: protection of individual rights, criminal case, criminal procedure, safety, victim, witness, status, participant in the process, protected persons.

Правовой статус участников правоотношений, как это следует из теории права, по общему правилу включает совокупность прав, обязанностей и юридической ответственности. Отдельные авторы (В.Т. Томин) дополняют этот перечень законными интересами, свободами и гарантиями имеющихся прав, утверждая первооснову в качестве законного интереса — как базиса, на основании которого строится сам правовой статус субъекта правоотношения. Значение и сущность законного интереса в праве, его влияние на формирование общественных отношений являются предметом пристального внимания исследователей [1, с. 94-97; 2, с. 37-41; 3, с. 118-121].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве все субъекты правоотношений делятся на различные группы в зависимости от функциональной роли, которую они выполняют при производстве по уголовному делу. Правовой (процессуальный) статус определяет направленность деятельности участника правоотношения. При этом, как верно отмечает М.Н. Марченко, «...только государство в действительности определяет, кто и при каких условиях может быть субъектом права, а следовательно, и участниками правоотношений, какими качествами он должен обладать» [4, с. 592].

Участники уголовного процесса, которые содействуют уголовному правосудию, по своей функциональной направленности тяготеют к стороне обвинения. И в связи с этим они наиболее подвержены противоправному воздействию. Устранение такого негативного влияния направлено на создание безопасных условий участия защищаемых лиц в процессе производства по уголовному делу.

Правовой статус защищаемого лица в уголовном деле представляется специфичным в силу того, что этот участник одновременно обладает не только уголовно-процессуальными правами и обязанностями, установленными в нормах УПК РФ, его правовой статус регулируется нормами специального закона — «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»* (далее — Закон N 119-ФЗ).

Отметим, что обеспечение мер государственной защиты и безопасности осуществляется в целях выполнения задач, установленных в уголовном и уголовно-процессуальном законах. Это следует из ч. 1 ст. 1 Закона N 119-ФЗ: государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства осуществляется в связи с их участием в уголовном судопроизводстве. Подобное содействие, скажем, в гражданском, арбитражном или административном процессе не является основанием для применения подобных мер.

Правовой статус защищаемого лица конкретизирован в главе 4 «Права и обязанности защищаемых лиц и органов, осуществляющих государственную защиту» в Законе N 119-ФЗ путем перечисления его прав и обязанностей. В частности, ст. 23 «Права и обязанности защищаемых лиц» закрепляет следующие права защищаемого лица:

1) знать свои права и обязанности;

2) требовать обеспечения личной и имущественной безопасности, личной и имущественной безопасности лиц, указанных в части 3 статьи 2 настоящего Федерального закона**;

3) требовать применения мер социальной поддержки в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом***;

---

* О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. N 119-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 34. Ст. 3534; 2014. N 6. Ст. 558.

** Имеются в виду близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на защищаемых лиц.

*** В этом пункте были внесены изменения на основании Федерального закона от 29 дек. 2004 г. N 199-ФЗ (ред. от 27 мая 2014 г.) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 1 (ч. 1).

4) знать о применении в отношении себя, а также своих близких родственников, родственников и близких лиц мер безопасности и о характере этих мер;

5) обращаться с заявлением о применении дополнительных мер безопасности, предусмотренных настоящим Федеральным законом, либо об их отмене;

6) обжаловать в вышестоящий орган, прокурору или в суд решения и действия органов, обеспечивающих государственную защиту, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации;

7) обращаться в орган, осуществляющий меры безопасности, за получением психологической помощи»*.

В части 2 этой же статьи указаны следующие обязанности защищаемых лиц:

1) выполнять условия применения в отношении их мер безопасности и законные требования органов, обеспечивающих государственную защиту;

2) немедленно информировать органы, обеспечивающие государственную защиту, о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении их;

3) при обращении с имуществом, указанным в пункте 2 части 1 статьи 6 настоящего Федерального закона и выданным им органами, осуществляющими меры безопасности, в пользование для обеспечения их безопасности, соблюдать требования федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации**;

4) сохранять в тайне сведения о применяемых в отношении их мерах государственной защиты***.

Помимо закрепления в Законе N 119-ФЗ прав и обязанностей защищаемого лица в связи с его содействием уголовному правосудию и применением к нему конкретных мер безопасности его права, уже как участника производства по уголовному делу, регулируются также и нормами уголовно-процессуального законодательства.

К сожалению, УПК РФ не содержит специальной статьи, в которой был бы определен правовой статус защищаемого лица. Такое отношение законодателя к обозначенной проблеме можно попытаться объяснить следующим: в качестве защищаемого лица в уголовном деле фигурируют только участники уголовного судопроизводства, статус которых определен в отдельных нормах, например в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» (ст.ст. 56-60 УПК РФ).

Вместе с тем до начала производства по уголовному делу (вынесения постановления о возбуждении уголовного дела) и проведения собственно следственных действий, в результате которых «появляются» участники уголовного процесса, закон в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ отмечает возможность применения отдельных мер безопасности в отношении участника досудебного производства по уголовному делу. Речь идет о применении одной из пяти уголовно-процессуальных мер безопасности, указанной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, — не приводить данные о личности в протоколе.

Итак, нормы УПК РФ устанавливают право на безопасность не только участников уголовного процесса, в том числе перечисленных в главе 8 УПК РФ, но и иных лиц как участников досудебного производства по уголовному делу. При этом в обязанность должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, вменяется обеспечение принятия мер безопасности, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

В связи с этим, по нашему мнению, интересным представляется законодательный опыт Республики Беларусь. В УПК Республики Беларусь имеется специальная глава 8 «Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц», которая, по существу, включает регламентацию как процессуальных

---

* Пункт 7 был дополнен на основании Федерального закона от 28 дек. 2013 г. N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52 (ч. 1). Ст. 6997).

** Имеется в виду выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности.

*** Пункт был изменен на основании Федерального закона от 21 декабря 2013 г. N 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 51. Ст. 6697). Уточнена обязанность сохранения в тайне сведений о применяемых мерах безопасности.

(неразглашение сведений о личности, освобождение от явки в суд, закрытое судебное заседание (п.п. 1-3 ч. 1 ст. 66 УПК Республики Беларусь), так и внепроцессуальных мер безопасности (личная охрана, охрана жилища и имущества – ст. 70 УПК Республики Беларусь, изменение паспортных данных и замена документов – ст. 71 УПК Республики Беларусь, запрет на разглашение и выдачу сведений – ст. 72 УПК Республики Беларусь) [5], которые закреплены в российском законодательстве не в тексте УПК РФ, а в специальном законе (Закон N 119-ФЗ).

На наш взгляд, такая законодательная конструкция в УПК Республики Беларусь предполагает некоторые выводы. Во-первых, в одном правовом акте содержатся различные по содержанию и форме меры безопасности, имеющие, по сути, единые основания и процедуру применения. Однако, во-вторых, УПК Республики Беларусь регулирует процедуру, то есть собственно процессуальную деятельность, связанную с расследованием преступления, но не с организацией мер безопасности внепроцессуального характера.

В заключение отметим, что правовой статус защищаемого лица в настоящее время регулируется по крайней мере двумя законами (УПК РФ и Закон N 119-ФЗ). В содержании УПК РФ отсутствует самостоятельная статья, посвященная правовому статусу защищаемого лица как участника уголовного судопроизводства. Права защищаемых лиц закреплены в различных уголовно-процессуальных нормах, что не способствует усилению гарантий защиты их законных интересов.

Предлагаемое нами дополнение текста действующего УПК РФ самостоятельной статьей не является новым. В свое время в УПК РСФСР отсутствовала статья, закреплявшая правовой статус такого участника уголовного судопроизводства, как свидетель. Так, например, в ст. 72 УПК РСФСР «Лица, вызываемые в качестве свидетелей* указывалось лишь, кто мог быть вызван в качестве свидетеля и кто не может быть допрошен в данном качестве, а в ст. 73 УПК РСФСР были перечислены только обязанности свидетеля. Таким образом, в УПК РСФСР отсутствовала самостоятельная статья, посвященная правовому статусу свидетеля, не был отражен перечень его прав, гарантий защиты законных интересов.

Развитию уголовно-процессуального статуса свидетеля в уголовном процессе, по нашему мнению, способствовали работы О.А. Зайцева [6], А.Ю. Епихина [7] и других ученых. Результатом этих и иных научных исследований является детальная регламентация совокупности прав и обязанностей свидетеля в современном УПК РФ (ст. 56).

По этим причинам целесообразно принять законодательные меры к более детальному регулированию статуса защищаемого лица в самостоятельной статье УПК РФ. Содержанием такой уголовно-процессуальной нормы должно являться понятие защищаемого лица, основания и условия признания участника уголовного процесса как защищаемого лица, его права и обязанности при производстве по делу.

---

* Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 592.

Список литературы

1. Краснов А.В. Законный интерес как элемент содержания договорного правоотношения // Договор в российском гражданском праве: значение, содержание, классификация и толкование: материалы Всерос. межвуз. «круглого стола», 28-29 декабря 2002 г. Самара: Изд-во Самарской гос. экон. академии, 2002. С. 94-97.

2. Краснов А.В. Законный интерес: теоретический и цивилистический аспекты // Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе: материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию восстановления юридического факультета в Казанском государственном университете, Казань, 30-31 октября 2002 г. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2003. С. 37-41.

3. Краснов А.В. К вопросу о правовой природе законного интереса // Общество. Право. Экономика: материалы Всерос. (межрегиональной) науч.-практ. конф., Москва, 23-24 января 2003 г. / отв. ред. Н.С. Голубкова, В.В. Долинская. М.: Экономико-правовой ин-т, 2003. С. 118-121.

4. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2009.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / предисл. В.И. Рохлина, А.П. Стуканова; обзор. ст. А.А. Данилевича. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 602 с.

6. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: ЭКЗАМЕН, 2002. 512 с.

7. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. 23 с.

References

1. Krasnov A.V. *Zakonnyy interes kak element soderzhaniya dogovornogo pravootnosheniya* [Legitimate interest as an element of the content of the contractual relationship]. *Dogovor v rossiyskom grazhdanskom prave: znachenie, soderzhanie, klassifikatsiya i tolkovanie* [Treaty in the Russian civil law meaning, content, classification and interpretation]. Samara, Publishing house of Samara State economic Academy, 2002. Pp. 94-97.

2. Krasnov A.V. *Zakonnyy interes: teoreticheskiy i tsivilisticheskiy aspekty* [Legitimate interest: theoretical aspects and tsivilisticheskoy]. *Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya na sovremennom etape* [Actual problems of legal science and education at the present stage]. Kazan, Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2003. Pp. 37-41.

3. Krasnov A.V. *K voprosu o pravovoy prirode zakonnogo interesa* [On the question of the legal nature of the legal interest]. *Obshchestvo. Pravo. Ekonomika* [Society. Right. Economy]. Moscow, Economics and Law Institute, 2003. Pp. 118-121.

4. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Prospect Publ., 2009.

5. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2001, 602 p.

6. Zaytsev O.A. *Gosudarstvennaya zashchita uchastnikov ugolovnogo protsessa.* [State protection of participants in the criminal process]. Moscow, EKZAMEN Publ., 2002. 512 p.

7. Epikhin A.Yu. *Zashchita zakonnykh prav i interesov svidetelya v ugolovnom protsesse. . Avtoref. Kand. Diss.* [Protection of the legitimate rights and interests of a witness in a criminal trial. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 23 p.